

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ

Scandinavica

Издается с 1961 г.

Межвузовский сборник

X

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

ББК 81.2 + 83

С42

Редакционный совет серии: д-р филол. наук проф. *Ю. К. Кузьменко* (председатель) (Ин-т лингв. иссл. РАН), д-р филол. наук проф. *Е. М. Чекалина* (Моск. гос. ун-т), д-р филол. наук проф. *И. П. Куприянова* (С.-Петербург. гос. ун-т), д-р филол. наук доц. *И. М. Михайлова* (С.-Петербург. гос. ун-т)

Редакционная коллегия выпуска: канд. филол. наук проф. *Б. С. Жаров* (отв. ред.) (С.-Петербург. гос. ун-т), канд. филол. наук доц. *Е. В. Краснова* (С.-Петербург. гос. ун-т), канд. филол. наук доц. *А. Н. Ливанова* (С.-Петербург. гос. ун-т), канд. филол. наук доц. *П. А. Лисовская* (С.-Петербург. гос. ун-т), канд. филол. наук доц. *А. В. Савицкая* (С.-Петербург. гос. ун-т)

Рецензент ведущий научный сотрудник *А. А. Бурьякин* (Ин-т лингв. иссл. РАН)

Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 10:

С42 Межвуз. сб. / Отв. ред. *Б. С. Жаров*. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. — 273 с.

В сборнике рассматриваются важные вопросы скандинавской и нидерландской филологии и истории. Большое внимание уделяется изучению проблем грамматического строя, лексикологии скандинавских языков и нидерландского языка в синхронном срезе. Включены статьи, содержащие результаты исследований по литературе Скандинавских стран и Нидерландов, а также отражающие литературные и исторические связи между Россией и этими странами. Впервые публикуются в русском переводе воспоминания о плене в России и войнах Карла XII шведского офицера Карла фон Руланда.

Сборник посвящен юбилейным датам выдающихся ученых-скандинавистов профессора Валерия Павловича Беркова и профессора Ирины Петровны Куприяновой.

Для специалистов в области скандинавской и нидерландской филологии и истории, а также всех интересующихся языком, литературой и историей Скандинавских стран и Нидерландов.

ББК 81.2 + 83

*Издано при поддержке Информационного бюро
Совета Министров Северных Стран в Санкт-Петербурге*

norden

Nordic Council of Ministers

*Королевского Генерального Консульства Норвегии в Санкт-Петербурге
Нидерландского Языкового Союза*

© С.-Петербургский государственный университет, 2009

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

В 2009 г. научная общественность отмечает юбилей двух выдающихся российских ученых, работающих в области скандинавской филологии.

Профессор **Валерий Павлович Берков**, которому 11 августа 2009 г. исполняется 80 лет, — один из наиболее известных в нашей стране и за рубежом специалистов в области скандинавской филологии и общего языкознания.

Более шести десятилетий его жизни связано с Ленинградским / Санкт-Петербургским университетом. Длительное время он преподавал практический норвежский язык, затем главным для него стало чтение общих теоретических курсов и спецкурсов на скандинавских отделениях. Ряд лет он читал также курс введения в языкознание на восточном факультете. В 1972 г. Валерий Павлович провел большую работу по организации первого в истории университета нидерландского (голландского) отделения и несколько лет читал на нем теоретические курсы. В 1978 г. Валерий Павлович возглавил кафедру скандинавской филологии, став преемником своего учителя Михаила Ивановича Стеблин-Каменского, и 19 лет руководил ею.

Интенсивно протекавшая все годы научная деятельность включает очень многие и очень разные направления. Валерий Павлович Берков — крупнейший теоретик и практик лексикографической науки. В 1962 г. он опубликовал «Исландско-русский словарь», первый в истории словарь для этой пары языков. Заинтересовавшись теоретическими проблемами словарного дела, он написал много работ, которые вылились в докторскую диссертацию. По материалам

диссертации были опубликованы книги «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» и «Слово в двуязычном словаре», во многом ставшие новым словом в лексикографической науке. Позже он на основе большого практического опыта и наблюдений над словарным делом изложил теоретические основы составления словарей в книге «Двуязычная лексикография» (СПб., 1996). Эта книга стала первым не только в российской, но и в мировой науке учебником по этой отрасли языкознания (2-е изд. М., 2001).

На протяжении нескольких десятков лет Валерий Павлович один работал над созданием «Русско-норвежского словаря», который был выпущен в 1987 г. объемом 176 авторских листов (переиздан в Москве в 1998 г.). За этот словарь Валерий Павлович получил 1-ю премию Минвуза страны. Но работа не остановилась, расширенное издание объемом уже более 200 авторских листов вышло в Норвегии в 1994 г. под названием «Большой русско-норвежский словарь». Сдано в печать еще одно, также дополненное издание. Это титанический труд для одного человека. К тому же этот словарь во многих отношениях новаторский, указывающий пути для будущих поколений составителей словарей.

В 2003 г. в Осло вышел «Большой норвежско-русский словарь» объемом 250 авторских листов (1605 страниц!), который на протяжении многих лет создавался норвежско-российским коллективом под руководством Валерия Павловича. Им были определены принципы работы над словарем, написаны многочисленные части и отредактирован весь словарь. Словарь уже получил очень высокую оценку рецензентов, признан лучшим норвежским словарем 2004 г. и получил премию. Словарь дважды переиздавался (в Осло в 2005 г., в Москве в 2006 г.).

Помимо названных словарей Валерий Павлович выпустил несколько менее крупных: «Русско-норвежский словарь крылатых слов» (М., 1980), «Русско-английский словарь крылатых слов» (в соавторстве с И. А. Уолш. М., 1984; 1988; 2002), «Русские фразеологизмы в картинках в переводе на датский, норвежский, шведский языки» (в соавторстве с М. И. Дубровиным, Б. С. Жаровым, С. С. Масловой-Лашанской. М., 1988), «Большой словарь крылатых слов русского языка» (в соавторстве с В. М. Мокиенко, С. Г. Шулешковой. М., 2000). За цикл работ по лексикографии он был награжден 1-й премией Санкт-Петербургского государственного университета.

Постоянная работа над словарным материалом дала Валерию Павловичу возможность осмысления процессов, происходящих в лексике. Результатом стали не только многие статьи по частным вопросам, но и книга «Норвежская лексикология», вышедшая на русском (СПб., 1994) и норвежском (Осло, 1997) языках. В Норвегии она используется как учебник в университетах.

Валерий Павлович по-прежнему интересуется вопросами грамматики. За кандидатской диссертацией «Залоговое значение возвратных форм в древнеисландском и современном норвежском языках» последовали статьи, в которых рассмотрены вопросы грамматического строя скандинавских языков. Итогом этой работы стали оригинальная контрастивная норвежско-русская грамматика (Aktiv russisk grammatikk. Осло, 1999) и «Краткий справочник по грамматике норвежского языка» (М., 2005).

Валерий Павлович — германист широкого профиля. Он опубликовал книгу «Современные германские языки» (СПб., 1996; М., 2001), представляющую не только описание каждого из языков по единой схеме, но и сопоставление отдельных аспектов и явлений этих языков, сделанное чрезвычайно оригинально и убедительно. Опубликовано чешский перевод книги (Прага, 2002). Он — также автор учебника «Введение в германистику» (М., 2006) и один из авторов «Введения в германскую филологию», вышедшего несколькими изданиями.

На многочисленных научных конгрессах, конференциях и семинарах как в России, так и за рубежом Валерий Павлович выступал с докладами, которые вызывали живейший интерес аудитории. Он читал лекции в многочисленных научных учреждениях и учебных заведениях Германии, Дании, Исландии, Нидерландов, Канады, Швеции, а также Фарерских островов. С 1994 по 1999 г. был профессором-совместителем («professor II») на кафедре скандинавистики университета Осло. Десятками исчисляется количество докладов и лекций в вузах Норвегии. К этому надо добавить лекции в норвежских высших народных школах и средних учебных заведениях по истории России, ее современному положению. Он курировал преподавание скандинавских языков в вузах Северо-Запада России. Читал лекции в Москве, Владивостоке, Твери, Кокчетаве, Кемерове и других городах России.

Один из важных аспектов научной деятельности Валерия Павловича — руководство молодыми учеными, которые пишут диссер-

тации по различным вопросам многих языков: шведского, норвежского, нидерландского, английского, болгарского. 18 его воспитанников защитились. Поражает разнообразие направлений и тем исследований (лексика, лексикография, грамматика, речь в патологии), что лишний раз свидетельствует о широких лингвистических интересах и глубоких знаниях руководителя диссертантов. Среди его учеников есть доктора филологических наук.

В своих интересах Валерий Павлович не ограничивается вопросами языка. У него есть работы также и по норвежской и исландской литературе. Он — один из лучших специалистов по древнеисландской литературе. Был составителем двух антологий норвежской литературы. Много сил Валерий Павлович уделяет переводческой деятельности. Им переведены произведения наиболее известных норвежских и современных исландских писателей, а также древнеисландская «Сага о Ньяле».

В 1988 г. Академия наук Норвегии избрала Валерия Павловича своим членом. На торжественной церемонии в Осло в присутствии короля Норвегии Улава V ему был вручен диплом члена Академии. В 1997 г. за работы о Норвегии, ее культуре, языке, словари и переводы произведений норвежской литературы на русский язык ему была присуждена Большая Академическая премия (Akademikprisen). За работы по фризскому языку в 1994 г. Валерий Павлович стал членом Фризской Академии (Нидерланды). В 2004 г. Российская Академия естественных наук избрала Валерия Павловича действительным членом Академии по секции «Российские энциклопедии».

Валерий Павлович Берков — кавалер орденов трех государств: он награжден российским «Орденом Дружбы», высшим норвежским орденом «За заслуги» 1 класса и высшим исландским орденом — «Орденом Сокола». Последний был вручен ему Президентом Исландии Оулавюром Рагнарсом Гримссоном во время государственного визита в Российскую Федерацию в апреле 2002 г. Все эти награды свидетельствуют о высокой оценке заслуг выдающегося филолога.

Профессор **Ирина Петровна Куприянова**, крупнейший в нашей стране специалист по литературе стран Скандинавии, отмечает свой юбилей 8 сентября.

Ирина Петровна училась в Ленинградском университете в са-

мой первой группе датского отделения, созданного тогда в нашей стране. Ее преподавателем датского языка была Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова, дочь знаменитых переводчиков Анны Васильевны и Петра Готфридовича Ганзенов, познакомивших читающую Россию с произведениями Х. Ибсена, Х. К. Андерсена и великого множества других писателей Скандинавии. На скандинавском отделении в те годы преподавали также замечательные филологи Михаил Иванович Стеблин-Каменский, Владимир Григорьевич Адмони, Сарра Семеновна Маслова-Лашанская.

С первых дней Ирина Петровна проявила особый интерес к скандинавской литературе. После окончания университета она поступила в аспирантуру, написала, а в 1963 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Творчество датского писателя-реалиста Хенрика Понтопидана». До этой работы выдающийся датский писатель, лауреат Нобелевской премии был мало известен в нашей стране.

В Ленинградском / Санкт-Петербургском университете Ирина Петровна преподает с 1958 г. Длительное время это были в основном различные аспекты практического датского языка. Многочисленные специалисты, работающие с датским языком в нашей стране и за рубежом, с глубокой благодарностью вспоминают своего учителя. Стоит напомнить, в каких трудных условиях приходилось тогда работать преподавателям, поскольку не было словарей, не хватало книг, не существовало поездок студентов и даже преподавателей в страну изучаемого языка, не говоря уже о том, чтобы в преподавании принимали участие иностранные лекторы.

С самого начала преподавания Ирина Петровна приступила также к чтению систематического курса истории литературы Скандинавии, который был практически создан ею совершенно самостоятельно, поскольку ранее читавшийся на скандинавском отделении курс под этим названием был весьма краток и хронологически заканчивался рассмотрением творчества Х. Ибсена. Ирина Петровна читает этот расширенный курс до сих пор. Несколько поколений студентов всех трех отделений кафедры скандинавской филологии с восторгом слушают ее лекции — увлекательные, пробуждающие мысль слушателя, зовущие к самостоятельной работе над материалом. Она много лет руководит также написанием курсовых работ студентов, их дипломных сочинений, а сейчас также и магистерских диссертаций.

В 1960 г. Ирина Петровна прошла годичную научную стажировку в Копенгагенском университете. В 1973–1975 гг. она работала преподавателем русского языка в Орхусском университете (Дания). На основании изучения богатейшего материала, собранного ею в многочисленных библиотеках Дании и поэтому недоступного российским исследователям, она написала и защитила в 1980 г. докторскую диссертацию на тему «Датская драматургия первой половины XX века», которая была высоко оценена не только отечественными, но и датскими исследователями.

Вплоть до 1981 г. Ирина Петровна работала преподавателем кафедры скандинавской филологии, затем перешла на кафедру истории зарубежных литератур. Коллеги доверили ей руководство кафедрой истории зарубежных литератур, которую она возглавляла с 1988 по 1999 г. Она читает лекции по истории западноевропейских литератур для студентов различных отделений. Активно работая в области истории европейской литературы, она в то же время никогда не покидала скандинавистику.

Ирина Петровна опубликовала более ста работ, выходящих у нас в стране и за рубежом. Всем филологам-скандинавистам, а также историкам западноевропейского театра хорошо известна ее интереснейшая монография «Датская драматургия первой половины XX века» (Л., 1979). Она принимала участие в капитальных академических изданиях и популярных справочниках: «История всемирной литературы» (Т. 7. М., 1991), «Большая Советская энциклопедия», «История зарубежного театра» (Т. 8. М., 1988), «Литературная энциклопедия». Много интересных статей опубликовано в научных сборниках и журналах. Многочисленные переводы книг скандинавских авторов на русский язык сопровождаются ее вступительными статьями и комментариями. Она была редактором многих изданий, в частности вышедших в серии «Литературные памятники» издательства «Наука» двух сборников переводов произведений Х. К. Андерсена, а также драм «Кесарь и Галилеянин» и «Росмерсхольм» Х. Ибсена. Ирина Петровна опубликовала несколько переводов со скандинавских языков.

Научный авторитет Ирины Петровны среди коллег неоспорим. Она принимает самое активное участие в работе международных и российских научных конференций и симпозиумов. Вот уже многие годы она — член оргкомитета всероссийских конференций по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинав-

ских стран и Финляндии и возглавляет секцию литературоведения.

Ирина Петровна руководила аспирантами, которые писали работы по литературе многих европейских и не только европейских стран. Десять человек из них уже защитили кандидатские диссертации. В 1991 г. она была приглашена в Орхусский университет (Дания), где прочитала курс лекций по советской литературе и спецкурс по творчеству Юрия Трифонова.

Большая научная и учебная деятельность нисколько не мешает ей активно участвовать в жизни факультета. На протяжении ряда лет Ирина Петровна была ученым секретарем Ученого совета филологического факультета, избиралась председателем профбюро факультета.

Ирина Петровна награждена российским «Орденом Дружбы».

Многочисленные ученики, а также коллеги и ученые, работающие во многих странах мира, сердечно поздравляют Валерия Павловича Беркова и Ирину Петровну Куприянову с юбилеем. Их большая творческая активность позволяет быть уверенным в том, что они еще многое смогут сделать.

Б. С. Жаров

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ В. П. БЕРКОВА

Здесь дана библиография работ за 1999–2009 гг. Библиография работ В. П. Беркова 1954–1999 гг. опубликована в кн.: Профессор Валерий Павлович Берков. СПб., 1999. С. 14–34. Кроме этого, есть библиографии работ В. П. Беркова 1954–1988 гг. в кн.: Библиографический указатель по германскому и общему языкознанию: Профессор Валерий Павлович Берков / Сост. А. М. Бушуй, Б. С. Жаров, А. В. Савицкая. Самарканд, 1989; работ 1988–1999 гг. в кн.: Скандинавская филология = *Scandinavica*. СПб., 1999. Вып. 6. С. 7–10; работ 1999–2003 гг. в кн.: Скандинавская филология = *Scandinavica*. СПб., 2004. Вып. 7. С. 196–197.

1999

1. Введение в скандинавскую / нидерландскую филологию; Древне-скандинавская литература; История норвежского языка; Теоретическая грамматика норвежского языка; Лексикология норвежского языка; География Норвегии (на норвежском языке) // Кафедра скандинавской филологии: Учебные программы. СПб., 1999. С. 7–14, 27–29, 31–33, 69–70.
2. Загадки древнеисландской культуры // Литература в зеркале эпохи. СПб., 1999. С. 6–17.
3. Новое в норвежском языке // Скандинавская филология = *Scandinavica*. СПб., 1999. Вып. 6. С. 14–34.
4. [Пер. с др.-исл.; новая редакция] *Saga о Ньяле* // Исландские саги. СПб., 1999. С. 47–370.
5. Э. Р. Кнудсен-Полонская // Скандинавская филология = *Scandinavica*. СПб., 1999. Вып. 6. С. 11–13.
6. *Aktiv russisk grammatikk*. Oslo, 1999. 134 s.
7. *De tospråklige ordbøkers begrensninger* // *Nordiska studier i lexicografi*. 4. Rapport från Konferencen om lexicografi i Norden. Esbo 21–14 maj 1997. Helsingfors, 1999. S. 11–15.

8. Elvira Knudsen-Polonskaja — et varmt pust fra Norge // Ordet. 1999. No 2. S. 30–32.

9. Um eðli og séstöðu orðtengslabka // Íslenskt mál og almenn máfræði (19–20 Árg. 1997/98). 1999. Bls. 243–250 (совместно с Х. Харальдссоном).

2000

10. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000. 624 с. (совместно с В. М. Мокиенко, С. Г. Шуленковой).

11. Введение в германскую филологию: 3-е изд. М., 2000. 319 с. (совместно с М. А. Арсеньевой, С. П. Балашовой, Л. Н. Соловьевой).

12. Исландский язык // Языки мира: Германские языки; Кельтские языки. М., 2000. С. 170–198.

13. Норвежский язык // Там же. С. 300–328.

14. О словарях XXI века // Мир русского слова. 2000. № 3. С. 65–66.

2001

15. [Рец.:] Раск Р. К. Руководство по языку акра / Пер. с датск. СПб., 1999. 132 с. // Восток. 2001. № 2. С. 203–204.

16. Современные германские языки: 2-е изд. М., 2001. 336 с.

17. [Rec.:] Langslet, Lars Roar. I kamp for norsk kultur: Riksmålsbevegelsens historie gjennom 100 år. Oslo, 1999. 447 s. // Norsk Lingvistisk Tidsskrift. 2001. Hefte 1. S. 144–147.

2002

18. Как мы живем: Пособие по страноведению для изучающих русский язык. СПб., 2002. 114 с. (совместно с А. В. Берковой, О. В. Берковой).

19. Русско-английский словарь крылатых слов: 3-е изд. М., 2002. 300 с. (совместно с И. А. Уолш).

20. [Rec.:] Berulfsen B., Gundersen D. Fremmedord blå ordbok: 16. utg. Oslo, 2000. 485 s. // LexicoNordica. 2002. No 8. S. 183–188.

21. Hva vet normenn og russere om verandre? Betragtninger omkring to språk og kulturer // P2-Akademiet W, NRK-Fakta 2002. S. 165–174.

22. Současné germánské jazyki. Praha, 2002. 324 s.

2003

23. Белое пятно скандинавистики (Фарерские острова) // Philologica Scandinavica: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 11–27.

24. Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках // Современные языковые процессы: Межвуз. сб. СПб., 2003. С. 3–22.

25. Как мы живем: Пособие по страноведению для изучающих русский язык. 2-е изд. СПб., 2003. 114 с. (совместно с А. В. Берковой, О. В. Берковой).

26. [Главный редактор и автор многих материалов:] Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь. Oslo, 2003. 1605 s.

2004

27. Двухязычная лексикография: Учебник для студ. высш. учебных заведений. 2-е изд. М., 2004. 237 с.

28. Двухязычная лексикография и реальность (Прозаические соображения по выходе Большого норвежско-русского словаря) // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 2004. Вып. 7. С. 9–19.

2005

29. Краткий справочник по грамматике норвежского языка. М., 2005. 111 с.

30. Русские имена, отчества и фамилии: Правила употребления. М., 2005. 71 с.

31. Слово об отце // Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове. М., 2005. С. 32–40.

32. [Главный редактор и автор многих материалов:] Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь. 2-е изд. Oslo, 2005. 1605 s.

2006

33. Введение в германистику: Учебник для университетов. М., 2006. 199 с.

34. [Главный редактор и автор многих материалов:] Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь. М., 2006. 1605 s.

2007

35. Об имплицитном в словаре // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 2007. Вып. 9. С. 25–37.

2009

36. Норвежская лексикология: Учебник для университетов (в печати).

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ И. П. КУПРИЯНОВОЙ

Здесь дана библиография работ за 1999–2009 гг. Библиография работ И. П. Куприяновой 1957–1998 гг. опубликована в кн.: Литература в зеркале эпохи: Сб. статей к юбилею проф. И. П. Куприяновой. СПб., 1999. С. 176–179.

1999

1. Роман С. О. Мадсена «Нравственность и безнравственность в срединную эпоху» // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб., 1999. Вып. 6. С. 131–139.

2000

2. Предисловие // Бурман К. Десятая муза. СПб., 2000. С. 7–9.

2001

3. Скандинавия // История зарубежной литературы XIX века. М., 2001. С. 394–404.

4. «Французская автобиография» Леоноры Кристины Ульфелдт // Эврика: Сб. статей к 80-летию Н. А. Чистяковой. СПб., 2001. С. 136–145.

5. Литературные судьбы Марии Груббе // XIV конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Москва; Архангельск, 2001. С. 230–231.

6. [Пер. с норв.:] Рассказы норвежских писателей (Л. Стиен, Х. Э. Бардель, А. Бьёркли, Л. Х. Хансен, Э. Йенсен, П. Эйкос, Ф. Ванг) // Здесь начинаются дороги. Архангельск, 2001. С. 56–57, 63–66, 72–74, 76–77, 86, 89–90.

2003

7. Томас Глан в постмодернистском варианте // *Philologica Scandinavica*: Сб. статей к 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 118–124.
8. Лудвиг Хольберг о Петре I // Скандинавские чтения 2002 года. СПб., 2003. С. 435–438.
9. [Ред.:] Автор. Герой. Рассказчик: Сб. статей. СПб., 2003. 186 с.

2004

10. П. У. Энквист и его роман «Визит лейбмедика» // Энквист П. У. Визит лейбмедика. СПб., 2004. С. 403–413.
11. Трагедия Й. Х. Весселя «Любовь без чулок» // Скандинавская филология = *Scandinavica*. СПб., 2004. Вып. 7. С. 153–160.
12. Литературные судьбы Марии Груббе // Художественное сознание и действительность. СПб., 2004. С. 246–267.
13. Драма Йоханнеса Эвальда «Рыбаки» // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 2004. Ч. 2. С. 381–382.

2005

14. Роман Х. К. Андерсена «Две баронессы» // История и культура: Актуальные проблемы. СПб., 2005. С. 307–316.
15. [Ред.:] Художественный текст: Структура и поэтика: Сб. статей. СПб., 2005. 287 с.

2006

16. Драма Й. Эвальда «Рыбаки» // Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006. С. 329–334.
17. Роман Фредерика Палудан-Мюллера «Адам Хомо» // Скандинавская филология = *Scandinavica*. СПб., 2006. Вып. 8. С. 125–135.
18. [Ред.:] Ибсен, Хенрик. Кесарь и Галилеянин; Росмерсхольм. СПб., 2006. 742 с. (Литературные памятники).

2007

19. Й. Л. Хайберг и его драматическая сатира «Душа после смерти» // Скандинавская филология = *Scandinavica*. СПб., 2007. Вып. 9. С. 131–141.

2008

20. Стен Стенсен Бликкер и его повесть «Отрывки из дневника сельского дьячка» // Материалы XVI конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Москва; Архангельск, 2008. Ч. II. С. 85–86.

21. «Жизнь и мнения» Й. Эвальда // Художественный текст как целостная система. СПб., 2008. С. 163–173.

2009

22. Статьи разных лет. СПб., 2009. 132 с.

А. С. Алёшин

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ФИГУРУ ЧЕЛОВЕКА

Устойчивые сравнения (УС) — один из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанный «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них»¹. Фразеологический состав любого развитого языка, как справедливо отмечает Н. Л. Шадрин, содержит значительное количество выражений, построенных по модели сравнения. Они «отличаются от индивидуально-авторских сравнений постоянством своей формы и структуры, традиционным значением, известностью основной массе носителей языка, воспроизводимостью в готовом виде и более или менее широкой употребительностью в устной и письменной речи»². При наличии универсальных черт УС отличаются в каждом конкретном языке национально-культурной спецификой, которая проявляется в различии избранных в той или иной культуре эталонов сравнения и стереотипных представлений. УС отражают национальное мировоззрение. По мнению В. Н. Телия, устойчивые сравнения — это система образов-эталонов. Эталон — «это характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства. “Эталонизированные представления” в устойчивых сравнениях как бы “задают” образцы здоровья, красоты, глупости и т. д.»³.

© А. С. Алёшин, 2009

Цель настоящей статьи — выявление эталонов УС шведского языка, описывающих фигуру человека, на фоне УС русского языка. Материалом для исследования послужили данные фразеологического словаря шведского языка⁴, результаты анкетирования носителей шведского языка, иллюстративные контексты употребления анализируемых единиц в шведской художественной литературе⁵, а также данные словарей устойчивых сравнений русского языка⁶.

По данным фразеологического словаря шведского языка, УС описывают фигуру человека по следующим параметрам:

полнота и **худоба**: *ngn är rund som en boll* — круглый (толстый) как мяч; *ngn är rund som ett klot* — круглый как шар; *ngn ser ut som en stoppad korv* — выглядит как набитая колбаса (толстый); *tjock som en tunna* — толстый как бочка; *rund som en tunna* — круглый как бочка; *smal som en sticka* — тонкий как щетка; *smal som en pinne* — тонкий как палка; *mager som en skrika* — худой как сойка; *ngn är stor som ett hus* — большой как дом; *ngn är stor som en jätte* — большой как великан; *ngn är bred som en ladugårdsdörr* — широкий (здоровый) как дверь в скотный двор;

рост: *lång som en stör* — длинный как жердь; *lång som en stång* — длинный как шест;

осанка: *rak som ett ljus* — прямой как свеча; *ngn är (står) rak som en fura* — кто-л. (стоит) прямой (прямо) как сосна.

Для детального анализа мы выбрали группы УС, характеризующих фигуру человека с точки зрения **полноты** и **роста**.

Для выявления УС, функционирующих в современной шведской речи и не зафиксированных в словаре, нами было проведено анкетирование 19 носителей шведского языка в возрасте от 25 до 65 лет, имеющих высшее (гуманитарное) и среднее специальное образование. Опрос проводился в июле 2008 г. в г. Малунг. Информантам было предложено написать УС, характеризующие толстого и худого, высокого и низкорослого человека. Результаты анкетирования позволили значительно расширить список исследуемых единиц. Так, для характеристики толстого человека опрашиваемые привели следующие выражения: *tjock som en säl, som en gris, som en boll, som en tunna, som ett klot, som en korv, som en bulle, som en ballong, som en flodhäst, som en elefant, som en pannkaka, som en ladugårdsdörr*; худого человека охарактеризовали с помощью таких УС, как: *mager som en pinne, som en sticka, som en vinthund, som ett skelett, som en räka, som en get, som en speta, som ett spett*; высо-

кого и низкорослого соответственно как: *lång som en stång, som en stör, som en stolpe, som en fyr, som ett torn, som en fana, som en giraff* и *kort som en myra, som en dvärg, som en stubbe, som en pygme, som en tvärhand*. После исключения единичных реакций (как окказиональных, не будучи частотными), можно констатировать следующее.

Устойчивостью в современном шведском языке обладают выражения, характеризующие **толстого** человека, которые используют в качестве эталонов сравнения зоонимы — *свинья* и *слон* (реакции *тылень* и *бегемот* оказались единичными): *tjock som ett svin, tjock som en elefant*; округлость форм при полноте описывается такими УС, которые в качестве эталонов используют *мяч* и *шар* (возможно с конкретизацией — *воздушный шарик*): *rund som en boll, rund som ett klot (som en ballong)*; хозяйственно-бытовые реалии в качестве эталонов сравнения представлены такими единицами, как *бочка* (возможна конкретизация *бочка с пивом*) и *дверь на скотный двор*: *tjock som en (öl) tunna, tjock som en ladugårdsdörr*; наименования еды выступают как эталоны сравнения в таких УС, как *tjock som en korv, tjock som en bulle* — как *сосиска* и как *булочка* (выражение *как блин* оказалось единичным).

Среди выражений, характеризующих **худого** человека, устойчивыми были такие, как *mager som en pinne, mager som en sticka*, названные подавляющим большинством информантов. Устойчивость этих выражений подтверждается также материалом фразеологического словаря шведского языка. В качестве эталонов сравнения в таких единицах используются реалии хозяйственно-бытовой жизни — *палка, щепка. Заноза* и *шампур* служат эталонами сравнения в таких единицах, как *mager som en speta, mager som ett spett*, названных меньшим количеством респондентов. В сравнениях, используемых для описания худобы человека, эталонами выступают также зоонимы — *коза, креветка* и *борзая*: *mager som en get, mager som en räka, mager som en vinthund*. В сравнениях *mager som ett skelett, mager som ett skinn* используются эталоны-соматизмы: *скелет* и *кожа*.

Среди сравнений, характеризующих **высокого** человека, доминируют выражения *lång som en (flagg)stång, lång som en stör*, наличествующие и во фразеологическом словаре шведского языка. Эталонами в этих сравнениях служат такие предметы, как *шест* (или *флагишток*) и *жердь*. Похожие эталоны *знамя* и *столб* так-

же зафиксированы в сравнениях, хотя они и менее частотные: *lång som en fana, lång som en stolpe*. В выражениях *lång som en fyr, lång som ett torn* в качестве эталонов используются также высокие сооружения — *маяк, башня*. Отмечен также эталон-зооним — *жураф*: *lång som en giraff*.

УС, характеризующие **низкорослого** человека, представляют собой самую малочисленную группу по количеству приведенных информантами выражений. Среди эталонов в таких сравнениях преобладают наименования лиц: *карлик, пигмей* и единица измерения — *вершок*: *kort som en tvärhand, kort som en pygme, kort som en dvärg*. Отмечен также эталон-зооним — *муравей* и фитоним — *пень*: *kort som en myra, kort som en stubbe*.

Анализ контекстов употребления выявленных (по словарным данным и результатам эксперимента) сравнений в шведской литературе подтвердил устойчивость этих единиц в языке. Например: *Därtill är de magra som skrikor, så naturen tycks ha skapat dem för varandra* ‘К тому же они худые как сойки, кажется, природа создала их друг для друга’ (Strindberg, “Drömmaren på Ske”); *Han var tjock som en tunna, rödmosig, glad och godmodig* ‘Он был толстым как бочка, краснощеким, веселым и добродушным’ (Bergman, Hjalmar, “En döds memoarer”, 1899); *Går du bet, Mattias? frågade den ene, som var lång som en flaggstång och hade långa, stripiga, tunna mustascher som en kines* ‘Что, не сможешь, Матиас? — спросил один из них, высокий как флагшток, с длинными, свисавшими, тонкими усами, как у китайца’ (Höijer, Björn-Erik, “Martin går i gräset”); *Gubben var liten som en dvärg, hade samma förstånd som sexårs pojke* ‘Старик был маленьким как карлик, с умом шестилетнего мальчика’ (Gullberg, Berit, “Elfrida”).

К устойчивым, хотя и не зафиксированным в материалах словаря и по результатам анкетирования, относятся, на наш взгляд, повторяющиеся сравнения, встречающиеся в произведениях разных писателей: *När pappa var stor och väldig här — var FinnKalle liten som en prick där* ‘Когда папа, большой и сильный, был здесь, ФиннКалле, маленький как точка, был там’ (Höijer, Björn-Erik, “Det finns inga änglar”); *Det var en stege, en lång stege som bara blev längre och längre, och hon tänkte”är det min tur nu att klättra upp”, men detta var uppenbarligen ingen stege att klättra uppför på, för det kom en figur nerklättrande långt där uppfifrån, ännu på stort avstånd och liten som en prick, men hon skärpte ögonen och såg vem det var* ‘Это была

лестница, длинная лестница, которая становилась только длиннее и длиннее, и она подумала: “Теперь моя очередь забираться”, но по этой лестнице явно было не залезть наверх, потому что кто-то спускался вниз по ней, еще далеко вверху и потому маленький как точка, но она присмотрелась и поняла, кто это’ (Lorentzen, Sven-Olof, “Vingklippt”).

Анализ встретившихся в произведениях художественной литературы окказиональных сравнений подтвердил актуальность для шведского языкового сознания выделенных нами тематических групп (хозяйственно-бытовых реалий, зоонимов и др.), единицы которых представляют собой эталоны устойчивых сравнений. В исследуемых нами примерах встречаются такие варианты УС, как *fet som ett fastage* — толстый как кадка (ср. толстый как бочка): *Du är fet som ett fastage, så du behöver inte så mycket; du borde för din hälsas skull magra lite, som vi ha fått göra* ‘Ты толстый как кадка, тебе столько не нужно; тебе надо для здоровья похудеть немного, как и нам пришлось сделать. . .’ (Strindberg, “Kammarspel”); *mager som en jakthund* — худой как гончая (ср. худой как борзая): *Mager som en jakthund var han inte längre men fortfatrande fanns det inget överflöd någonstans på hans kropp* ‘Худым как гончая он уже не был, но и особого изобилия в его теле по-прежнему не наблюдалось’ (Ekman, Kerstin, “Springkällan”); *liten som en tomte* — маленький как гном (ср. маленький как карлик): *Han hade blivit så liten som en tomte, så mager som ett benrangel, så blek som ett lik, och ögonen voro som det disigt mörka vattnet i kanalen en marknadskväll om hösten* ‘Он стал маленьким как гном, худым как скелет, бледным как труп, и глаза были похожи на туманно темную воду в канале в осенний день после ярмарки’ (Nordström, Ludvig, “Planeten Markattan”, 1899).

В большом количестве в проанализированных контекстах встретились окказиональные сравнения, использующие, как и УС, в качестве эталонов,

зоонимы: *fet som en padda, som en duva* — толстый как жаба, как голубь; *mager som tranan* — худой как журавль; *mager som en torkad lutfisk* — как вяленая рыба; *mager som en sillrompa* — как задница селедки; *mager som en saltströmming* — как соленая салака; *liten som en kattunge, som en schäfer, som en mygga* — маленький как котенок, как овчарка, как комар;

хозяйственно-бытовые реалии: *mager som en spik, som ett snöre,*

som en fågelskrämman — худой как гвоздь; как шнурок, как пугало;
lång som ett stag — длинный как трос;

названия еды: *mager som ett spagettistrå* — худой как макарони-
на; *tjock som en ost* — толстый как сыр;

названия сооружений: *hög som en stormast* — высокий как мачта
и др.

По данным словарей устойчивых сравнений русского языка, фи-
гура человека характеризуется по следующим параметрам:

полнота/худоба: как кабан, как боров, как бочка, как копна,
как пампушка, как пышка, как поросёнок, как пузырь, как самовар,
как свинья, как тумба, как шар; как глист, как мешок с костя-
ми, как мощи, как мумия, как скелет, как спичка, как тень, как
щепка, как доска, как Кощей, как вобла;

рост: как аист, как журавль, как цапля, как жердь, как калан-
ча, как коломенская верста, как шест, как жираф, как колоколь-
ня; группа УС, характеризующих низкорослых людей, еще более
немногочисленна, чем в шведском языке, — как карлик;

осанка: прямой как будто аршин проглотил.

Таким образом, сравнение показывает, что оба языка исполь-
зуют одни и те же тематические сферы эталонов: зоонимы, сома-
тизмы, наименования хозяйственно-бытовых реалий, наименования
мер, построек, еды и т. п., что обусловлено географической близос-
тью России и Швеции, сходством традиционного уклада жизни,
фауны и флоры, с одной стороны, и универсальностью восприятия
внешности человека, с другой (этим обусловлено наличие одних
и тех же параметров характеристики фигуры). Некоторые этало-
ны сравнений полностью совпадают в шведском и русском языках:
шар, бочка, скелет, шест, жираф, щепка.

Однако при наличии сходства можно отметить и некоторые раз-
личия. Так, в русском языке отдельную группу составляют сравне-
ния, характеризующие в меру упитанного человека: *как литой,*
как репка, как сбитый. В шведском же языке эта группа единиц не
выделяется, отмечается только отступление от «нормы» — чрезвы-
чайная с точки зрения носителя языка полнота или худоба чело-
века.

УС, характеризующие одновременно большой рост и большой
объем фигуры, в шведском языке представлены лишь одной еди-
ницей *ngn är stor som en jätte* — большой как великан, тогда как в
русском языке это группа выражений: *как богатырь, как битюг,*

как бугай, как бык, как гора, как дуб, как жеребец, как кобыла, как лось, как лошадь, как медведь, как слон, как шаф.

Некоторые УС в шведском языке встречены в виде эталона-гиперонима *fet som ett svin* — толстый как свинья, а в русском имеются варианты — *толстый как кабан, как боров, как поросёнок*. И наоборот: более детально представлены в шведском языке сравнения с наименованиями рыбы: *mager som en torkad lutfisk, mager som en saltströmming, mager som en sillrompa* — худой как вяленая рыба, как соленая салака, как задница селедки; в русском: *худой как вобла*.

В отличие от шведского языка в составе русских УС фигурируют национальные реалии, часто уже устаревшие единицы: *аршин, коломенская верста, самовар*, мифологема русских народных сказок — *Кощей*. Вместе с тем название такой хозяйственно-бытовой реалии, как *bred som en ladugårdsdörr* — дверь на скотный двор, функционирующее в составе шведских УС, не представлено в составе русских УС.

Таким образом, анализ эталонов УС позволяет выявить национально-культурную специфику сравнений в плане как содержания, так и выражения. В плане содержания подобная специфика проявляется в денотативной соотнесенности образа сравнения, в выбираемых языковым сознанием народа реалиях, служащих эталонами УС. В плане выражения — в наличии безэквивалентной лексики, архаизмов и историзмов, требующих историко-культурного комментария при презентации УС в иноязычной аудитории и переводе на другой язык.

¹ Русова Н. Ю. От аллегии до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М., 2004. С. 229.

² Шадрин Н. Л. Русско-английский словарь устойчивых сравнений. СПб., 2003. С. 3.

³ Теля В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 241–242.

⁴ Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Stockholm, 2003.

⁵ <http://spraakbanken.gu.se> — Språkbanken.

⁶ Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар, 2003; Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003; Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.

SWEDISH REGULAR COMPARISONS WHICH CHARACTERIZE
THE HUMAN BODY

The article includes the analysis of Swedish regular comparisons which characterize the human body — its height and size — taking into account their Russian equivalents. The author describes etalons of comparisons, reveals ethno-cultural uniqueness of their semantics and usage according to dictionaries data, results of questionnaires of Swedish Language speakers and Swedish literary texts.

Е. В. Воробьёва

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СЕМАНТИКОЙ ОДНОКРАТНОСТИ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

При изучении отглагольных существительных имеет смысл сначала обратиться к классификации глаголов, поскольку логично предположить, что производные этих глаголов будут отчасти обладать теми же свойствами и разбиваться на те же классы.

Первые классификации глаголов были предложены Ю. С. Масловым на русском языке и Э. Вендлером — на английском¹. Эти классификации были связаны с изучением аспекта, или способа глагольного действия, и поэтому не затрагивали других частей речи. За прошедшие с тех пор годы на ниве аспектологии лингвистами была проделана большая работа, плодами которой стали труды Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелёва, О. Н. Селиверстовой, а также ряда англоязычных исследователей². Среди последних и наиболее полных классификаций можно назвать фундаментальную классификацию предикатов Ю. Д. Апресяна³. На основе классификации своих предшественников, носящей, как оказалось, универсальный характер, Ю. Д. Апресян выделяет 16 основных классов предикатов: действия (*атаковать, идти, рубить*); деятельности (*воевать, воспитывать, торговать*); занятия (*гулять, играть, читать (без дополнения)*); поведения (*баловаться, капризничать, скандалить*); воздействия (*Солнце прогревает воздух до 20° C*); проявления (*бле-*

стеть, звенеть, вонять); события (*встречать, находить, происходить*); положения в пространстве (*висеть, лежать*); локализации (*быть/находиться, завалиться, оказываться*); состояния (*знать, радоваться, хотеть*); свойства (*виться* (о волосах), *закатиться, тонуть* (*железо тонет в воде*)); способности (*владеть* (*шпагой*), *говорить* (*по-русски*), *ездить* (*верхом*)); параметры (*весить, вмещать, длиться, достигать*); существования (*бывать, водиться, существовать*); отношения (*включать* 2 зн., *равняться, содержать*); интерпретации (*грешить, клеветать, подводить*).

В качестве примеров приводятся глаголы, выступающие как прототипическая часть речи для большинства разновидностей действия, но Ю. Д. Апресян специально подчеркивает, что такая классификация распространяется на все предикаты, к которым он относит любую непредметную лексику. Упомянутые классы основные, но не исчерпывающиеся в предложенной классификации: существуют дополнительные признаки, которые, соединяясь с предикатами определенных классов, дают новые, зачастую пересекающиеся подклассы. Однако, судя по всему, этот вопрос детально еще не изучен: сам Ю. Д. Апресян упоминает семейство признаков INCEP, FIN, CAUS, LIQU, дающих нам подклассы инцептивных (начинательных), финитивных, каузативных и ликвидативных глаголов, и отсылает интересующихся к работам И. А. Мельчука и А. К. Жолковского⁴, в которых мы тем не менее не находим систематического перечисления этих дополнительных признаков.

Однако кое-что о них мы можем узнать, изучив классификацию способов глагольного действия в русском языке, предложенную Анной А. Зализняк и А. Д. Шмелёвым⁵: начинательные способы (*засвистеть, побежать, взвыть*); делимитативный (*погулять*); пердуративный (*проговорить два часа по телефону*); финитивный (*отцвести*); кумулятивный (*накупить*); сатуративный (*наестся*); интенсивно-результативные (*дозвониться, заиграться, разговориться*); однократные (*крикнуть, мазануть*); смягчительный (*поразмыслить, подзабыть, прилечь*); многократный (*сиживать, знавать, едать*); прерывисто-смягчительный (*покашливать*); дистрибутивный (*перебить, повывбрасывать*); взаимно-многократный (*переговариваться*); сопроводительный (*приплясывать, подпевать*).

Сравнив принцип этой классификации с классификацией Ю. Д. Апресяна, мы увидим, что Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв

подразделяют глаголы именно по наличию характеристик, которые Ю. Д. Апресян называет «дополнительными признаками». Таким образом, в одной группе могут оказаться глаголы, относящиеся к разным типам предикатов, но объединенные, к примеру, признаком начинательности (INCEP), на что обращал внимание и сам Ю. Д. Апресян⁶: *возникать* (начало + существование), *узнавать* (начало + состояние), *загораться* (начало + процесс), *заговаривать* (начало + действие) и т. д.

При этом необходимо отметить, что большинство значений последней классификации приобретает глаголами путем присоединения к глаголам различных аффиксов (см. примеры) — возможность, которая, хотя и наличествует в норвежском языке, но представлена там иначе, нежели в русском. Поэтому, за исключением анализа глаголов, в лексическое значение которых изначально входит какой-либо из этих признаков, применение опыта этих исследователей не принесет больших плодов при изучении способа глагольного действия в норвежском языке. Однако можно заметить, что те же самые признаки (или семы) могут входить в значение отглагольных существительных, причем способ образования соответствующих значений может быть до определенной степени грамматикализован.

Продемонстрируем вышесказанное на примере группы норвежских отглагольных существительных, в значение которых входит признак однократности. Эта группа выделяется на фоне других именно единообразием словообразования, сопутствующего семе однократности у существительных, причем при образовании существительных с другим значением (мультипликативности) от тех же глаголов используются другие грамматические средства. Е. Б. Добрынина пишет⁷, что семантика мультипликативности возникает у глаголов в результате сочетания семы длительности с семой кратности (многократности), т. е. мультипликативные глаголы выражают неопределенное множество идентичных кратковременных действий, представленных как единое целое. Если же такой глагол участвует в воспроизведении ситуации единичного действия и при этом указана его результативность, отмечается изменение аспектуальной природы, и глагол становится частью подгруппы однократных, или мгновенных, глаголов.

Не нужно углубляться в правила семантической сочетаемости, чтобы понять, что сема однократности не может входить в значе-

ние предикатов, имеющих семы стативности или длительности (деятельность, процесс, состояние, свойство, способность и некоторые другие).

Из примерно 80 проанализированных отглагольных существительных рассматриваемой группы половина обозначает разного рода жесты и телодвижения (и может быть отнесена к классу предикатов действия), а другая половина — это звукосимволические слова, производные от действий, сопровождающихся характерными звуками.

Все эти существительные объединены способом образования: они получаются из глаголов путем отсечения безударного *-e*, на который чаще всего заканчивается инфинитив, и совпадают таким образом с основой глагола: *et nikk* ‘кивок головой’, *et vink* ‘взмах рукой’, *et skrik* ‘вскрик’, *et grynt* ‘однократное хрюканье’ и т. д.⁸ Кроме того, все эти существительные принадлежат к среднему роду, что демонстрируют и приведенные примеры. Изменение рода влечет за собой изменение значения в сторону мультипликативности и, как правило, сопровождается прибавлением окончания *-e*, хотя и не всегда. Например:

(1) *Ofte er det vanskelig å skille mellom et høyløydt host og et nys* ‘Зачастую трудно отличить громкий кашель от чихания’; *Hoste er et vanlig symptom hos voksne og barn med astma* ‘Кашель является обычным симптомом у взрослых и детей, страдающих астмой’; *Hvordan blir jeg kvitt hosten?* ‘Как мне избавиться от кашля?’

(2) *Han svingte storsleggen, og gav fra seg et kort pust for hvert slag* ‘Он взмахивал кувалдой и с каждым ударом производил короткий выдох’; *Han har god pust* ‘У него хорошее дыхание’; *Å være oppmerksom på pusten er den viktigste meditasjonsmetoden Buddha lærte bort til sine elever* ‘Внимательно следить за дыханием — это важнейшая методика медитации, которую Будда передал своим ученикам’.

Отметим тот факт, что многие норвежские отглагольные существительные со значением однократности не имеют эквивалентов в русском языке: на ограниченное число существительных, имеющих русские соответствия (*et byks* — скачок, *et knips* — щелчок пальцами, *et gjesp* — зевок и др.), приходится большое количество слов, вызывающих определенные трудности при переводе на русский язык (приводимый в норвежско-русском словаре эквивалент относится, как правило, к мультипликативному действию), причем практически все они относятся к подгруппе звукосимволических су-

ществительных: *et fnys* — (однократное) фырканье, *et gal* — (однократное) кукареканье, *et grynt* — (однократное) хрюканье, *et hikkk* — (однократное) икание, *et hulk* (однократное) рыдание, *et knegg* — (однократное) ржание и т. д. Словообразовательная модель для однократных отглагольных существительных имеет место в русском языке (ср. *чихать* — *чих*⁹), но во многих случаях попытка воспользоваться ей приводит к образованию не существительных, а отглагольных междометий (зафиксированных, впрочем, в некоторых словарях в качестве существительных с пометой *разг.*). В Русско-английском словаре междометий¹⁰ подобные образования описаны в той части, где даны звукоподражания и глагольно-междометные слова. Аналогично в норвежском языке присутствует большое количество звуко-символических отглагольных междометий, описанных в ряде исследований¹¹. При этом подчеркивается различие между звуко-символическими и звукоподражательными словами: к примеру, в норвежском языке звуко-символическим *gal* — кукареканье и *grynt* — хрюканье соответствуют звукоподражательные *kykkeliky* — кукареку и *nøff, nøff* — хрю-хрю. Иначе говоря, звуко-символическое слово образовано от глагола, обозначающего какое-то действие, и обычно совпадает по форме с отглагольным существительным, содержащим сему однократности, в то время как звукоподражательное слово не имеет самостоятельного лексического значения. Хотя из этого правила бывают и исключения: к примеру, норвежская лошадь говорит “*Knegg, knegg*” — и-го-го, при этом существует глагол *å knegge* — ржать.

Упомянутый выше способ образования от исходного глагола существительных, лишенных признака однократности, путем изменения рода и прибавления окончания *-e* не будет ни единственным, ни самым употребительным. Почти все однократные существительные имеют в паре существительное, образованное от того же глагола путем прибавления к основе окончания *-ing*, что сохраняет в них значение мультипликативности, присущее самому исходному глаголу. Например:

(3) *Gi meg et vink hvis du kommer, slik at jeg har en idé om antallet* ‘Дай мне знак, если ты собираешься прийти, чтобы я знал, сколько будет (гостей)’; *Var han amerikaner, ville han vært en god presidentkandidat basert på vinking alene* ‘Если бы он был американцем, он стал бы отличным кандидатом в президенты только за то, как он машет рукой’.

(4) *Fuglen gjorde et vipp med stjerten* ‘Птица качнула хвостом’; *Jeg detter altid pga vipping ETTER at læreren har sagt til en at han eller hun ikke skal vippe på stolen* ‘Я всегда падаю из-за качания на стуле ПОСЛЕ того, как учитель скажет кому-нибудь, что ему или ей не следует качаться на стуле’.

(5) *Med et gaul lettet han fra asfalten, og ble i lynets hastighet heist 35 meter opp i lufta* ‘Он с воплем оторвался от асфальта и со скоростью молнии поднялся в воздухе на 35 метров’; *Samme gauling er jeg nødt til å høre på både natt og dag* ‘Каждый день я вынужден выслушивать одни и те же вопли’.

(6) *Imidlertid, når Mikke trengte en hest, tok Klaus jobben uten et knegg* ‘Однако, когда Микке потребовалась лошадь, Клаус взял на себя работу, не издав ни единого ржания’; *Det var ingen ond latter, men en hjertlig knegging* ‘Это был не злобный смех, но всего лишь добродушное ржание’.

Как видно из примеров (4), (6), звуко-символические слова могут часто использоваться в переносном значении, что никак не влияет на их аспектуальную характеристику.

А. Н. Ливанова обратила наше внимание¹² на тот факт, что характер отношений между морфологической формой отглагольных однократных существительных и отглагольных мультипликативных существительных вписывается в то понимание иконичности, которое предлагал Р. Якобсон. В одном из своих трудов¹³ он рассуждает о том, что не существует ни одного языка, в котором множественное число существительных выражалось бы нулевым показателем, а единственное — ненулевым (всё как раз наоборот), и что при образовании степеней сравнения прилагательных длина формы увеличивается вместе со степенью интенсивности. Так и в наших примерах однократности соответствует более короткая форма (с нулевым показателем), а многократности — более длинная (с показателем *-ing*).

До сих пор мы сталкивались с образованием существительных со значением однократности от мультипликативных глаголов, т. е. глаголов, обозначающих совокупность идентичных кратковременных действий. В силу этого семантика таких глаголов близка к семантике предикатов занятия (действие, целью которой будет выполнение его самого) или проявления, в случае, если глаголы не предполагают наличия агенса (к примеру, *et glimt* — вспышка, блеск от глагола *glimte* — блеснуть). Всем этим глаголам свойствен-

на неопределенность. Однако в норвежском языке мы можем найти примеры предельных глаголов, использующих описанные модели для образования существительных, при этом возникают некоторые дополнительные семантические эффекты. Так, можно образовать существительное путем отсечения окончания инфинитива от глагола *å kjøpe* — покупать. Например:

(7) *Under følger en oversikt hvilke kort som kan brukes som betalingsmiddel hvor ved kjøp av togbillett* ‘Ниже приводится список карт, которые принимаются для оплаты при покупке железнодорожного билета’ — Абстрактное значение.

(8) *Et kjøp defineres gjerne som overføring av eiendomsrett mot betaling* ‘Покупка в большинстве случаев определяется как передача права собственности в обмен на оплату’ — Значение однократного действия.

(9) *Årets beste kjøp* ‘Лучшая покупка года’ — Существительное обозначает уже не само действие, а купленный предмет.

И, наконец, возможно образование отглагольного существительного при помощи суффикса *-ing*, который, как мы выяснили, сохраняет значение мультипликативности у существительных, образованных от мультипликативных глаголов.

(10) *Er det noen som har erfaring med kjøping av medisiner over internett?* ‘Есть ли кто-нибудь, кто имеет опыт покупки (покупания) лекарств через Интернет?’ — Здесь речь идет не о каком-то конкретном акте покупки, а о некоторой совокупности таких действий.

(11) *Siden dette handler om kjøping; er butikkene åpne når det er juleul?* ‘Раз уж речь зашла о шопинге, открыты ли магазины в Рождество?’ А в этом примере подразумевается занятие, хотя такое словоупотребление нельзя не заподозрить как калькирование значения английского *shopping*, поэтому вопрос частотности и характерности такой модели образования существительных со значением занятия от предельных глаголов в норвежском языке требует дальнейшего изучения.

Механизм возникновения таких дополнительных семантических эффектов при использовании модели образования существительных со значением однократности и мультипликативности от предельных глаголов требует дальнейшего изучения, не предусмотренного в настоящей статье.

Итак, на примере существительных со значением однократно-

сти и многократности от мультипликативных глаголов в норвежском языке мы увидели, что аспект, будучи глагольной лексико-грамматической категорией, тем не менее получает свое отражение и в отглагольных существительных. Это проявляется в регулярных соответствиях морфологии и семантики: существительные, образованные от глагола путем отсечения окончания инфинитива и совпадающие с основой, всегда принадлежат к среднему роду и обозначают однократное действие. Кроме того, они совпадают по форме со звуко-символическими междометиями. Образованные от тех же глаголов существительные со значением мультипликативности получают окончание *-ing*. Е. В. Урысон¹⁴ указывала на плодотворность изучения семантики слов с точки зрения выражения в них «чужих» (для определенной части речи любого языка) грамматических категорий, поэтому естественным направлением дальнейших изысканий в этой области представляются закономерности образования отглагольных существительных от глаголов, принадлежащих к другим аспектуальным классам.

¹ Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. 1948. Т. 7, № 4; Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; New York, 1967.

² Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974; Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. Л., 1971; Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982; Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982; Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов; Comrie B. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge, 1976; Durst-Andersen P. *Mental Grammar: Russian Aspect and Related Issues*. Ohio, 1992; Kim J. *Events and Their Descriptions: Some Considerations* // *Essays in Honor of C. G. Hampel*. Dordrecht, 1969; Lakoff G. *Stative Verbs and Adjectives in English* // *Mathematical Linguistics and Automatic Translation*. Report N NSF-17 to the National Science Foundation. Cambridge (Mass.), 1966; Lyons J. *Semantics*. Vol. 2. Cambridge; London, 1977.

³ Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.

⁴ Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974; Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984 и др.

⁵ Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

⁶ Языковая картина мира...

⁷ *Добрынина Е. В.* Семантическая категория длительности и средства ее выражения в современном нидерландском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

⁸ Источники всех примеров — <http://google.no>, <http://www.ordnett.no>.

⁹ Для проверки русских слов использовался справочно-информационный портал — <http://www.gramota.ru>.

¹⁰ *Квеселевич Д. И., Сасина В. П.* Русско-английский словарь междометий. М., 2001.

¹¹ *Bojsen E.* 1) GISP! Og GAB! I Norden. Om nogle rodord i tegneserier // *Språk i Norden*. 1995. S. 41; 2) Arven fra Anders And & Co. Om nogle verbalinterjektioner i dansk m.m. // *Språket lever! Festskrift till Margareta Westman den 27 mars 1996*. Falun, 1996. S. 13–20.

¹² В личной беседе.

¹³ *Jacobson R.* Quest for the Essence of Language // *The Slavic Word II*. Copenhagen, 1966. P. 345–359.

¹⁴ *Урысон Е. В.* Аспектуальные компоненты в значении существительного // *Московский лингвистический журнал*. 1996. № 2. С. 380–385.

Evgenia Vorobyeva

THE SEMANTIC COMPONENT OF SINGLE ACTION IN VERBAL NOUNS IN NORWEGIAN

This article considers derivation of single action nouns and multiplicative nouns from multiplicative verbs in Norwegian. Two models of such derivation are described: single action nouns usually coincide with the verb stem (the infinitive deprived of the final *-e*) and belong to the neuter gender, while multiplicative nouns are supplied with the inflection *-ing*.

Ю. М. Григорьева

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ШВЕДСКОГО БИБЛЕЙСКОГО ЯЗЫКА

В последние десятилетия XX в. в Швеции актуализировался вопрос об особенностях библейского языка. Причиной тому стала работа над новым переводом Библии на шведский язык, которая велась по совершенно новым принципам. Переводчики сознательно отказались от существовавшей на протяжении нескольких веков традиции перевода Библии с тем, чтобы создать понятный любому жителю Швеции текст, написанный на современном шведском языке. Наибольшее внимание уделялось изменениям, произошедшим в шведском языке, и его современному состоянию, а также точности перевода. Дело в том, что во время работы над Библией 2000 г. переводчики впервые использовали исключительно оригинальные тексты, не опираясь на более ранние переводы¹.

Язык Библии обладает определенными особенностями, которые проявляются на всех языковых уровнях, но наиболее заметны в лексике (во многом — во фразеологии) и морфологии, которая в Библии зачастую архаизирована. Именно особенности лексического и морфологического уровней шведского библейского языка описаны в литературе наиболее подробно, мы же остановимся на рассмотрении характерных черт синтаксического уровня, до недавнего времени не подвергавшихся пересмотру в переводах Библии, проанализируем конструкции и явления, ставшие неотъемлемой частью шведского библейского языка.

Работа над переводами Библии на шведский язык началась в

связи с проведением в стране Реформации. Первым был переведен и издан в 1526 г. Новый Завет. В работе над переводом использовались в первую очередь перевод Эразмуса на латинский язык, немецкий перевод Лютера, а также официально принятая католической церковью Вульгата. Шведский лингвист Бенгт Памп отмечает, что в стилистическом отношении латынь Эразмуса и «народный» немецкий язык Лютера значительно отличаются друг от друга, что сказалось и на некоторой непоследовательности в шведском переводе. Кроме того, в Швеции на тот момент отсутствовала традиция перевода Библии, на которую переводчики могли бы опереться². Единственной наработанной базой был язык, культивируемый в Вадстене, где в монастыре уже имелся опыт перевода Библии, а также канцелярский язык, получивший широкое распространение в XV в.

Основной особенностью Нового Завета 1526 г. стала сильная привязанность к текстам Эразмуса и Лютера, которыми пользовались переводчики шведской Библии. В результате этого в шведском тексте появилось много конструкций, неестественных для шведского языка того периода. Так, шведский лингвист Карл-Ивар Столе в качестве наиболее типичного примера подобной конструкции выделяет активное использование переводчиками причастия настоящего времени в нехарактерных для шведского языка позициях и объясняет это явление влиянием латинского языка: *thet gaff fruct vppgongandes och vppväxandes* ‘и дало плод, который взошел и вырос’ (Mark 4: 8)³. В Библии Густава Васы 1541 года на месте причастий настоящего времени зачастую используются более естественные шведские определительные конструкции: *thet baar frucht som vpgick och werte* (Mark 4: 8)⁴. Столе считает, что в этом отношении переводчики ориентировались на немецкий перевод Библии Лютера, которому почти полностью удалось избавиться от латинизмов⁵.

Так же неестественна для шведского языка начала XVI в. частотная для Нового Завета причастная конструкция, выражающая будущее время, *dagha warda kommande* ‘придут дни’ (Mark 2: 20). Наряду с вышеописанным использованием причастия настоящего времени, эта конструкция представляет собой наследие средневековой традиции перевода. Высказывалось предположение, что употребление подобной футуральной конструкции восходит не к латыни, а нижнемецкому, где существовала конструкция со значе-

нием будущего времени *wird ... kommend*⁶. В издании 1541 г. она в большинстве случаев была заменена на гораздо более естественный для шведского языка вариант с модальным глаголом долженствования — *the daghar skola komma*. По мнению Натана Линдквиста, переводчикам шведской Библии было не избежать немецкого влияния, но в целом можно сказать, что Новый Завет 1526 г. обладает большей независимостью от перевода Лютера, нежели Библия Густава Васы, где близость к немецкому тексту более всего проявляется на синтаксическом уровне⁷.

О влиянии канцелярского языка на первый перевод Библии позволяет говорить неупорядоченное использование многообразия служебных частей речи. Однако с выходом полного перевода Библии в 1541 г. эта непоследовательность была устранена. Например, вместо союзов *ty, för ty, ty ath, för ty ath* в переводе Нового Завета 1526 г., в Библии Густава Васы встречается только *ty* ‘ибо’, варианты *ath, på thet, uppå thet, på thet ath, uppå thet ath* преобразуются в *at* ‘что’ и *på thet* ‘чтобы’, а имеющие немецкое происхождение *likervis som* и *doch likwäl* — в *likasom* ‘так же как’ и *doch* ‘однако’.

Новый Завет 1526 г. отличается также характерная для разговорного языка многословность, выражающаяся, например, в частом употреблении местоимений и распространенных определений: *är thet så ath titt ögha är enfäldugt* ‘если око твоё будет чисто’ (Matt 6: 22); *Hurw kommer thet till ath j intit förstå* ‘как же не разумеете’ (Mark 8: 21).

Язык Библии Густава Васы уже значительно отличался от языка Нового Завета, появившегося лишь пятнадцатью годами ранее. Переводчики стремились к упрощению языка и концентрированной передаче информации, в результате чего текст стал четче и понятнее. Изменения претерпел и синтаксис новой Библии. Упрощению способствовало, например, сокращение количества придаточных предложений и использование на их месте номинальных фраз. Чтобы избежать излишней многословности, в тексте значительно реже употребляются местоимения, предпочтение отдается субстантивированным прилагательным и инфинитивам.

В переводе 1541 г. на месте придаточных предложений, а также предложных и генитивных конструкций появляются сложные слова. Так, существительное *slachtofåår* ‘овца, обреченная на заклание’ (Rom 8: 36) заменяет в Библии Густава Васы тяжеловесную синтаксическую конструкцию *får the ther slactas skola*, суще-

ствительное *hörnsteen* ‘камень... сделался главою угла’ (Mark 12: 10) — предложную конструкцию *huffwudhsteen j hörnet*, существительное *frestelsedaghen* ‘день искушения’ (Hebr 3: 8) — генитивную конструкцию *frestilsens dagh*.

В Библии Густава Васы переводчики активно использовали глаголы с приставками, считающиеся принадлежностью письменного языка. В Новом же Завете 1526 г. культивировалось употребление глаголов с приглагольными частицами (*sönderbryta — bryta sönder* ‘ломать’, *igenlösa — lösa igen* ‘выкупать’).

В Библии 1541 г. встречается множество примеров энклитического употребления местоимений, что, вероятно, также объясняется общей тенденцией к максимальной концентрации информации. Так, пример из Нового Завета 1526 года *Så grijpo the honom, och leeddhe och haffdhe honom in...* ‘Взявши Его, повели, и привели в...’ (Matt 26: 48) в Библии Густава Васы выглядит следующим образом: *...leedden och hadhen in...* С дальнейшим развитием языка и более четкой дифференциацией функциональных стилей в XVIII в. подобное употребление местоимений стало восприниматься как характерная черта разговорной речи, однако в тексте Библии сохранилось до появления нового перевода в 1917 г.

К началу XVI в. порядок слов в шведском предложении стабилизировался и принял в целом свой сегодняшний вид, т. е. сказуемое прочно заняло второе место в предложении. Однако в первых переводах Библии на шведский язык встречаются отклонения от этого правила. В главном предложении глагол мог занимать и первое место. В качестве причин тому можно выделить не только иностранное влияние, но и использованную в качестве стилистического приема архаизацию, поскольку постановка глагола на первое место может быть непосредственно связана как с латинским языком, так и с особенностями древнескандинавских языков, где глагол мог занимать первое место в предложении, особенно в эпических повествованиях⁸. Приведем несколько примеров: *Sadhe Jesus til henne...* ‘Иисус говорит ей...’ (Joh 11: 23); *Stodho och öffuerste presterna och the scrifftlärde och claghadhe swårligha på honom* ‘Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его’ (Luk 23: 10).

Нарушение стабилизировавшегося порядка слов выражалось также в постановке глагола на последнее место в придаточном предложении как в Новом Завете 1526 г., так и в Библии Густа-

ва Васы. Это явление может быть обусловлено как влиянием перевода Лютера, так и воздействием на переводчиков канцелярского языка того периода, в свою очередь также испытывавшего влияние немецкого языка. Приведем примеры из Библии Густава Васы: *som i stadhen skeedt war* 'произведенное в городе' (Luk 23: 19); *then j fängelset satt war* 'посаженного... в темницу' (Luk 23: 25)⁹.

Первые переводы Библии на шведский язык, в особенности Библия Густава Васы, сыграли важную роль в истории шведского языка и становлении литературной нормы. Библия Густава Васы получила широкое распространение и просуществовала практически в неизменном виде до появления перевода в 1917 г. В переводы Библии, издававшиеся с 1541 по 1917 г., были внесены лишь незначительные изменения, касающиеся орфографии.

Библия 1917 г. (или Библия Густава V) стала результатом работы, продолжавшейся с 1773 г., когда Густав III создал Комиссию по переводу и редактированию Библии. Руководителем переводческой работы стал Эсайас Тегнер младший, внук великого поэта. Язык нового перевода должен был быть живым, торжественным и в то же время не архаичным. Сохранение и приверженность традиции выражаются в основном на лексическом уровне, крылатые выражения остались неизменными, лексический состав нового перевода также не подвергся значительным изменениям. Стремление к особому библейскому стилю проявляется и в выборе грамматических средств. Например, в Библии нет кратких форм глаголов в инфинитиве и настоящем времени типа *bli, blir* 'становиться', *ge, ger* 'давать', *ta, tar* 'брать', а только *bliva, bliver, giva, giver, taga, tager*. Однако это не относится, например, к форме *haver* от глагола *hava* 'иметь'.

Отрицание *inte* отсутствует, вместо него употребляются *ej* и *icke*. Особый стиль переводу придает также использование местоимения 2-го лица множественного числа *I* вместо *ni*, а также форм множественного числа глаголов, ставших на тот момент естественными для шведского языка.

Сознательное приближение текста Библии 1917 г. к разговорному языку проявляется во многом и на уровне синтаксиса. Переводчики избегали характерных для греческого и латинского языков конструкций с причастиями настоящего времени, которые сохранились лишь в одном предложении: *Gån fördenskull ut och gören alla*

folk till lärjungar, döpande dem i Faderns och Sonens och den helige Andens namn, lärande dem att hålla allt vad jag har befallt eder ‘Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, Уча их соблюдать все, что Я повелел вам. . .’ (Matt 28: 19–20).

Значительные изменения произошли также в использовании союзов и союзных слов. Например, *ehuru, emedan* и *enär* заменены на *eftersom* ‘так как, поскольку’ и *fastän* ‘хотя’. Редко встречаются *varav* ‘из чего, отчего’, *varmed* ‘чем’, *varigenom* ‘через, благодаря’, а *varest* ‘где’ отсутствует вовсе. На месте *även* ‘также’ используются *också, ock, så ock* с тем же значением, а вместо устаревшего *på det att — för att* ‘для того чтобы’.

Придать переводу несколько разговорный оттенок и несколько его оживить переводчики старались с помощью частого использования в качестве логических связующих звеньев прагматических частиц *ju* ‘ведь’, *nu* ‘сейчас’, *då* ‘тогда’, *så* ‘так, таким образом’, *väl* ‘вероятно’: *Då de nu hade kommit tillhoppa, frågade de honom...* ‘Посему они, сошедшись, спрашивали Его. . .’ (Apg 1: 6); *skriftens ord skulle ju fullbordas* ‘Но да сбудется Писание. . .’ (Joh 13: 18).

Отметим, что в письменном шведском языке рубежа XIX–XX вв. зачастую опускался вспомогательный глагол *hava* в придаточных предложениях. Это явление не нашло отражения в переводе 1917 г., что, вероятно, объясняется стремлением переводчиков приблизить текст Библии к живому, разговорному языку. По той же причине в Библии 1917 г. предпочтительно используются глаголы с прилагательными частицами вместо глаголов с приставками, активно вводится пассив с вспомогательным глаголом *bliva*, а также изобилуют характерные для устной речи описательные и эмфатические конструкции, что сближает этот перевод с Новым Заветом 1526 г.: *Är det nu så, att ljuset, som du har i dig, är mörker, huru djupt bliver då ick e mörkret?* ‘Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?’ (Matt 6: 23); *och folket gick åstad för att se vad det var som hade skett* ‘и жители вышли посмотреть, что случилось’ (Mark 5: 14).

Исследователь Библии 1917 г. Эрлинг Эйдем говорит о ней следующее: «Одновременно с тем, как данный перевод Библии стремится к воссозданию настоящего библейского стиля, наблюдается стремление к выражению на естественном, современном, разговорном шведском языке»¹⁰.

Итак, за более чем 400-летнюю историю переводов Библии на шведский язык на синтаксическом уровне наибольшим изменениям подвергались следующие аспекты:

- 1) порядок слов как в главном, так и в придаточном предложении;
- 2) преобразование описательных конструкций в сложные слова;
- 3) использование аналитических глагольных форм вместо характеризующихся ограниченным набором грамматических функций глагольных форм (причастие настоящего времени, глаголы с приставками);
- 4) когезия текста (употребление союзов и частиц).

Жизнь Библии 1917 года была недолгой, и уже в середине XX в. заговорили о необходимости нового перевода. Работа над Библией 2000 г. велась по новым принципам, получившийся перевод сильно отличается от своих предшественников, и в скором времени, вероятно, можно будет говорить о новой традиции переводов Библии на шведский язык.

¹ Подробнее о работе над Библией 2000 г. см., напр.: *Olsson B. Från Birgitta till Bibel 2000.* Stockholm, 2001.

² *Pamp B. Svensk språk- och stilhistoria.* Lund, 1971. S. 231.

³ Здесь и далее русский перевод примеров дается по изд.: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1989.

⁴ *Stähle C.I. Några drag i det svenska bibelspråkets historia 1526–1917 // Nyöversättning av Nya testamentet.* Uppsala, 1968. S. 510.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.* S. 511.

⁷ *Lindqvist N. Bibelsvenskans medeltida ursprung.* Uppsala, 1929. S. 29–30.

⁸ *Stähle C. I. Några drag...* S. 513.

⁹ *Bergman G. Kortfattad svensk språkhistoria.* Stockholm, 1988. S. 92.

¹⁰ *Eidem E. Vår svenska bibel.* Stockholm, 1923. S. 115.

Juliana Grigoryeva

SYNTAX OF THE SWEDISH BIBLE LANGUAGE

In the second half of the 20th century the question on specifics of the language of Bible in Sweden came to the forefront, due to the publication of a new Bible translation in 2000. The new concept was not to follow the conventional path existing for many centuries, but instead to produce a text written in contemporary language legible for any modern Swedish speaker. The language of Bible has certain specific characteristics traced at all linguistic levels. Researchers traditionally focused their attention on the analysis of

lexical and morphological features of the text. However in this article we are to concentrate on the syntax that until recently remained unchanged in prior translations of the Bible, analyse the constructions and phenomena which are perceived as integral part of the Swedish Bible language.

Е. А. Гурова

**О НЕКОТОРЫХ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ
ДАТСКИХ ОЦЕНОЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
И ИХ КОННОТАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ**

Оценочные существительные представляют собой особый пласт в лексическом составе современного датского языка: они «используются не столько для идентификации предмета речи (не для того, чтобы назвать), сколько для того, чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение, для того чтобы обозначить или обозвать»¹. Словообразовательные средства, используемые в образовании оценочных существительных, очень разнообразны. Наряду с суффиксальными моделями, моделями основосложения особую группу составляют модели комбинации основосложения и суффиксации и полусуффиксальные модели. В отдельные группы выделяются заимствования и существительные, получившие оценочную коннотацию в результате метафорического или метонимического переноса.

Вопрос о коннотационном потенциале отдельных аффиксов в лингвистической литературе малоизучен, особенно на материале датского языка, и поэтому представляет значительный интерес как для теории словообразования, так и для стилистики. В статье рассматривается экспрессивность некоторых словообразовательных средств.

В ходе анализа группы оценочных существительных из 350 слов были выявлены следующие суффиксальные модели.

1. Существительные, образованные с помощью суффикса **-er**: *eventyrer* ‘искатель приключений, авантюрист’ (> *eventyr* ‘приключение, авантюра’), *forføgger* ‘соблазнитель’ (> *at forføre* ‘соблазнять’), *rugger* ‘скряга’ (> *at ruge* ‘копить деньги’), *skryder* ‘хвастун’ (> *at skryde* ‘хвастаться’), *smigter* ‘льстец’ (> *at smigre* ‘льстить’), *snylter* ‘нахлебник, дармоед’ (> *at snylte* ‘паразитировать’). Как видно из приведенных примеров, большинство производящих основ представляют собой глагольные основы. Известно, что суффикс **-er** — основной суффикс со значением лица в словообразовательной системе датского языка (ср.: *dansker* ‘датчанин’, *lærer* ‘учитель’, *arbejder* ‘рабочий’). В связи с этим, с нашей точки зрения, нельзя говорить о стилистической маркированности этого суффикса, так как **-er** придает основам только значение лица, а оценочная коннотация оказывается заложеной в самой производящей основе, а не в суффиксе.

2. Существительные, образованные с помощью суффиксов **-ing**: *gilding* ‘кастрат’ (> *at gilde* ‘кастрировать’), *nidding* ‘подлец’ (> *nid* ‘недоброжелательство’), *olding* ‘старик’ (> *old* ‘старый’), *rolling* ‘малыш’ (> *at rulle* ‘неуверенно ходить’), *tumling* ‘крошка, увальень’ (> *at tumle* ‘идти, шатаясь’); **-ning**: *galning* ‘безумец’ (> *gal* ‘сумасшедший’), *vantrivning* ‘слабак, хлятик’ (> *at vantrives* ‘чахнуть, хиреть’), *vellystning* ‘сладостлюбец’ (> *vellyst* ‘сладострастие’); **-ling**: *usling* ‘несчастный, жалкий человек, ничтожество’ (> *ussel* ‘жалкий’), *særling* ‘чужак’ (> *sær* ‘странный’), *yndling* ‘любимец, баловень’ (> *at ynde* ‘любить’), *svækling* ‘доходяга, хлятик’ (> *at svække* ‘ослабить’), *mandsling* ‘карлик, мужичок’ (> *mand* ‘мужчина’). Указанные суффиксы могут присоединяться к глагольным, субстантивным и адъективным основам, но, несмотря на такие небольшие формальные ограничения, накладываемые на модели, **-ing**, **-ling** и **-ning** со значением лица не дают новых образований в новейший период (данные Словаря новых слов²), что свидетельствует об их низкой эмпирической продуктивности. Серийность производных с этими суффиксами также оказывается невысокой, однако богатые выразительные возможности суффиксов не оставляют сомнения. Как видно из примеров, производные с **-ing**, **-ning** и **-ling** имеют как положительную (*yndling*, *tumling*), так и отрицательную оценочную коннотацию (*svækling*, *nidding*) и относятся к разговорной лексике. В некоторых случаях слова с этими суффиксами приобретают презрительную окраску (*vantrivning*, *usling*, *gilding*). В

отдельных случаях производные получают уменьшительное значение (mandsling). Интересны случаи образования существительных с ласкательной, шутливой окраской от существительных со схожим основным значением (pusling ‘детка, крошка’ (> pus ‘детка, крошка’), krøbling ‘калека’ (> krøbbel ‘калека, заморыш’)).

3. Существительные, образованные с помощью суффикса **-rian**: grimgian ‘некрасивый человек, урод’ (> grim ‘некрасивый’), klodrian ‘бестолочь, увалень’ (> kludder ‘беспорядок, неразбериха’), grobrian ‘грубиян’ (> grov ‘грубый’), slendrian ‘ленивый, небрежный человек’ (> at slentre ‘идти ленивой походкой’), dumgian ‘глупец, дурак’ (от нем. Dummrian). Небольшое количество производных, образованных по этой модели, а также отсутствие новых слов свидетельствуют о низкой продуктивности и серийности суффикса **-gian**. Все производные имеют отрицательную оценочную коннотацию и относятся к разговорной лексике, поэтому, с нашей точки зрения, можно говорить о наличии у суффикса **-gian** стилистической коннотации.

4. Существительные, образованные с помощью суффикса **-ert**: drivert ‘бездельник, лентяй’ (> at drive ‘бездельничать’), drønnert ‘увалень, пентюх’ (> диал. at drøne ‘говорить, растягивая слова, бездельничать’), frækkert ‘нахал’ (> fræk ‘наглый’), kleppert ‘здоровенный парень’ (> at klappe ‘хлопать’), slambert ‘негодяй, оболтус’ (> at slamge ‘гремять, болтать’), slubbert ‘негодяй, подлец’ (> диал. at slubbe ‘небрежно себя вести’). Суффикс **-ert** представляет собой вариант суффикса **-er**, заимствован из средненижне-немецкого. Со значением лица этот суффикс непродуктивный. Словарь новых слов фиксирует только два новообразования, в которых **-ert** имеет предметное значение: sjofert ‘непристойность’ (1962) и frækkert ‘неприличная история, песня, рисунок’ (1963). За исключением существительного kleppert, которое обладает шутливо-ироничной окраской, все остальные производные имеют отрицательную окраску. Принадлежность слов с суффиксом **-ert** к разговорному стилю позволяет предположить наличие стилистической коннотации.

5. Существительные, образованные с помощью суффикса **-mager**: karrieremager ‘карьерист’, fidusmager ‘плут, пройдоха’, vitsmager ‘остряк’, floskelmager ‘фразер, краснобай’. Анализ материала показал, что формант обладает высокой продуктивностью и серийностью. Орфографический словарь³ содержит 66 производных с суффиксом **-mager**, 24 из которых представляют собой оце-

ночные существительные. Внутри этой модели можно условно выделить *-mager*¹ и *-mager*². *-mager*¹ соединяется с конкретными и вещественными существительными и придает производным значение «изготовитель того, что обозначает основа»: *bøssmager* ‘оружейник’, *cigarmager* ‘мастер по изготовлению сигар’, *handskemager* ‘перчаточник’, *kurvemager* ‘корзинщик’, *pottemager* ‘гончар’, *skomager* ‘сапожник’, *værktøjsmager* ‘мастер по изготовлению инструментов’, *guldmager* ‘алхимик’. В KorpusDK⁴ выявлено большое количество новых слов с этим значением, не зафиксированных словарями: *julekalendermager* ‘мастер по изготовлению рождественских календарей’, *tøjmager* ‘модельер’, *møbelmager* ‘мастер по изготовлению мебели’, *knivmager* ‘мастер по изготовлению ножей’, *ribemager* ‘мастер по изготовлению курительных трубок’, *vinmager* ‘винодел’. *-mager*² соединяется с абстрактными субстантивными основами, как правило, обладающими отрицательной коннотацией, и придает производным значение «склонный к тому, что обозначает основа»: *bluffmager* ‘обманщик’, *furpmager* ‘обманщик, плут’, *intrigemager* ‘интриган’, *kurmager* ‘ухажер, бабник’, *profitmager* ‘спекулянт’, *spektakelmager* ‘скандалист’, *ugomager* ‘смутьян, зачинщик’, *spilormager* ‘проказник, озорник’. По этой модели также образуется большое количество новых слов: *ballademager* ‘скандалист, хулиган’ (1956), *prognosemager* ‘человек, делающий прогнозы’ (1975), *mytemager* ‘создатель мифов’, *meningsmager* ‘создатель общественного мнения’, *idemager* ‘создатель идей’. Большинство производящих основ указанных новообразований не имеют отрицательной окраски, а оценочность производных с *-mager* оказывается обусловленной контекстом. Однако в большинстве случаев *-mager*² придает производным шутливо-ироничную или презрительную окраску и, таким образом, выступает стилистически маркированным.

Большое количество оценочных существительных образовано с помощью другого словообразовательного способа — основосложения. Как правило, первые компоненты представляют собой существительные: *menneskehader* ‘мизантроп, человеконенавистник’, *nydelsesmenneske* ‘любитель наслаждений’, *skørtejæger* ‘бабник’, *drukmaå* ‘пьяница’. В примерах были выявлены также модели прилагательное + существительное (*hidsigprop* ‘вспыльчивый человек, псих’), глагол + существительное (*sludrechatol* ‘болтун, трепач’, *ædedolk* ‘обжора’) и наречие + существительное (*hjemmemenneske* ‘домосед’). Среди оценочных сложных существительных зафикс-

рованы как нецельноозначающие, так и цельноозначающие, при этом последние составили большинство: *rebermø* ‘старая дева’ (*reber* ‘перец’ + *mø* ‘дева’), *plageånd* ‘мучитель, попрошайка, надоедливый человек’ (*at plage* ‘мучить’ + *ånd* ‘душа’), *skrankerave* ‘рьяный бюрократ’ (*skranke* ‘конторка, стойка’ + *rave* ‘папа (римский)’), *sladdertaske* ‘болтун, трепач’ (*sladder* ‘сплетни’ + *taske* ‘сумка’), *snushane* ‘человек, везде сующий свой нос’ (*at snuse* ‘нюхать’ + *hane* ‘петух’), *vatpik* ‘слабак, тряпка’ (*vat* ‘вата’ + *pik* ‘половой член’), *ødeland* ‘транжира, мот’ (*at øde* ‘растрачивать, проматывать’ + *land* ‘земля’). В отдельную группу выделяются существительные, получившие значение лица в результате метафорического переноса: *drivhusplante* ‘тепличное растение’, *vejrhane* ‘флюгер, хамелеон’.

Анализ отобранных оценочных существительных показал, что многие из них образованы по аналогии, причем вторые компоненты могут быть распределены по трем семантическим группам.

Первую группу составляют слова со вторыми компонентами, обозначающими часть тела:

-hoved — *tudehoved* ‘плакса, рева’, *brokkehoved* ‘ворчун’, *smølehoved* ‘копуша’, *skabehoved* ‘кривляка, ломака’, *snakkehoved* ‘болтун’, *brushoved* ‘горячая голова’;

-hals — *løgnhals* ‘лгун’, *pralhals* ‘хвостун’, *skrihals* ‘крикун’, *slughals* ‘обжора’, *vovehals* ‘смельчак’;

-røv — *drengerøv* ‘молокосос, мальчишка’, *blærerøv* ‘хвостун’, *fedterøv* ‘скупердяй, жадина’, *hængerøv* ‘зануда’, *højgrøv* ‘высокомерный, надменный человек’, *narngerøv* ‘дурак’;

-rumpe — *barnerumpe* ‘молокосос’;

-krop — *dovenkrop* ‘лентяй, лежебока’;

-finger — *fummelfinger* ‘растяпа’;

-mund — *lækkermund* ‘лакомка’, *slikmund* ‘сладкоежка’;

-nakke — *tåbenakke* ‘дурак’, *stivnakke* ‘упрямец’;

-næse — *snotnæse* ‘сопляк’;

-pande — *kva.jpande* ‘дурак’, *torskepande* ‘дурак’.

По мнению А. Гудиксен, эта группа неоднородна: некоторые образования могут рассматриваться как посессивные сложные слова (*stivnakke* ‘упрямец’, *højgrøv* ‘высокомерный, надменный человек’), вторые компоненты других образований носят полусуффиксальный характер (*torskepande* ‘дурак’, *drengerøv* ‘молокосос,

мальчишка')⁵. Указанные элементы обладают разной продуктивностью, серийностью и частотностью. Анализ производных показал, что практически все вторые элементы непродуктивны. В Словаре новых слов зафиксированы только три новых слова со вторым элементом *-hoved*, причем все неологизмы представляют собой кальки из английского и немецкого: *syrehoved* 'наркоман, сидящий на LSD, кислотник' (1968) (от англ. *acidhead*), *æggehoved* 'интеллектуал, умник' (1961) (от англ. *egghead*), *virrehoved* 'бестолочь, непоседа' (от нем. *Wirrkopf*). Кроме этого, в словаре фиксируется только один неологизм со вторым элементом *-gøv*: *hængerøv* 'зануда' (1961). Бóльшая по сравнению с другими элементами продуктивность оказывается связанной с серийностью и частотностью: элементы *-hoved* и *-gøv* обладают достаточно высокой серийностью и чаще других встречаются в *KorpusDK*. Интересен вопрос о словообразовательном статусе элемента *-hoved*. Соединяясь с субстантивными предметными основами, элемент *-hoved* выступает в своем прямом значении 'голова, головка' и является вторым компонентом: *blomkålshoved* 'головка цветной капусты', *brevhoved* 'шапка письма', *hammerhoved* 'головка молотка', *hestehoved* 'голова лошади', *kuglehoved* 'сферический литероносец', *sprænghoved* 'боеголовка'. Соединяясь с глагольными основами и отдельными субстантивными основами со значением «дурак», элемент *-hoved* придает производным значение лица: *klynkehoved* 'нытик' (> at *klynke* 'ныть'), *hængehoved* 'зануда' (> at *hænge* (med *hovedet*) 'повесить (голову)'), *pibehoved* 'нытик, пискля' (> at *pibe* 'пищать'), *pyrehoved* 'неженка' (> at *pyre* 'баловать'), at *sludrehoved* 'болтун' (> at *sludre* 'болтать'), *nussehoved* 'копуша' (> at *nusse* 'возиться'), *fæhoved* 'дурак' (> *fæ* 'дурак'), *torskehoved* 'дурак' (> *torsk* 'дурак'), *kvajhoved* 'дурак' (> *kvaj* 'дурак'). Высокая серийность элемента, а также частичный семантический отрыв от свободного аналога позволяют отнести *-hoved* в значении лица к категории полусуффиксов. Элемент *-hoved* стилистически маркирован: он придает производным шутливо-ироничную окраску и относит их к разговорному стилю.

Вторую группу составляют слова со вторыми компонентами, обозначающими животных:

-дуг — *bløddug* 'слизняк', *dovendug* 'ленивец', *flæbedug* 'плакса', *skadedug* 'вредитель', *snorkedug* 'храпун';

-фугл — *galgenfugl* 'остряк', *spillefugl* 'заядлый игрок', *spottefugl*

‘насмешник’, spøgeflugl ‘остряк’, ulykkeflugl ‘неудачник, человек, приносящий несчастья’;

-hvalp — snothvalp ‘сопляк’;

-hest — læsehest ‘книжный червь’;

-abe — brøleabe ‘рева’.

Большинство элементов данной группы непродуктивны, производные образованы с помощью метафорического переноса или по аналогии.

Третью группу составляют слова со вторыми компонентами, обозначающими мужские/женские имена:

-lars — dovenlars ‘лентяй’, рjaltelars ‘тряпка, слизняк’;

-per — forsigtigper ‘осторожный человек’, vigtigper ‘высокомерный человек, воображала’;

-peter — dummpeter ‘глупец, дурак’, forsigtigpeter ‘осторожный человек’, luskepeter ‘вероломный и коварный человек’, vigtigpeter ‘высокомерный человек, воображала’;

-mikkel — kluddermikkel ‘бестолочь, неумеха’, kluntemikkel ‘ува-лень’, sjuskemikkel ‘неряха’, svinemikkel ‘неряха, грязнуля’, tudemikkel ‘плакса, рева’, våsemikkel ‘болтун, пустомеля’;

-hans — klodshans ‘бестолочь, неумеха’, gralhans ‘хвастун’;

-dorte — snerpedorte ‘недотрога’, рjankedorte ‘дурочка’, sjuske-dorte ‘неряха’;

-karl — kraftkarl ‘силач’, nassekarl ‘паразит, приживал’, skriverkarl ‘писака, бумагомаратель’;

-frans — galfrans ‘сорвиголова’;

-diderik — dovendidrik ‘лентяй’, drukkendidrik ‘пьяница’;

-frederik — fjollefrederik ‘дурак’.

Элементы этой группы непродуктивны: ни одного неологизма в Словаре новых слов зафиксировано не было. Некоторые производные даже признаются архаичными (fjollefrederik ‘дурак’). Все элементы придают производным значение лица, при этом сохраняя семантическую связь со свободным аналогом, поэтому могут быть отнесены к категории полусуффиксов.

Известно, что компоненты сложных слов обладают большим коннотационным потенциалом, чем аффиксы, так как их комбинационные возможности гораздо выше, что позволяет создавать огромное количество экспрессивно-оценочных окказиональных слов. Среди отобранных сложных слов большинство составляют существительные с частной отрицательной оценкой, при-

чем оценочная коннотация их внеконтекстуальна (так называемые собственнооценочные композиты).

Интересны случаи словообразовательной синонимии, которая на материале оценочных существительных представлена очень богато. Во многих случаях синонимы образовались путем прибавления к корневому слову второго компонента или полусуффикса, которые придают производным шутливо-ироничную или пренебрежительную окраску: *kvaj* — *kvajhoved* — *kvajprande* ‘дурак’; *snerpe* — *snerpedorte* — *snerpekrukke* ‘скромница, недотрога’; *pjalt* — *pjaltelars* ‘тряпка, слизняк’; *pjok* — *pjokkehoved* ‘неженка, слабак’; *blære* — *blæregøv* ‘хвостун’. В некоторых случаях компоненты конкурируют между собой, соединяясь с основами по аналогии: *dovendidrik* — *dovendyr* — *dovenlars* — *dovenkrop* ‘лентяй’; *sjuskedorte* — *sjuskehoved* — *sjuskemikkel* ‘неряха’; *tudehoved* — *tudemikkel* ‘плакса’. Особенно интересен синонимичный ряд, в котором наряду с существительными, образованными по датским словообразовательным моделям, присутствуют заимствования: *casanova* ‘казанова’ — *don juan* ‘дон жуан’ — *hjer teknuser* ‘сердцеед’ — *kvindebedærer* ‘покоритель сердец’ — *skørtejæger* ‘бабник’ — *kussetyv* ‘бабник’. Различия между синонимами обусловлены различными стилистическими коннотациями: если первые четыре существительных более характерны для художественных текстов, то последние два свойственны разговорному стилю, причем *kussetyv* (> *kusse* ‘женские наружные половые органы’ + *tyv* ‘вор’) может восприниматься как вульгарное.

Довольно большое количество оценочных существительных образовано с помощью еще одного словообразовательного способа — комбинации основосложения и аффиксации или синтаксико-морфологического способа (*samdannelse*): *hjer teknuser* ‘сердцеед’ (> *hjer te* ‘сердце’ + *at knuse* ‘разбивать’ + *-er*), *dagdriver* ‘бездельник’ (> *dag* ‘день’ + *at drive* ‘бездельничать’ + *-er*), *ordgyder* ‘пустомеля’ (> *ord* ‘слово’ + *at gyde* ‘метать икру’ + *-er*), *skallesmækker* ‘драчун, хулиган’ (> *skal* ‘башка’ + *at smække* ‘хлопать, шлепать’ + *-er*), *sputslikker* ‘подхалим, подлиза’ (> *sput* ‘слюна’ + *at slikke* ‘лизать’ + *-er*), *syvsover* ‘соня, лежебока’ (> *syv* ‘семь’ + *at sove* ‘спать’ + *-er*). Среди лингвистов нет единого мнения о таком способе словообразования. Например, П. Дидериксен выделяет особую группу в этом способе — «*samdannelser uden suffiks*», к которой он относит абсолютно разные существительные: *slikmund* ‘сладкоежка’ (под-

группа слов, образованных с помощью метонимического переноса часть → целое), *hugaf* ‘рубака, вояка’ (подгруппа императивных существительных)⁶. У Турелль относит модель типа *slikmund* к possessивным сложным словам, а модель типа *hugaf* рассматривает как результат конверсии⁷.

Небольшую группу составляют производные или корневые существительные. Часть из них имеют общескандинавские корни и образованы с помощью метафорического переноса: *mæg* 1. кобыла; 2. шлюха (от герм. **marhī* ‘жеребец’), *stud* 1. вол, кастрированный бык; 2. тупой и грубый человек, деревенщина (от сканд. в значении ‘нечто затупленное, животное с затупленными рогами’). Другие существительные представляют собой ассимилированные заимствования в основном из немецкого: *flab* ‘наглец’ (от средненижнем. *vlabbe*), *laps* ‘франт, щеголь’ (от нижнем. *laps*).

Таким образом, можно говорить о разнообразии словообразовательных средств, участвующих в образовании оценочных существительных. Коннотационный потенциал суффиксов оказывается неоднородным. Стилистической коннотацией обладают суффиксы *-gian*, *-ert*, полусуффикс *-hoved*, относя производные к разговорному стилю. Суффиксы *-ing*, *-ning*, *-ling*, *-mager*, полусуффикс *-hoved* придают производным шутивно-ироничную окраску. Стилистически не маркированным оказывается суффикс *-er*. Среди сложных слов преобладают собственно-оценочные композиты.

¹ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 62.

² Nye ord: Ordbog over nye ord i dansk 1955–1998. København, 1999.

³ Retskrivningsordbogen på nettet. Version 2, Dansk Sprogævn — <http://www.dsn.dk>

⁴ <http://ordnet.dk/korpusdk>

⁵ *Gudiksen A.* Bralrehals og vraltehoved. En diskussion af possessivsammensætningen // Danske talesprog. Bd 5. København, 2004. S. 26–27.

⁶ *Diderichsen P.* Elementær Dansk Grammatik. København, 1962. S. 82.

⁷ *Thorell O.* Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981. S. 43, 22.

Elena Gurova

ABOUT SOME PATTERNS IN WORD-FORMATION OF DANISH EVALUATIVE NOUNS AND THEIR STYLISTIC POTENTIAL

The article deals with different types of word-formation of evaluative nouns in Danish. With focus on the evaluative meaning, the present paper interprets the connotative potential of some suffixes (*-er*, *-ing*, *-ning*, *-ling*,

-rian, -ert, -mager), constituents of compounds and some word-elements, that do not fit in well with the category of elements of compounds, or with the category of derivational suffixes. The analyses of formal and semantic structure of the second elements -hoved, -peter, -mikkel, -hans, -dorte, -lars, -karl has shown that they can be regarded as semisuffixes.

А. А. Диева

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ
ДАТСКОГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ
NOGLE

Датское неопределенное местоимение *nogle* представляет собой форму множественного числа от местоимения *nogen*. Однако местоимения *nogen* и *nogle* различаются не только по форме числа. Эти местоимения часто путают в письменной речи как изучающие датский язык, так и сами носители языка в связи с их неразличением в устной речи. Оба эти местоимения произносятся как [но:n].

В толковых словарях датского языка рассматриваемая лексическая единица *nogle* лишена собственной словарной статьи, а лишь снабжена следующим комментарием: «*pron. pl.: bøjningsform af nogen*»¹ (мест. мн. ч.: форма от *nogen*). Проанализировав словарные статьи датско-русских словарей, можно прийти к выводу, что одному датскому неопределенному местоимению соответствует большое количество русских неопределенных местоимений. Так, в «Большом датско-русском словаре» Н. И. Крымовой, А. Я. Эмзиной, А. С. Новаковича дается два значения рассматриваемого местоимения, для каждого из которых имеется несколько вариантов перевода: 1) ‘некоторые, некие, какие-то; какие-нибудь; кое-кто, кое-какие’; 2) ‘несколько; сколько-нибудь’². В датско-русском словаре Й. Харрита и Е. Красновой, помимо вариантов перевода местоимения *nogle* (‘несколько, некоторые, одни’), дается помета о том, что анализируемая лексема часто понимается как неопределенный артикль во множественном числе и поэтому не пе-

реводится (skal ofte forstås som en ubestemt artikel i *pl.* Og derfor ikke oversættes)³. Вопрос об этом особом статусе неопределенного местоимения *nogle* также рассмотрен в статье.

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ *nogle*

Прежде чем говорить о грамматическом статусе анализируемой лексемы, следует обратиться к ее семантическим особенностям, во многом предопределяющим ее грамматический статус. Анализируемая лексема содержит в своем значении сему «больше, чем один», что естественно связано с его грамматическими особенностями неопределенного местоимения *nogle*, а именно: оно представляет собой форму множественного числа. Кроме того, в значении местоимения *nogle* выделяется оттенок безразличия («не важно какой»), присущий всем неопределенным местоимениям. Определенное местоимение единственного числа (*nogen*) содержит в своем значении сему «какой-либо вообще».

2. ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ *nogle*

Как известно, в русском языке неопределенные местоимения различаются своей принадлежностью к разным грамматическим классам. Так, некоторые местоимения — это местоимения-существительные (*кто-то, что-то, кое-кто*), другие — местоимения-прилагательные (*кое-какой, какой-то* и др.), третьи — местоимения-наречия (*где-то, как-то* и др.). Вопрос о том, рассматривать эти местоимения как одну часть речи или как разные, дискуссионный и по-разному решается лингвистами. В связи с анализом разницы систем неопределенных местоимений в датском и русском языках для нас важен тот факт, что в русском языке местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и местоимения-наречия представляют собой разные лексемы, в то время как в датском языке лишь контекстом определяется принадлежность того или иного неопределенного местоимения к той или иной части речи. Не составляет исключения и местоимение *nogle*, которое в разных позициях может быть и существительным, и прилагательным. Рассмотрим подробнее грамматический статус анализируемого местоимения в разных контекстах.

2.1. NOGLE КАК МЕСТОИМЕНИЕ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Выступая в роли существительного, местоимение *nogle* может занимать в предложении позицию как подлежащего, так и дополнения. Так, в высказывании *Nogle siger, at de stadig er lige så meget buddhister som før, men at de tror på Buddhas lære, ikke på munkene* ‘Кто-то говорит, что они все еще являются буддистами, однако они верят в учение Будды, а не в монахов’ неопределенное местоимение *nogle* подлежащее. Совсем другую роль — роль дополнения — играет *nogle* в следующем предложении: *Hun fortalte små historier om nogle af de mennesker, hun havde arbejdet sammen med gennem tiden* ‘Она рассказывала небольшие истории о некоторых людях, с которыми работала в течение всего времени’.

Будучи местоимением-существительным, лексема *nogle* соответствует по семантике русским неопределенным местоимениям *некоторые, кто-то*. Первое значение содержит сему «больше, чем один; не все». Это значение можно проиллюстрировать следующим примером: *Nogle gør alting forkert, især mig* ‘Некоторые все делают неправильно, особенно я’. Второе значение содержит сему «неизвестно сколько»: *De fleste skulle afhøres, men nogle havde fået lov til at tage hjem* ‘Большинство нужно было допросить, но кому-то разрешили поехать домой’. Во втором значении местоимение *nogle* подчеркивает тот факт, что говорящему число людей не только неизвестно, но и безразлично.

2.2. NOGLE КАК МЕСТОИМЕНИЕ-ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Как местоимение-прилагательное лексема *nogle* обычно находится в предикативной части предложения, играя роль определения: *Hun trængte til at se nogle nye ansigter* ‘Ей просто необходимо было видеть какие-нибудь новые лица’.

Семантика лексемы *nogle* в этом случае соответствует семантике русских неопределенных местоимений *некоторые, какие-то, какие-нибудь*. Однако не во всех контекстах это местоимение совпадает по семантике с местоимением *какие-то*, когда говорящему не известно и не важно, о каком классе предметов идет речь. Так, в предложении *Er der ikke bare nogle mennesker der har et højere tryk uden at fejle noget?* (букв.: ‘Есть ли кто-нибудь, у кого повышенное давление, но они при этом ничем не болеют’) говорящему

важен конкретный класс — ‘люди, у которых повышенное давление’, что он и конкретизирует. Ему важно, о каком классе предметов идет речь. Русское же неопределенное местоимение *какой-то* подчеркивает безразличие говорящего. В сочетаниях, имеющих временное значение, местоимение *nogle* соотносимо с русской лексемой *несколько* и приобретает количественное значение: *Der gik nogle dage* ‘Прошло несколько дней’.

Все грамматики и учебные пособия по датскому языку, рассматривая вопрос о функционировании неопределенных местоимений *nogen* и *nogle*, отмечают возможность употребления местоимения единственного числа *nogen* с существительными, стоящими во множественном числе. Использование местоимения единственного числа с существительным во множественном числе связано с типом предложений, в котором оно употреблено, а именно: в отрицательных и вопросительных предложениях. Датский лингвист Эрик Хансен отмечает, что местоимение единственного числа употребляется преимущественно в вопросительных и отрицательных предложениях. Он приводит следующие примеры: *Tror du, der kommer nogen i aften?* ‘Ты думаешь, кто-нибудь придет?’; *Der kommer ikke nogen danskere* ‘Датчан не будет, букв.: Никакие датчане не придут’⁴.

Однако кажущийся на первый взгляд языковой парадокс вполне объясним семантическими особенностями обоих местоимений. Местоимение *nogen*, будучи местоимением единственного числа, содержит в своем значении сему «больше, чем ноль, т. е. какой-нибудь вообще», чего местоимение множественного числа лишено. Именно поэтому оказывается возможным сочетание формы единственного числа местоимения и множественного числа существительного в таких типах предложений, где говорящему важен лишь факт наличия / отсутствия предмета, явления и проч., а не число таковых. Местоимение множественного числа встречается в вопросительных предложениях, однако его употребление напрямую зависит от коммуникативной целеустановки говорящего. Так, если говорящему важно не только наличие предмета, но и его количество, то он выберет форму множественного числа: *Kender du nogle danskere, der taler russisk?* ‘Ты знаешь каких-нибудь / нескольких датчан, которые говорят по-русски?’.

3. ОСОБАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСЕМЫ *NOGLE*

Некоторые грамматики приписывают местоимению *nogle* новую роль — роль неопределенного артикля множественного числа. Так, в грамматике датского языка лексема *nogle* рассматривается в главе «Артикль», где отмечается, что неопределенный артикль не имеет формы множественного числа, но местоимение *nogle* может употребляться в качестве неопределенного артикля во множественном числе⁵.

Заметим, что не во всех языках, где категория определенности / неопределенности выражается артиклями, есть неопределенный артикль множественного числа. Так, в английском языке имеется неопределенный артикль единственного числа (*a, an*), а неопределенный артикль множественного числа отсутствует. Связь между артиклями и местоимениями не случайна, ведь неопределенные местоимения, как правило, были образованы от артиклей или числительных. Так, неопределенный артикль единственного числа в датском языке *en* образован от числительного «один». То же встречаем и в русском языке, где лексема *один* — и числительное, и местоимение.

Прежде чем приписывать той или иной лексеме определенную функцию или даже статус, необходимо рассмотреть и проанализировать признаки приписываемого статуса в других языках. Как отмечает И. М. Берман в «Грамматике английского языка», «артикли выступают как определители и указывают на принадлежность слова, к которому они относятся, к разряду существительных»⁶. В «Грамматике Пор-Рояля» отмечается, что «неопределенное значение имен нарицательных побуждает не только употреблять эти имена в двух числах — единственном и множественном, с тем чтобы ограничивать это значение. Определять неясное значение имен нарицательных можно еще и иначе. Почти во всех языках были для этой цели введены некоторые частицы, названные артиклями, которые иным образом, нежели числа, определяют это неясное значение как в единственном, так и во множественном числе»⁷. Таким образом, артикль наравне с числом призван каким-то образом «определять» значение существительного.

Выделяются следующие признаки артикля:

- «артикли, как правило, лишены лексического значения»⁸; и действительно, английский неопределенный артикль *a / an*

или французский не имеют собственного значения и соответственно никак не переводятся;

- артикль вводит новую информацию в предложение; как подчеркивает Я. Фирбас, неопределенный артикль «с точки зрения функциональной перспективы предложения указывает на то, что является новым в данном высказывании»⁹;
- артикли лишены ударения.

Остановимся на перечисленных признаках чуть подробнее. Вопрос об отсутствии собственного лексического значения у неопределенного местоимения *nogle* дискуссионный. Как уже говорилось, тот факт, что неопределенные местоимения лишены собственного лексического значения, приобретая его только в контекстах, отмечается многими исследователями. Это положение отстаивает, например, С. М. Кузьмина в статье «Семантика и стилистика неопределенных местоимений», отмечая, что «пустое лексическое значение может заполняться за счет контекста разным содержанием и обрастать различными коннотациями»¹⁰. Это положение можно проследить, проведя лексикографический анализ неопределенных местоимений. Многие из них толкуются друг через друга, образуя так называемый порочный круг толкования. Отчасти это действительно может быть связано с отсутствием собственного значения, но не только с этим. Думается, этот факт можно объяснить также и трудностью определения этого значения, находящего свое воплощение лишь в структуре предложения. Таким образом, неопределенные местоимения не лишены значения, но значение это зависимо от контекста.

Второй признак артикля — ввод в предложение новой информации — осуществляется благодаря особой позиции артикля в предложении, а именно — позиции ремы, т. е. новой информации. Однако анализируемая нами лексема далеко не всегда находится в позиции ремы. *Dette er dog den mest udemokratiske holdning at have — skulle man ændre spærregrænsen blot fordi, der er et parti, som nogle læsere af den borgerlige avis Jyllands-Posten ikke kan lide?* ‘Однако это самая недемократичная позиция, которая может быть. Что, надо изменить барьер для прохождения в парламент лишь потому, что есть партия, которую какие-то читатели буржуазной газеты «Юландс-постен» не любят?’

Можно предположить, что особый статус лексемы *nogle* проявляется лишь в определенной позиции и именно в ней отличается от

неопределенного местоимения *nogle*. Это безударная позиция предиката.

Но не лишним будет заметить, что положение о том, что артикль вводит в предложение новую информацию, спорное, ведь есть контексты, в которых неопределенный артикль может стоять в позиции темы. Так, в предложении *Et barn lærer gennem leg* 'Ребенок учится посредством игры' существительное «ребенок» занимает позицию темы.

Ударность / безударность — тоже один из признаков неопределенного артикля. Как известно, артикли безударные. Датское неопределенное местоимение *nogle* может быть как ударным, так и безударным, что зависит от коммуникативного намерения говорящего. Так, в предложении *Jeg har nogle spørgsmål* 'У меня есть вопросы', где неопределенное местоимение безударное, говорящий лишь сообщает собеседнику о самом факте, что у него есть вопросы. Ударное местоимение, наоборот, сообщает об их небольшом количестве: *Har du mange spørgsmål? — Nej, men jeg har nogle* 'У тебя много вопросов? — Нет, но некоторые есть'. Ударный глагол перед неопределенным местоимением предполагает наличие в предложении уступительных отношений: *Jeg har nogle spørgsmål, men jeg stiller dem senere* 'У меня есть кое-какие вопросы, но я задам их позднее'.

Среди признаков артикля выделяется и обязательность. Однако известно, что в ряде случаев артикль единственного числа может опускаться, в частности, когда мы имеем дело с абстрактными существительными: *Det var kærlighed ved første blik* 'Это была любовь с первого взгляда'. Мы видим, что лексема *nogle* далеко не всегда обязательна, что отнюдь не связано с типом существительных, с которыми она употреблена. Мы имеем контексты, где анализируемая лексема может употребляться, а может и не употребляться при конкретных существительных: *Hun serverede kaffen i tynde, cremefarvede kopper* 'Она подала чай в изящных, кремовых чашках'.

Видимо, говорить об особом статусе неопределенного местоимения *nogle* можно лишь в том случае, когда оно находится в безударной позиции ремы, поскольку под ударением эта лексема не лишена лексического значения и не столько вводит новую информацию, сколько тем или иным образом конкретизирует объект.

В заключение отметим, что рассматриваемая нами лексическая единица может менять свой грамматический статус в зависимости

от позиции, занимаемой в предложении, превращаясь то в существительное, то в местоимение. Кроме того, приписываемая некоторыми исследователями местоимению *nogle* роль артикля оказывается небезосновательной и, как видится, может проявляться в безударной позиции предиката. Однако тот факт, что необязательное употребление лексемы *nogle* в позиции, где обычно употребление неопределенного артикля, говорит о том, что пока еще рано приписывать местоимению *nogle* новую роль, но с уверенностью можно констатировать, что рассматриваемая нами единица приобретает новые функции, ранее ей не свойственные.

¹ Politikens Nudansk ordbog med etymologi. København, 2005. S. 969.

² Большой датско-русский словарь / Н. И. Крымова, А. Я. Эмзина, А. С. Новакович. М., 2002. С. 456.

³ Dansk-Russisk ordbog / J. Harrit, E. Krasnova. København, 2005. S. 603.

⁴ Hansen E. Rigtigt dansk. København, 1993.

⁵ Politikens Nudansk grammatik. København, 2001. S. 56.

⁶ Берман И. М. Грамматика английского языка. М., 1994. С. 25.

⁷ Арно А. Грамматика общая и рациональная. Пор-Рояль. М., 1990. С. 115.

⁸ Берман И. М. Грамматика английского языка. С. 25.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Кузьмина С. М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989. С. 161.

Anastasia Dieva

ABOUT THE GRAMMATICAL STATUS OF THE DANISH INDEFINITE PRONOUN *NOGLE*

The Danish indefinite pronoun *nogle* is a plural form of the pronoun *nogen*.

It's important to point out that pronoun *nogle* in different positions may appear as either noun or adjective. Some grammars prescribe a new function to the pronoun *nogle*, that is the function of the plural form of the indefinite article. It seems possible to speak about a particular status of *nogle* only when it stands in the unstressed position of rheme. The reason is that in the stressed position this pronoun has a lexical meaning and it's role isn't only to bring in new information, but also to make the object more concrete.

О. С. Ермакова

**О НОВОНОРВЕЖСКОМ КАК ЯЗЫКЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Мотивация писателей

Для многих иностранных студентов литература на новонорвежском языке остается *terra incognita*: в высших учебных заведениях основной акцент ставится на изучение букмола, и новонорвежский, и в силу отсутствия практики, и нередко через призму восприятия норвежских знакомых, кажется нудным, ненужным, непонятым. Кроме того, книги с новонорвежского переводятся на русский гораздо реже, чем книги на букмоле. Поэтому нередко можно заметить, что студенты считают «норвежскую литературу» настолько отличной от литературы на новонорвежском, насколько отлична от нее и датская или шведская литература.

Нет сомнений в том, что подобное разграничение ошибочно настолько же, насколько разграничение между «мужской» и «женской» литературой. В действительности это — единая традиция, развивающаяся по одному пути и затрагивающая одни и те же темы. Более того, каждому крупному писателю, издающему книги на букмоле, можно подобрать «пару» — писателя, предпочитающего новонорвежский, который бы следовал тем же эстетическим принципам или разрабатывал бы схожие темы. Так, по мнению автора, можно вполне обоснованно говорить о сходстве поэзии Ингер Хагеруп и Халлдис Мурен Весос, романов Яна Хьярстада и Хьяртана Флэгстада, повестей Ларса Собю Кристенсена и Рагнара Ховланна. Точно так же, если говорить о группе так называемых

профиль-модернистов, объединившихся в журнале «Профиль» и задававших тон в норвежской литературе конца 60-х — начала 70-х годов XX в., то можно отметить, что писатели этой группы использовали как букмол, так и новонорвежский: Даг Сульстад, Эйнар Экланн, Пол Хельге Хауген и т. п.

Тем не менее нельзя отрицать, что в развитии литературы на новонорвежском есть свои собственные тенденции, есть излюбленные темы и жанры.

Одна из наиболее интересных черт литературы на новонорвежском — это рефлексия писателей по поводу языка. В этом случае речь идет не о ставшей уже привычной в произведениях постмодернизма проблеме отношения творца к акту творения, а о весьма конкретной проблеме: каково это — писать на новонорвежском, почему автор выбирает именно этот язык, и какие сложности встречаются на его пути. Для большинства писателей создание произведений на новонорвежском — это сознательный выбор, нередко связанный с определенными трудностями. Эйнар Экланн в одном эссе заметил, что отличить новонорвежский как язык от народного движения за новонорвежский становится все труднее. Если автор пишет хорошие книги на новонорвежском, он тем самым служит делу укрепления языка. Если нет, он навлечет стыд на сторонников. Таким образом, новонорвежский становится оружием в войне. В этом Экланн, по-видимому, прав, поскольку многие писатели, создавая произведения на новонорвежском, сознательно борются за его сохранение и развитие. Так, один из крупнейших писателей Норвегии Хьяртан Флэгстад, в 1978 г. получивший премию Северного совета, передал эти деньги обществу по сохранению и развитию новонорвежского языка Норегс Моллаг (Noregs Mållag). Он же издал несколько эссе и памфлетов, где рассматривает проблему распространения новонорвежского в стране. Другой известный писатель Эдвард Хум выпустил книгу «Мой отважный язык» (1996), где он дает обзор истории новонорвежского языка и предлагает собственные перспективы будущего этой письменной нормы.

Почему же писатели выбирают новонорвежский в качестве языка для своих художественных произведений? Вот, например, как отвечает на этот вопрос Улауг Нильссен, писательница, дебютировавшая в конце 90-х годов XX в. и завоевавшая признание и критиков и читателей: «Прежде всего, новонорвежский является той языковой нормой, на которой мне легче всего выразить свои мыс-

ли. Далее, я считаю, что существует своеобразный новонорвежский юмор и своеобразное ощущение общности тех, кто пишет на новонорвежском, которые близки мне. Кроме того, очень важно, что тот, кто выбирает новонорвежский, становится представителем антикультуры и духа противоречия, о сохранении которых, как мне кажется, следует позаботиться»¹.

Таким образом, сознательная борьба за «равноправие» одной из языковых норм — это веская причина для многих писателей. Другая важная причина — это неиспользованные возможности новонорвежского. Эдвард Хум пишет: «Мне нравится искать в новонорвежском редко использованные звучания <...> Если найти эти стилистические черты, то можно увидеть, какие преимущества заключаются в новонорвежском языке. Он настолько *неистерт*, настолько свеж и лишен языковых клише. Поскольку новонорвежский основан не на одном определенном диалекте, а на слиянии всех диалектов, в нем есть *общенорвежское* звучание, благодаря которому легко избежать ассоциации с какой-то определенной местностью»². Об этом же говорил другой известный писатель и драматург Юн Фоссе, отмечавший, что для него имеет большое значение именно искусственность этого языка, то, что он не привязан ни к какому определенному слою общества, не несет ярко выраженной стилистической нагрузки и, таким образом, наиболее подходит для выражения вневременных, абстрактных идей, ситуаций, лишенных привязки к «здесь» и «сейчас».

Еще одна причина, которая, в общем-то, кажется наиболее очевидной, — это внешние факторы: письменная норма, которой придерживаются в семье, преобладание новонорвежского в губернии, где вырос автор, в школе, где он учился и т. п. Однако эта причина не всегда имеет решающее значение для выбора писателем той или иной языковой нормы. Так, Карл Фруде Тиллер, один из наиболее многообещающих молодых авторов, перешел с букмола, на котором писал изначально, на новонорвежский. Объясняя свой выбор, он повторяет слова Юна Фоссе и Улауг Нильссен о том, что новонорвежский помогает ему наиболее полно раскрыть характеры персонажей и выразить свои идеи: «Я <...> смог писать свежим, незатертым языком. Я больше не писал на автопилоте, а чувствовал, что нашел что-то новое, что я начал творить»³.

Говоря о таких «переходах» с одного письменного языка на другой, нельзя не вспомнить о писателях, издававших книги и на бук-

моле, и на новонорвежском. Наиболее крупный из них — это Арне Гарборг, один из тех, кто стоял у истоков создания литературы на новонорвежском языке (вернее, ландсмоле). Как известно, ему принадлежат и четыре произведения на риксмоле, или, как он называл этот язык, на «датско-норвежском». Наиболее интересный пример — это книга «Nos mamma» (1890), которая в тот же год была издана в Бергене на ландсмоле под названием «Нјаа хо мор». Вариант на ландсмоле — это не перевод «датского» оригинала, а заново рассказанная история, в чем можно убедиться, сравнивая две книги. Но в этой статье нас интересует другой вопрос, почему Арне Гарборг, горячий сторонник развития «народного» языка, писал книги и на риксмоле? Ответ на это дает исследователь Ю. А. Дале, который отмечает в своей монографии, что риксмол более подходил для изображения тех слоев общества, к которым принадлежали главные герои этой книги⁴. Другой причиной была экономическая: книги на риксмоле становились востребованы и датскими читателями, следовательно, продавались лучше.

Еще один пример. Менее известный писатель Альфред Хауге, который свободно пользовался обеими письменными нормами норвежского языка, заявлял, что он при выборе букмола или новонорвежского руководствуется прежде всего художественными задачами, которые перед ним стоят. Так, серия романов о средневековом монастыре Утстейн (1951–1968) написана на новонорвежском. В то же время романы об эмиграции норвежцев в Америку, принесшие ему наибольшую известность (так называемая трилогия о Кленге Персоне, 1961–1964 гг.), написаны на букмоле. По словам автора, такой выбор был естественным, так как все документы — письма эмигрантов и материалы архивов — были на риксмоле.

Таким образом, можно сказать, что одна из важнейших причин, побуждающих писателей издавать свои книги на новонорвежском, — это наиболее полная реализация художественных задач, поставленных перед ними. Вместе с тем в 2008 г. в периодических изданиях появилось несколько статей журналистов, заявляющих, что отказываются от своего «родного» новонорвежского языка и собираются отныне писать на букмоле. Журналист Анне Викен подводит итог в своей статье «Никуда не годный новонорвежский»: «... Прошлым летом я разговаривала с несколькими журналистами <...> Они всю свою жизнь писали на новонорвежском, но когда доходит до дела, у них, коротко говоря, просто нет времени писать

правильно на этом языке. И поскольку для большинства из нас важнее сказать то, что мы хотим сказать, а не то, на каком языке мы это говорим — на букмоле или новонорвежском, мы переходим на букмол»⁵.

Возвращаясь к причинам, побудившим Арне Гарборга издать книгу «У матери» на датско-норвежском, следует заметить, что законы рынка актуальны и сейчас. И несмотря на то, что художественная литература на новонорвежском продолжает издаваться, особенно активно эссеистика и поэзия, традиционно сильные жанры, коммерческая литература, как, например, пособия по домоводству, рукоделию, учебники по естественным наукам и т. п., выходят в основном на букмоле, так как иначе они не будут пользоваться спросом. Несмотря на поддержку со стороны государства, переводы с новонорвежского на иностранные языки появляются во много раз реже, чем переводы с букмола. Таким образом, по-видимому, прав исследователь Кнут Лёйланд, который заметил, что новонорвежский становится языком документов и художественной литературы, приобретает оттенок элитарности и превращается в «язык мандаринов»⁶.

¹ To forfattere om nynorsk // Aroundbooks. En blogg for bokelskere. <http://aroundbooks.blogspot.com/2008/02/to-forfattere-om-nynorsk.html>

² Hoem E. Mitt tapre språk. Oslo, 1996. S. 3.

³ Tiller K. F. Språkleg bifil // Norsk tidend. 2008. Nr. 1. Februar. S. 11.

⁴ Viken A. Den ubrukelege nynorsken // Aftenposten. 2008. 23 november.

⁵ Dale Johs. A. Studiar i Arne Garborgs språk og stil. Oslo, 1950. S. 117.

⁶ Løyland K. Produksjon av nynorsk litteratur. Oslo, 1997.

Olga Ermakova

ABOUT NYNORSK AS THE LANGUAGE OF FICTION LITERATURE. WRITERS' MOTIVATION

The article discusses the following question: why do the norwegian writers choose nynorsk as the language of their fiction books? Basing on the interviews and essays of some well-known writers, such as E. Hoem, E. Økland, C. F. Tiller etc, the auther comes to the conclusion that the main argument for using nynorsk is the following: This language has a certain creative potential that lets the writers to express their ideas better. However, nynorsk tends to be the language of fiction literature and official documents, so it is in danger to become an “elite language”.

Б. С. Жаров

СУДЬБЫ ДАТСКОГО ЯЗЫКА В ИСЛАНДИИ

Тема этой статьи зародилась на пересечении интересов юбиляров, которым посвящен настоящий сборник. Хорошо известны многочисленные работы профессора В. П. Беркова по языку, литературе, культуре Исландии. Автор этой статьи учился датскому языку у профессора И. П. Куприяновой. Толчком для написания послужила также первая поездка автора в эту удивительную страну.

Исландия находится в зоне датского языка уже 600 лет, датский язык в разные периоды этих столетий играл весьма разную роль. Как известно, в 1397 г. при заключении Кальмарской унии датский король получил под свое начало Норвегию с входившей в ее состав Исландией и Швецию с Финляндией, Дания стала великой европейской державой. Связи с другими названными странами были более кратковременными, но Исландия с этого времени и еще 500 лет продолжала состоять частью датского королевства, а затем пребывать с ним в унии вплоть до 1944 г. О судьбе датского языка в Исландии написано немного¹.

Богатый материал по этому вопросу можно найти в книге исландского ученого Аудур Хауксдоухтир, которая сейчас возглавляет Институт иностранных языков, носящий имя бывшего президента Исландии Вигдис Финнбогадоухтир, в университете Исландии в Рейкьявике. Аудур Хауксдоухтир провела в начале 1990-х годов разностороннее многоаспектное исследование преподавания датского языка в Исландии, в 1998 г. ею была защищена докторская диссертация. В 2001 г. в Копенгагене вышла ее книга на дат-

© Б. С. Жаров, 2009

ском языке «Стратегии преподавателя — датский язык учащихся: Датский язык как иностранный в Исландии»².

Как совершенно очевидно, проводившееся исследование в наибольшей степени преследовало педагогические и методические цели: подготовка и компетенция преподавателей датского языка, учебные пособия, техника обучения и т. д. Эти вопросы останутся за пределами настоящей статьи. Однако в книге были затронуты, что вполне естественно, и вопросы общелингвистические, в частности вопрос о распространении датского языка в Исландии. Аудур Хауксдоухтир справедливо замечает: «Датский язык играл во многих областях важную роль, а датская культура и менталитет проникали разнообразными способами в повседневную жизнь исландцев, что требовало хорошего владения языком» (с. 15). О роли и сферах употребления датского языка в Дании пойдет речь в дальнейшем.

В первый период, т. е. в XV–XVII вв., и в особенности после установления абсолютизма в Дании в 1662 г. Исландия была малозначимой частью датского королевства и управлялась из Копенгагена. В связи с этим язык всех ветвей администрации был только датский. Внешняя торговля, без которой страна никогда не могла существовать, и торговля внутри страны полностью находилась в руках датчан. Это означало, что практически все серьезные проблемы жизни исландцев на протяжении длительного времени могли решаться только в контакте с датскими властями и датчанами, что требовало безусловного знания датского языка, который был, таким образом, главным используемым языком в более или менее крупных населенных пунктах. Эти пункты с трудом можно называть городами, если в самом большом из них — Рейкьявике — в 1801 г. жило 307 из 47 000 жителей страны (с. 19). Датчане жили именно в таких населенных пунктах, причем составляли элиту. А проживавшие в этих местах исландцы были вынуждены использовать датский язык как язык официального общения. Документы, не только направляемые в Копенгаген, но и в учреждения Исландии, писались по-датски. Без знания датского языка исландцу невозможно было достигнуть сколько-нибудь высокого положения ни в одной области.

Ситуация для исландского языка выглядела настолько безнадежной, что делались весьма пессимистические выводы. В книге приводится поразительное высказывание 1771 г. ректора Скаульхольтской школы Бьярни Йоунссона — исландца, не датчанина: «Я

нахожу не только бесполезным, но также и очень вредным сохранять далее исландский язык. До тех пор, пока исландцы имели общий с другими скандинавскими нациями язык, их всюду уважали и чтили; но теперь, когда их язык стал для всех других непонятным, их совершенно не уважают. Это мешает им общаться с другими нациями при торговле и встречах, зачем же упорно стоять на своем? Давайте последуем примеру Норвегии и Фарерских островов. Давайте возьмем датский язык, раз уж мы подчиняемся датскому правительству и общаемся с датским народом» (с. 19).

Униженное положение исландского языка в тот период так поразило гениального датского лингвиста Расмуса Раска, который в 1813–1815 гг. находился в Исландии и за это короткое время в совершенстве овладел исландским языком, что в одном личном письме он сделал печальный прогноз: «Скажу по секрету, я думаю, что через 100 лет никто в Рейкьявике не будет говорить по-исландски, а через 200 лет вообще никто в Исландии, если дела будут идти как сегодня» (с. 22).

Полного исчезновения исландского языка, как мы знаем, не произошло. Сыграло роль то обстоятельство, что территория страны была большая, и на своих разбросанных хуторах крестьяне могли полностью игнорировать датский язык. Кроме этого, у них были исландские саги, печатные и даже сохранившиеся рукописные древние тексты, которые читались вслух зимними вечерами в семейном кругу.

Исландцы овладевали датским языком по-разному. Школьное обучение в принципе существовало только для избранных. Остальные должны были обучаться «на слух» во время общения с датчанами или с теми, кто уже овладел языком. И только позже с появлением сети исландских общеобразовательных школ датский язык стал в них одним из основных предметов.

С середины XIX в. датский язык стал в официальной сфере общения постепенно уступать в правах исландскому. Проявившееся несколько ранее в Исландии стремление к обретению все большей независимости от Дании стало заметно нарастать, что получило выражение, в частности, и в области языковой политики. В 1843 г. король Дании Кристиан VIII разрешил восстановить в правах распущенный 50 лет тому назад Альтинг, сначала, впрочем, только как совещательный орган. Было четко сказано, что на заседаниях

Альтинга речи должны произноситься по-исландски, все решения и документы писаться также по-исландски. Если же полномочный представитель датского короля, не знавший, естественно, исландского языка, выступал, то он имел право говорить по-датски, но — это было оговорено особо — его речь обязательно должна была переводиться на исландский язык (с. 40).

В 1859 г. правительство Дании утвердило положение о том, что законы, касающиеся Исландии, должны быть написаны на исландском языке. И вплоть до 1912 г. они издавались как параллельные тексты на двух языках. Самый крупный шаг на пути к будущей независимости был сделан в 1874 г. во время визита в Исландию датского короля Кристиана IX (названного историками «тестем всей Европы»). Король вручил Исландии конституцию, которая определяла Альтинг как законодательный орган при решении всех вопросов, касающихся внутренних дел (кстати говоря, именно в память об этом визите в центре Рейкьявика благодарными подданными был поставлен памятник Кристиану IX). Однако министерство по делам Исландии находилось по-прежнему в Копенгагене и состояло из датчан. В 1904 г. министерство было переведено в Исландию, а министром — по новому положению — мог стать только человек, который владел исландским языком.

За предыдущие столетия Исландия установила крепкие связи с Данией во всех областях. Через Данию в Исландию приходили новые идеи, в том числе и связанные с национальным возрождением. В Копенгагене находился университет, в котором получали образование практически все деятели исландской науки и культуры. Обучение ремесленников, специалистов по сельскому хозяйству и т. п. также проходило в Дании. Это означало, что знание датского языка по-прежнему было жизненно важным. Уровень языковой компетенции в области датского языка повышался, расширялась сеть школ в Исландии, росло количество преподавателей.

В 1907 г. вступил в силу закон о всеобщем образовании, который первоначально включал детей в возрасте 10–14 лет. Однако следует напомнить, что и до этого в стране было удивительно много грамотных людей, намного больше, чем в большинстве европейских стран, что связано с упомянутым выше знакомством с древнеисландской литературой.

В условиях Первой мировой войны и слабой связи с метрополи-

ей 1 декабря 1918 г. в стране был проведен плебисцит, по итогам которого Исландия провозгласила себя суверенным государством. Однако была законодательно зафиксирована персональная уния с Данией, главой государства объявлялся датский король. Характерно, что родившаяся в 1940 г. принцесса Маргрете, ставшая позже королевой Дании, получила при крещении, как принято в датской королевской семье, четыре имени, и одно из них было исландским — Торхильдур.

Внешние сношения Исландия вела через соответствующие дипломатические органы Дании. Но по всем остальным вопросам Альтинг и правительство Исландии принимали решения самостоятельно. Независимость, хотя и не совсем полная, принесла с собой расцвет исландской культуры. Это, однако, совсем не означало отказа от весьма важной роли разнообразных контактов с Данией. Датский язык почти все XX столетие оставался вторым после исландского языком в исландской школе и важным элементом знакомства с культурой, политикой и экономикой других стран мира. Исландские политические деятели стали поговаривать о более важной роли английского языка в современном мире, но к их голосам в тот момент еще не прислушивались.

Датский язык преподавался особым образом. Аудур Хауксдоттир делает интересное наблюдение. Очень многие исландские школьные учителя датского языка учились в Дании, в большинстве случаев в педагогических семинариях, где, естественно, преобладали датчане, уже знавшие язык и рассчитывавшие позже преподавать датским детям. Понятно, что главный упор делался во время занятий на чтении и анализе литературных текстов при минимуме практических уроков по разговору и т. п. Вернувшись в Исландию, исландские педагоги добросовестно воспроизводили эту методику (с. 138).

Результат был вполне ожидаемым: прошедшие полный курс датского языка исландские учащиеся только с большим трудом могли говорить по-датски, но при этом достаточно хорошо понимали написанный текст. Впрочем, ради справедливости следует отметить, что сама необходимость в устном общении сократилась, поскольку после 1918 г. в Исландии заметно уменьшилось количество постоянно проживающих в стране датчан.

Начавшаяся Вторая мировая война сыграла важную роль в

судьбах датского языка в Исландии. 9 апреля 1940 г. гитлеровские войска оккупировали Данию, что естественным образом привело к разрыву повседневных контактов двух стран и отсюда к фактической ликвидации унии с Исландией. Альтинг и правительство Исландии стали теперь уже в полном объеме осуществлять свои функции во всех областях. Чтобы воспрепятствовать захвату Исландии фашистскими войсками, в 1940 г. в страну были введены английские войска. Летом 1941 г. по договоренности между всеми сторонами их заменили американские войска. Эти события привели к повседневным контактам всех слоев населения с английским языком и прежде всего с американской экономикой и культурой. Следует заметить, что при больших разрушениях и потерях в большинстве других стран Европы во время Второй мировой войны существенно выросло благосостояние исландцев.

В этих условиях проходило активное обсуждение вопроса о перспективах существования Исландии как независимого государства. В мае 1944 г. состоялся референдум, в котором приняло участие более 98% жителей, имевших право голоса. Результаты были однозначными: за расторжение персональной унии с Данией проголосовало более 97%, а за введение республиканской формы правления более 95% проголосовавших. 17 июня 1944 г. со священного для всех исландцев места — Скалы законов в Тингведдире — было провозглашено создание республики Исландия (с. 143).

В новых законах о школе, принятых после войны, произошли некоторые подвижки в разделе об иностранных языках. Существенно возросло количество часов на английский язык, тем не менее датский язык сохранялся все еще как первый иностранный. Четко было сформулировано требование о том, что датский — живой язык, которым учащиеся должны уметь пользоваться. В учебниках появилось много упражнений, которые были нацелены на активное владение языком, понимание на слух.

Эти принципиально правильные установки столкнулись с суровой реальностью жизни. Количество живущих в Исландии датчан было невелико, и необходимость в устном общении с ними стала не столь актуальной. Датский язык из необходимого для жизни второго языка превратился в один из иностранных языков. Датская речь звучала теперь большей частью только с экрана, поскольку кинопрокат в 50-е и 60-е годы покупал значительное количество датских фильмов.

В то же время наблюдалось длительное (вплоть до начала XXI в.) пребывание значительного количества американских военнослужащих в Исландии. Международная ситуация, развитие науки, экономические связи и массовая культура требовали растущего употребления английского языка практически во всех областях. Американцы на военно-воздушной базе в Кепплавике в 1960-е годы стали вести — в принципе только для своих солдат — телевизионные передачи, но их могли смотреть и действительно смотрели жители Рейкьявика. Исландское телевидение появилось позже. Как результат возросла потребность в знании английского языка, школьным властям пришлось увеличивать количество уроков английского языка, вводить его в более ранних классах и продлевать обучение.

Борьба двух языков была явно неравной. В одном официальном заключении говорилось: «Лишь немногие исландцы могут говорить по-датски и понимать датскую речь в разумных пределах» (с. 161). По-другому обстояло дело с английским языком, на котором исландцы могли общаться теперь не только у себя в стране, но и во многих странах за рубежом.

На рубеже веков было принято официальное решение. В 1999 г. первым иностранным языком в школе был объявлен английский. Обучение ему начинается теперь в 6-м классе (дети в исландской школе учатся с 6 лет). Датский же перешел на положение второго иностранного языка, который стал вводиться в 7-м классе. В настоящее время разница в степени владения этими языками у младшего и среднего поколения исландцев явно не в пользу датского.

¹ Напр.: *Skautrup P.* Det danske Sprogs Historie. København, 1953. Bd 3. S. 116–117; 1968. Bd 4. S. 39.

² *Auður Hauksdóttir.* Læreren strategier — elevernes dansk: Dansk som fremmedsprog i Island. København: Nordisk Ministerråd — Sprogamarbejde, 2001. Цитаты из этой книги приводятся в статье с указанием страницы в скобках.

Boris Zharov

THE FATE OF THE DANISH LANGUAGE IN ICELAND

Iceland has been located in the area of the Danish language for 600 years. A lot of material on this problem can be found in the book “The Teacher’s Strategies — the Students’ Danish: Danish as a foreign Language in Iceland” (*Læreren strategier — elevernes dansk: Dansk som fremmedsprog i Island.*

København, 2001) by the Icelandic scientist Auður Hauksdóttir, who has made profound research in teaching Danish in Iceland. The research followed pedagogical and methodical goals and touched the problems of general linguistics, the problem of the Danish language spreading in particular.

The role as well as the sphere of usage of the Danish language in Iceland throughout the centuries are being analyzed in the article.

Н. Н. Капралова

**ПОСТНИГИЛИСТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК НИЦШЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ КНУТА ГАМСУНА
РУБЕЖА XIX–XX вв.**

В скандинавской литературе конца XIX в. на смену объективному изображению социальных явлений действительности пришел субъективный анализ внутренних движений человеческой души и поворот к психологизму. Пробуждался интерес к роли бессознательного и иррационального в духовной жизни личности. Значительное влияние на писателей Скандинавии оказывали философские системы Э. Сведенборга, А. Шопенгауэра, С. Киркегора и Ф. Ницше¹.

Общеввропейскую известность Ницше принесла статья датского критика Г. Брандеса «Аристократический радикализм», написанная в 1889 г. Влияние Ницше испытал и сам Брандес, в чьем творчестве призыв к участию искусства в решении общественных задач сменился в 1890-е годы идеей о великой личности как цели человечества и культуры. Датский ученый пишет о скором объединении европейского общества в единое социокультурное пространство, что должно стать толчком для появления «касты выдающихся умов», которая и будет управлять новым обществом. Именно критика современного человека в рассуждениях Ницше привлекает Брандеса. Власть и доминирование в обществе «образованного филистера», обывателя, убежденного в оригинальности и превосходстве собственной культуры, препятствует появлению действительно выдающейся личности: «Общество образованных филисте-

© Н. Н. Капралова, 2009

ров подливает много горечи в жизнь людей, возвышающихся над общим уровнем»². В то же время Брандес указывает на восхищение немецкого философа кастой великих людей, их стремлением к власти, здоровьем и внутренней свободой и особой, аристократической моралью, в которой нет понятия справедливого и несправедливого, плохого и хорошего. В Ницше Брандес видит «художника», «мечтателя», «воинственного мистика, поэта, мыслителя и имморалиста», с которым можно спорить, но чей мир открывает новые, свободные перспективы для европейского общества, — в противовес концепциям английской философии утилитаризма.

Социально-исторический прогресс, появившийся на смену христианским ценностям, становится ориентиром для человека. «Смерть Бога», которая лишила существование осмысленности, мотивации и идеала, привела к тому, что на место религиозного авторитета приходит авторитет морали. Человек становится на место Бога и утверждает собственные критерии смысла бытия, которые, однако, все так же отрицают жизнь во имя высших ценностей. В интерпретации Ж. Делёзом ницшевской концепции воли к власти последняя представляет собой борьбу активных (утверждающих собственное отличие) и реактивных (отрицающих отличие, ограничивающих) сил. По мнению Ницше, повсюду наблюдается победа отрицания, слабости, вырождения — торжество нигилизма³.

По Хайдеггеру, нигилизм также проистекает из общечеловеческой утраты ценностей, лишившей человека нравственных ориентиров и заменившей Бога на Ничто. Нигилизм явился следствием, во-первых, «ошибочной ориентации на поиски смысла всего происходящего», во-вторых, несостоятельность «веры в единство, системность и целостность», в-третьих, «неверие в существование трансцендентной реальности». Необходимость в авторитете и некоем новом мериле ценностей ищет возможную замену религиозной морали и находит опору в земном историческом и культурном прогрессе⁴. Исследуя известную статью М. Хайдеггера «Слова Ницше “Бог мертв”», Т. А. Кузьмина отмечала: «“Небосвод стерт” европейским рациональным субъектом, для которого весь мир стал лишь предметом представления и активистских притязаний; человек и его ego cogito (я мыслю) везде находили только себя, и “все это ради собственной удостоверяющейся уверенности” в полном господстве над миром»⁵. Необходимость человека оправдывать собственное существование полезными и целесообразными действиями порождена

неверием в высшие ценности и господством этики утилитаризма, или морали рабов.

Эпоха европейского нигилизма, ознаменованная «смертью Бога», породила героя времени — нецельного, нервного и противоречивого человека, ищущего опоры и оправдания собственного существования. В романах Гамсуна 1890-х годов изображаются люди, находящиеся в таком поиске, исследуются их психология и мотив поведения, описываются их судьбы в современном мире. Сложно говорить о непосредственном влиянии на раннего Гамсуна произведений Ницше, однако несомненно, что образы, созданные немецким философом, отложились в сознании молодого писателя. В своем послании 1929 г. профессору Береннсону Гамсун отмечал, что никто не произвел на него в юности такое впечатление, как Достоевский, Ницше и Стриндберг⁶. Так или иначе сходство некоторых идей в творчестве немецкого мыслителя и норвежского романиста носит, скорее, типологический характер, обусловленный настроениями эпохи.

Объектом нашего анализа выступил роман, написанный Гамсуном в 1892 г., сразу после успеха дебютного произведения «Голуд». В «Мистериях» в границах локально ограниченного художественного пространства Гамсун исследует универсальные жизненные процессы и личность, ищущую смысл существования мира и собственного бытия. Эти настроения поиска созвучны ницшевскому осознанию необходимости создания новых ценностных ориентиров для современного общества, пересмотру религии и морали и возникновению нового типа человека — спасителя культуры.

В «Мистериях» повествование ведется от лица автора, однако в отдельных эпизодах оно сменяется внутренним монологом Нагеля, раскрывающим глубины сознания и подсознания героя. Нагель всегда искренен, ему чуждо корыстное лицемерие. Его поведение и взгляды противоречивы и идут вразрез с общепринятыми нормами, но это не деланный эпатаж, а суть природы протагониста. Например, он отрицает изначальное, природное равенство людей и говорит об особом предназначении одних и отсутствии любого предназначения у других: «Какой смысл в том, чтобы проповедовать фаустовские взгляды моему доброму соседу Уле Нурдистуэну! <...> Уле Нурдистуэн существует только для того, чтобы удобрять собой землю, это тот солдат, по которому проскакал на своем коне Наполеон» (Г, 221). Слова Нагеля неизбежно пересекаются с высказываниями

Ницше о бесполезности существования обывателей: «Живут слишком многие, и слишком долго висят они на своих сучьях. Пусть же придет буря и стряхнет с дерева все гнилое и червивое» (НЗ, 350). Концепция воли к власти предполагает борьбу за существование, в которой побеждают наиболее сильные, здоровые и благородные индивиды. Именно они, по Ницше, управляют массами и творят историю. Однако эпоха всеобщего равенства дает обывателю возможность влиять на ход развития человечества. Но индивид из массы — это всего лишь либо «плоская копия с великих личностей», либо «оппозиция великим», либо «орудие в руках великих»⁷. В связи с этим Нагель презирает современных общественных лидеров за их ханжество, слепое следование общепризнанным принципам, стремление уравнивать людей и возвеличить массу. Он обрушивается на британского премьер-министра У. Гладстона: «Гладстон — рыцарь неотъемлемых прав, он сражается за то, что уже завоевано <...> Его мораль — самая здоровая и самая непреходящая. Еще бы — он выступает во имя христианства, гуманизма и цивилизации!» (Г, 249–250). Этот политический деятель — глава либеральной партии. Ницше назвал либерализм «обращением в стадных животных» (НС, 818). Похожее мнение выражает и Нагель, его бунт против Гладстона — инстинктивное и бесполезное восстание против большинства и его абсолютной правоты: «И говорю я это лишь затем, чтобы доказать, что Гладстон действительно всегда прав. Но все дело в том, насколько мы еще в состоянии воспринимать истину вообще, не утратили ли мы постепенно эту способность оттого, что нас потчуют такими истинами, которые не могут нас поразить» (Г, 251). Нагель утверждает, что действительно великий человек, который сможет принести дух обновления, не будет искать поддержку у толпы. Массы можно лишь «гнать перед собой, словно стадо ослов, чтобы получить большинство при голосовании», однако дух созидания и творчества толпе недоступен в силу ее пошлости и неизменного конформизма. Схожие мысли наблюдаются и у Ницше — обыватель, «раб», ищущий внешнюю инстанцию для подчинения себя ей, никогда не создаст новой этики, на ней всегда будет лежать отпечаток слабости и вырождения.

Вопрос об истине и морали — ключевой в анализе связей между идеями Ницше и мировоззрением героя Гамсуна. Б. В. Марков отмечал, что основной причиной для беспокойства у Ницше было «превращение человека в стадное животное» как следствие гума-

низации общества⁸. Неизменная правота большинства приводит к умалению действительно высоких и достойных личностей и господству так называемой рабской этики — инстинкта стада и морали слабых, бессильных, торжеству посредственности: «Ибо если силу имеют те моральные ценности, которые лежат в основе оценок, выносимых неполноценными, и тех способов поведения, при которых они защищены, то повышенную ценность получает их собственное вот-бытие, а действительно могущественное и блистательное вот-бытие обесценивается»⁹. Презрение Нагеля распространяется и на толпу, которая создает себе кумиров, подобных Гладстону, так называемых великих людей. Необходимость поклонения кому бы то ни было порождает огромное количество «коммунальных» гениев и умаляет немногие истинные таланты: «О, каким убогим, каким невзыскательным, каким негордым сделали люди мир Божий! <...> В скором будущем каждая община заведет себе великого человека... И земля станет такой великолепно плоской и ровной, что окинуть ее взором будет проще простого» (Г, 407–409). В интерпретации Ницше Г. Брандесом высшее, чего может достичь действительно выдающаяся личность — это «геройское существование», эти люди, рожденные в «весну природы», — вожди и творцы, влияющие на окружающих «скорее всем своим существом, чем своими действиями», «благородные, хорошие в грандиозном стиле, те, в которых живет гений добра»¹⁰.

Примечательно, что, рассуждая о писателях-современниках, роль духовного вождя Нагель отводит не лучшему в художественном плане, а тому, кто не только своим творчеством, но и жизнью стремится нести людям нечто новое, облагородить их, менять сложившиеся устои и утверждать собственные ценности: «Бьернсон — человек, ошеломляющая личность, а не отвлеченное понятие. Да, он живой человек, из плоти и крови, он шумит на нашей грешной земле, и ему нужно в сорок раз больше жизненного пространства, чем простому смертному. Он вовсе не стремится предстать перед людьми как некий сфинкс, не пытается окружить себя величием и таинственностью, как Толстой в своей степи или Ибсен в своем кафе <...> Это — могучий дух, один из немногих, рожденных быть вождем» (Г, 345). Здесь образ Бьернсона созвучен брандесовскому пониманию великой личности у Ницше, которая возвышается над массой и притягивает толпу к себе. Воля к власти у Ницше неразрывно связана с творчеством — «творить и отдавать»¹¹. Именно

«волящий» и есть, по Ницше, великий, стремящийся к установлению собственных ценностей, так как он сам и является «принципом установления ценностей».

Отсюда и нагелевское понимание по-настоящему выдающейся личности: «Самый великий не тот, кто вызывает наибольшее общественное брожение <...> Самый великий тот, кто придает нашему существованию наибольший смысл, кто оставляет наиболее осязаемый след. Все дело в масштабах. Если хотите, великий террорист, величайший из людей, так сказать, рычаг, могущий перевернуть миры...» (Г, 220).

Ницше не раз высказывает мысль об измельчании человека в современном мире: «И Заратустра остановился и задумался. Наконец он сказал с грустью: “Все измельчало!..” <...> Я хожу среди этих людей и дивлюсь: они измельчали и все еще мельчают — и делает это их учение о счастье и добродетели» (НЗ, 326). Чувства, страсти, саму жизнь современный человек сделал посредственными и вульгарными, его бытие разумно и лишено стремления и тайны. Подобно ницшевскому герою смотрит на современника и Нагель. Он сравнивает нынешних норвежцев с их смелыми, жестокими предками — викингами, завоевателями и грабителями чужих земель: «Вот он, истинный норвежец, потомственный хуторянин. ...Уроженец здешних мест, соль земли, с ковригой под мышкой и коровой, плетущейся следом <...> Размотал бы ты, с Божьей помощью, о норвежский викинг, свой красный шарф да вытряхнул бы из него вшей! Но тогда ты погиб бы, ты глотнул бы свежего воздуха и тут же помер <...> Покажите мне хоть одно исключение, скажите, возможно ли оно? Подарите нам, например, хоть одно выдающееся преступление, махровый грех. Я не говорю о мелких, мещанских грешках, нет, я имею в виду такое бесстыдное распутство, от которого бы волосы встали дыбом, кровавое злодеяние, королевский грех, исполненный чудовищной красоты ада! Ах, до чего же все ничтожно!» (Г, 222–223). В своем отношении к преступлению Нагель стоит «по ту сторону добра и зла»: хорошее для него равнозначно великому, сильному, одухотворенному, плохое — это маленькое, обыденно-добродетельное. Как и сверхчеловек Ницше, Нагель утверждает право выдающейся личности на собственную систему ценностей, поскольку все, что присуще сильному, смелому и благородному — хорошо. Все требования морали — это законы, созданные неудачниками, рабами, осуждающими свободную

интерпретации нравственности из-за собственной слабости и зависти к сильным. Мотив измелъчания человека и жажды выдающегося поступка остается актуальным и для более позднего творчества Гамсуна¹².

С имморализмом в Нагеле удивительно сочетается глубокая человечность. Он спасает тонущего — и потешается над собой, он помогает Минутке без снисходительного презрения к городскому юродивому, дает деньги Марте Гудэ, не желая выглядеть благодетелем. Показное сострадание Нагель истолковывает как своего рода эгоизм: «Есть люди, которые не могут не отдавать <...> Они отдают украдкой, торопливо, дрожащими руками, но при этом они испытывают удивительное блаженство, понять которое они сами не могут» (Г, 335). Такая трактовка сопереживания и дарения близка ницшевской: «Если должен я быть сострадательным, все-таки не хочу я называться им; и если я сострадатель, то только издали. Я люблю скрывать свое лицо и убегаю, прежде чем узнать; так советую я делать и вам, друзья мои!» (НЗ, 361). Согласно Ницше, публичное сострадание небескорыстно, а глубокое сочувствие лишь умножает страдание в мире. Для Нагеля взаимоотношения с Минуткой и Мартой — это своего рода утверждение себя в качестве исключительной фигуры. В образе нищего юродивого воплощены все черты ницшевской рабской этики — религиозность, идущая от рождения (сын пастора), смирение, послушание, подчинение авторитетам, самоунижение, «блаженность». Как отмечала в своей статье И. П. Куприянова, в особом внимании, оказываемом главным героем городским отверженным, просматривается сознательное возвышение Нагелем себя и его претензия на роль великой личности¹³.

Нагель не доверяет науке, которая по-своему пытается объяснить жизнь. Будучи равнодушным к традиционной религии, он защищает религиозность, любую веру в человеке: «Кому какая выгода от того, что мы лишаем жизнь всей поэзии, всех грез, всей прекрасной мистики и даже всей лжи?» (Г, 340). Подобно Ницше, Нагель не видит смысла искать истину, сути бытия, которой, возможно, вообще не существует. Только вера в высокие ценности обеспечивает возвышение личности над «стадом» в условиях, когда весь мир подвергается упорядоченности и расчетам и не остается места мистерии бытия. Глубокая натура Нагеля всем своим существом чувствует великую тайну жизни, любви, проникнуть в которую он

не полагает возможным, хотя и ощущает собственную причастность ей. Такие настроения героя созвучны ницшевской концепции дионисийского мировосприятия: опьянению жизнью, слиянию с природой и всем сущим.

Однако понимание бессмысленности жизни порождает желание прекратить собственное существование, покончить с собой. Нагель переживает резкую смену душевных состояний — восторг, умиление, отчаяние, злорадия. В начале романа он испытывает радость от мистериальности мира: «Вот бы очутиться там, в вышине, побродить между светилами и почувствовать, как кометы своими хвостами овевают твой лоб! <...> Он дрожал от радостного возбуждения, забыл обо всем на свете и отдался жгучим солнечным лучам. Он словно опьянел от тишины, ничто не разрушало колдовства этих минут, только откуда-то сверху доносился мелодичный мягкий звук, похожий на шум ветра, — это гудела машина вселенной, это Бог крутил свое колесо. А лес застыл — ничто не шелохнется, ни лист, ни даже иголка на сосне. Нагель сжался в комочек, подтянул к подбородку колени, его бил озноб — так остро он ощущал переполнившую его радость» (Г, 231–232). В заключении, измученный неразделенной любовью к Дагни Хьелланн и неудавшимися отношениями с Мартой Гудэ, непониманием и одиночеством, он говорит: «Я чужой среди людей, и скоро пробьет мой час <...> Разве не всё на свете комедия, шарлатанство, обман? Конечно, всё только обман. Камма, и Минутка, и все люди, и любовь, и сама жизнь — обман: все, что я вижу и слышу, и воспринимаю, — обман, даже синева неба — это озон, яд, вкрадчивый яд...» (Г, 411).

По аналогии с Иисусом Христом — «Иисус, увидев их, сказал им: «Идите за мною, и Я сделаю вас ловцами человеков»¹⁴ — и Нагель, и ницшевский Заратустра являются «ловцами человеческих душ»: «И снова он как бы плыл по небесному океану, закидывая серебряную удочку и напевая. И лодка его из благоуханного дерева, и весла сияют, как белые крылья, и парус — полумесяц голубого шелка» (Г, 231); «...Человеческий мир, человеческое море — в него закидываю я теперь свою золотую удочку и говорю: разверзнься, разверзнься, человеческая бездна, разверзнься и выбрось мне твоих рыб и сверкающих раков! Своей лучшей приманкой приманиваю я сегодня самых удивительных человеческих рыб!» (НЗ, 482). Заратустра зовет людей на вершины, в «Царство Человека», Нагель же проповедует связь человеческой души с природой и космосом.

Трагичность существования протагониста заключается в противоречии и постоянном столкновении его принципов, идей и поступков, хаосе его сознания. Жизнь Нагеля наполнена чувственным постижением мира и бытия, она сродни состоянию «высшей желательности», которое у Ницше свойственно трагическому художнику. Но в отличие от последнего в дионисийском существовании Нагеля нет «воли к жизни и возвращению». Этим обусловлена гибель героя «Мистерий».

Как было отмечено выше, сложно говорить о прямом влиянии на раннее творчество Гамсуна философских воззрений Ницше. Несомненна связь в выражении настроений времени, однако она может быть обусловлена и внешними факторами: молодой писатель очень остро воспринимал современность и процессы, происходившие в культурной атмосфере эпохи. Феномен независимого единого движения мысли однажды даже стал поводом для обвинения начинающего Гамсуна в плагиате, хотя налицо были свидетельства невинности норвежского писателя¹⁵. На наш взгляд, в «Мистериях» отразились не конкретные умозаключения немецкого мыслителя, но идеи времени, духовные настроения рубежа веков, предпосылки для которых были созданы учениями великих философов XIX в., в том числе и Ницше, чье влияние на современную ему и последующие эпохи трудно переоценить.

¹ См. об этом: *Сергеев А. В.* Скандинавский роман конца XIX века и творчество Кнута Гамсуна // Зарубежная литература конца XIX — начала XX века / Под ред. В. М. Толмачева. М., 1991. С. 331–353; *Храповицкая Г. Н.* Норвежская литература // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 8. М., 1994. С. 422–430.

² *Брандес Г.* Фридрих Ницше // Брандес Г. Собр. соч.: В 20 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 316.

³ См. об этом: *Делёз Ж.* Ницше. СПб., 1997. С. 32–33.

⁴ *Хайдеггер М.* Вечное возвращение равного (Лекции 1923–1944 годов) — <http://www.nietzsche.ru/look/hadegger.shtml>

⁵ *Кузьмина Т. А.* «Бог умер»: личная судьба и соблазны секулярной культуры // Фридрих Ницше и философия в России / Отв. ред. Н. В. Мотрошилова. СПб., 1999. С. 133.

⁶ См. об этом: *Hamsun Knut.* Knut Hamsuns brev. Utgitt av Harald S. Næss. Bd 5. Oslo, 1999. S. 216.

⁷ *Брандес Г.* Фридрих Ницше. С. 330.

⁸ См. об этом: *Марков Б. В.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб., 2005. С. 492.

⁹ *Ясперс К.* Ницше. СПб., 2004. С. 220.

¹⁰ *Брандес Г.* Фридрих Ницше. С. 319.

¹¹ Делёз Ж. Ницше. С. 32.

¹² См.: Гамсун К. 1) Странник играет под сурдинку // Гамсун К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 352; 2) Последняя отрада. М., 1994. С. 51–52.

¹³ См. об этом: Куприянова И. П. Кнут Гамсун // Гамсун К. Избранное. Л., 1991. С. 12–13.

¹⁴ Евангелие от Матфея. 4: 12–22.

¹⁵ Речь идет о сходстве мотивов и сюжета в новелле Гамсуна «Азарт» и романе Ф. М. Достоевского «Игрок». Так как «Азарт» появился почти одновременно с выходом романа русского писателя на норвежском языке, Гамсун был обвинен в плагиате, хотя и приводил доказательства того, что замысел новеллы появился много раньше ее публикации. См. об этом: Гамсун Т. Кнут Гамсун — мой отец. М., 1999. С. 109; Будур Н. Гамсун. Мистерия жизни. М., 2008. С. 102.

СОКРАЩЕНИЯ

- Г — Гамсун К. Собрание сочинений: В 6 т. / Отв. ред. М. Климова. Т. 1. М., 1991.
- НЗ — Ницше Ф. Так говорил Заратустра // По ту сторону добра и зла. М., 2002.
- НС — Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Там же.

Natalia Kapralova

NIETZSCHE'S POSTNIHILIST PERSON IN THE EARLY NOVELS OF KNUT HAMSUN

The works of F. Nietzsche became well-known in Europe in the end of the 19th century, after the publication in 1889 of G. Brandes's critical review "Aristocratic Radicalism". Knut Hamsun's second novel, in which the writer depicted the inner life of a modern young man, and how the revision of spiritual values of time affected his soul and destiny, appeared two years later. The author of this article investigates the similarities between the ideas of the German philosopher and the Norwegian writer, and tries to answer the question about whether the influence could take place. The analysis discovers that the similarities are conditioned by the spirit of the times, and have the nature of typological resemblances.

А. В. Коровин

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В НОВЕЛЛАХ ХЕРМАНА БАНГА

В Дании Херман Банг (1857–1912) получил признание в конце XIX в. в первую очередь как блестящий романист, усвоивший опыт национального романтизма и воспринявший идеи, провозглашенные Г. Брандесом, но он пошел дальше, преодолел натурализм и социальный реализм, тяготел к декадансу, вплотную придвинувшись к модернизму, с его стремлением глубоко проникнуть в человеческую психику, исследовать основы личности, хотя сам он причисляет себя к импрессионистам. Сложность писательской манеры Банга была определена самим временем, развитием науки и идейными течениями, находившимися во власти модных теорий, среди которых фрейдизм и ницшеанство занимали не последнее место. Его творчество стало одним из самых ярких явлений в датской литературе, знаменовавшим смену культурных эпох.

Естественно, что деятельность писателя-романиста не могла не найти своего продолжения и в малой прозе, в развитие которой Банг внес немалый вклад. Его перу принадлежит ряд сборников новелл, среди которых «Эксцентрические новеллы» (*Excentriske noveller*, 1890), «Избранные рассказы» (*Udvalgte fortællinger*, 1899), «Жизнь и смерть» (*Liv og død*, 1899), «Вороны» (*Ravnene*, 1902), «Странные рассказы» (*Sælsomme fortællinger*, 1907) и др. О популярности Банга именно как новеллиста говорит в своем эссе о нем норвежский писатель Ю. Борген: «Имя датского поэта Хермана Банга было весьма значительным для предыдущего поколения в

© А. В. Коровин, 2009

Скандинавии. И оно остается таковым поныне, поскольку объединяет круги старших и чуть более молодых интеллектуалов. По его новелле “Четыре дьявола” в свое время было снято несколько фильмов, и она завоевала Европу. Здесь, дома, он наиболее известен как сочинитель новелл и романов “Тине” и “Людвигсбакке”»¹.

Разрабатывая малые прозаические формы, Банг не мог не использовать опыт Х. К. Андерсена и отца датской новеллы С. С. Бликкера, при этом естественно ощутимо влияние и французской традиции, прежде всего новеллистики П. Мериме и Г. де Мопассана, а также писателей-натуралистов, к которым писатель, несомненно, тяготел.

Когда речь заходит о психологизме в новелле и вообще о психологической новелле, мы сталкиваемся с определенными противоречиями, порожденными в первую очередь жанровыми признаками новеллы и самой спецификой компонента, определяемого как «психологизм». Под психологизмом понимается не изображение внутреннего мира героя и не описание его чувств, а наличие анализа чувств, движений души героя и их проявлений. Такой анализ возник в литературе лишь в начале XIX столетия; эпоха романтизма порождает новый тип романа — психологический роман, одним из первых образцов которого становится «Адольф» Б. Константа (1806), где присутствует прежде всего самоанализ. Л. Гинзбург писала: «Анализ открытый и скрытый, прямой и косвенный направлен на загадки поведения, в котором только анализ может разобраться; он направлен на несовпадение между поведением и чувством. Это господствующий метод романа, за которым закрепилось название психологического»². Подобный анализ требует определенного объема, и роман как жанр, претендующий на изображение широкой панорамы действительности, предоставляет полную свободу автору не только в изображении внутреннего мира героя, но и в анализе его мыслей, чувств и поступков, выявлении причинно-следственных связей, исследовании души.

Психологический роман прочно утвердился в литературе благодаря реализму, где изобретенный романтиками аналитический подход был использован для изображения героя в его взаимодействии с окружающей социальной средой; натурализм же ориентировал психологический роман на изображение биологической детерминированности поведения героя. Весь этот опыт активно был использован Бангом, тяготевшим к эстетике декаданса, что и опре-

делило содержание большинства его произведений, хотя сам писатель сознательно отделял себя от традиции психологического романа, предшествующих эпох. В письме Эрику Скраму (1890) он пишет: «Импрессионизм в художественной прозе есть плод полного отрицания “объяснений и размышлений”, присущих психологическому роману <...> Все эти “объяснения” и “размышления” пусты и бесплодны еще и потому, что для изображения нюансов душевной жизни слово не сообщит нам того, что дает наш ограниченный опыт. Поэтому импрессионист сознательно избегает объяснений и размышлений, ведь они для него теряются во мраке»³. Импрессионизм в литературе не становится полноправным направлением или школой, он остается набором авторских приемов подражания действительности, если пользоваться аристотелевской терминологией. У Банга импрессионизм — одно из средств психологического анализа — в данном случае скрытого, который обретает новые очертания. Датский писатель создает свою форму психологического романа, где место описания переживаний и чувств занимает совсем другой способ анализа человеческой психологии: мельчайшие движения души передаются через действие, находят оправдание в этом действии. Сам Банг пишет: «Импрессионист считает, что его опыт в состоянии воспринять лишь отраженную в действии мысль. На этом постоянно продолжающемся действии он как раз и заостряет внимание, предметом изображения становятся у него совершающие какие-либо поступки люди»⁴.

Его первый роман «Безнадежное поколение» (*Håbløse slægter*, 1880) повествует об упадке дворянского рода, о невозможности преломить заданный ход событий, герой гибнет, кончая жизнь самоубийством, в результате глубочайшей рефлексии, понимая, что существование его бессмысленно и бесперспективно именно в силу дурной наследственности. Другой его роман «Людвигсбакке» (*Ludvigsbakke*, 1896), определенный самим автором как «роман-воспоминание», вполне соответствует форме психологического романа, где прошлое становится объектом переживания, и героиня раскрывается через свои воспоминания, которые позволяют ей выжить в безрадостной действительности. События настоящего отнесены на второй план думами об ушедшем.

Жанр романа в целом обращен в прошлое, принцип ретроспекции оказывается не только возможным, но подчас и необходимым, а пространственные рассуждения вполне уместны, и он представляет-

ся единственной литературной формой, где приемы психологизма как таковые могут быть реализованы в полной мере. В противоположность роману новелла — особая литературная форма, весьма распространенная, со множеством конструктивных признаков, главный из которых краткость, собственно делающая ее одним из жанров малой прозы. Одной из ее характерных черт стало описание необычайных событий, выходящих за рамки обыденности. Таким образом, новелла изначально тяготела к изображению действия в настоящем, что не давало возможности обратиться к описанию прошлого, чему способствовала и фрагментарность жанра. Е. М. Мелетинский писал: «Изображая отдельные случаи и удивительные события, новелла и даже тяготеющие к ней предновеллистические формы подаются сознательно как своего рода фрагмент, осколок универсальной картины мира, предполагающий наличие многих других фрагментов, дополняющих, усложняющих, обогащающих картину мира»⁵.

Эта особенность — ориентация на изображение необычайного, а также отрывистость и недосказанность, выстраивание ассоциативного ряда — сделали новеллу в начале XIX в. жанром, отвечающим романтической эстетике и ей присущим. Но это, в свою очередь, становится препятствием для детального анализа, без которого немислим психологизм. Даже если герой изображается в момент наивысшего напряжения всех духовных сил, для анализа, а в романтическом варианте — самоанализа, требуется некая отстраненность, часто временная дистанцированность от описываемых событий, что вполне возможно в романе, но невозможно в новелле, где собственно предметом изображения становится отдельное событие, некий факт современности.

В новелле нет условий для детальной разработки характеров, но часто их место занимают чувства, порой становящиеся собственно предметом изображения. Вот эти чувства и могут стать предметом анализа, а значит — привнесут в новеллу психологизм. В письме, цитированном выше, Банг отмечал: «Вереница мыслей, ткань чувств, в которых пронизательный ум угадывает за описанным действием, — вот что скрыто в содержании импрессионистического произведения. Ценность его в глубине изображения, не высказанного словами»⁶.

Можно сказать, что путь психологическим новеллам Банга проложил Андерсен своими историями, которым присущи многие чер-

ты, характерные для новеллы. В историях мы сталкиваемся с особым способом изображения характера, подобно тому, как это свойственно роману, в том числе и психологическому. Герои в историях помещены в реальный мир, у Андерсена в историях происходит процесс поэтизации обыденности — самые обычные события воспринимаются как исключительные, лежащие вне нормальных жизненных обстоятельств, что наблюдается и в новеллах Банга, где обычное течение жизни оборачивается необычной ситуацией, а самое экстраординарное событие оказывается закономерным продолжением действительности.

В сборник «Эксцентрические новеллы» вошли произведения весьма показательные для творческой манеры Банга и отразившие специфику его психологизма. «Франц Пандер» (Franz Pander) — это рассказ о неудавшейся жизни молодого человека, что само по себе банально как основа сюжета для новеллы. Ситуация, изображаемая Бангом, вполне обычная — юноша недурной наружности с большими амбициями, не обремененный житейским опытом и образованием, мечтает о красивой жизни. История, которая изначально имеет несколько вариантов продолжения, но Банг выбирает не вполне традиционный ход: его герой оказывается не только пленником своего унижительного положения — он официант в гостинице, но и пленником своих представлений о мире, с которыми он не может расстаться.

Исследователь творчества Банга Х. Якобсен писал: «Франц Пандер, действующее лицо и официант, чьи неестественные задатки и подавляемые сексуальные порывы изображаются с оттенком нездоровой чувственности, представлен весьма удачно в новелле. Сентиментальная взбалмошность становится основным, на чем строится его психика, этот герой, покончивший с собой, психологически ненормален. . . »⁷. Писатель стремится разобраться в необычной ситуации, проникнуть в сознание, отличное от сознания других людей. Его герой не становится альфонсом, не преуспевает в жизни и не гибнет от неразделенной любви. Он кончает жизнь самоубийством от осознания самой сути жизни, от осознания собственного падения, а может быть, от невозможности воплощения мечты. И объяснить это лишь психической патологией было бы слишком просто.

Франц влюблялся в богатых и прекрасных дам, останавливавшихся в его отеле, но не столько в дам, сколько в тот мир, кото-

рый был ему недоступен, олицетворением которого они были. Он отвергает горничную Йоханну, принадлежащую к тому же миру, что и сам Франц. Но читатель понимает, что в душе Франца есть нечто, выделяющее его из ряда других людей, нечто, роднящее его с романтическим героем, находящемся в вечной тоске по идеалу, только когда Франц гибнет. Формальной причиной его самоубийства становится, казалось бы, весьма незначительный повод — он проводит ночь с неприличной женщиной. Но для Франца это оказывается крушением мира — он впервые сталкивается с самой жизнью, и это изумляет его. Читатель не ожидает подобного финала, тут Банг выдерживает типичную для новеллы развязку, но причины, подтолкнувшие Франца к самоубийству, становятся предметом для размышления. Банг в этой новелле шаг за шагом подводит нас к пониманию сущности характера своего героя, правда, читатель, может осознать это только в последних строках новеллы, где смерть Франца становится и экстраординарным событием и закономерным финалом его короткой жизни. Меланхолическая интонация в этом произведении напоминает андерсеновскую в историях, где он повествует о горестных судьбах простых людей. Франц уже не кажется примитивным, он создает свой особый мир, который тщательно оберегает, но этот мир оказывается чрезвычайно хрупким, и его разрушение влечет за собой и гибель героя, который не может существовать вне этого мира.

По определению, новеллы насыщены действием и избегают описательности. Еще у романтиков наблюдается отказ от действия во внешнем плане в пользу изображения субъективных ощущений и настроений, невидимых человеку связей вещей. Внутренний мир новелл Банга тоже становится субъективным, и эта субъективность не подчинена уже содержательной стороне, а наоборот — действие оказывается в подчиненном положении. Действие становится следствием некоего переживания, оно выступает инструментом анализа этого переживания, а не действие порождает некие чувства и эмоции, которые и подлежат анализу, что в большей мере соответствует психологизму, присущему роману.

Иллюстрацией этого может послужить знаменитая новелла «Четыре дьявола» (*Les quatre diables*), свое датское название — *De fire Djævle* — она получает только в 1895 г. Источником сюжета послужил, опубликованный в журнале «Нордстыерне» в июле 1886 г. рассказ «*The Angelo-Troupe*», один из многих ему подобных, о ми-

ре циркачей. Банг в присущей ему импрессионистической манере живописует историю воздушных акробатов, где переплетаются любовь, ревность, смерть. Х. Якобсен отмечал: «“Четыре дьявола” — трогательная драма о человеческих страстях и человеческих слабостях, где бессмысленность жизни в конце новеллы являет свою гримасу, становящуюся рефреном: сказано, что люди на самом деле не любят, а, следуя инстинктам, разрушают себя»⁸.

Он изображает жизнь манежа с ее экзотикой, особыми отношениями, т. е. вводит в повествование все элементы, присущие новелле. Этот текст один из самых интенсивных с точки зрения развития действия. Читатель следит за разворачивающейся любовной интригой — один из «дьяволов» Фриц влюблен в знатную даму, но плотская любовь разрушительна для тела гимнаста, ежедневно рискующего жизнью. Гибель Фрица и безответно влюбленной в него Эме становится закономерным и ожидаемым финалом, но мотивировки для подобной гибели лежат в области психологии. То ли это самоубийство, то ли убийство, то ли роковая случайность. И Эме и Фриц подошли к этой черте каждый со своей стороны. Их смерть стала выражением их состояния души, каждый из них пришел к своему концу, поскольку герои не могли выдержать того напряжения, прежде всего психического, в котором вынуждали их находится обстоятельства. Банг шаг за шагом анализирует их внутренний мир, который раскрывается через события, представленные в новелле, но завершенность этот анализ получает только тогда, когда герои гибнут, фактически стремясь к душевной гармонии.

Банг в своих новеллах таким образом выстраивает парадигму чувств, что они уже сами превращаются в предмет изображения, подобно тому, как это происходит в лирике, при этом происходит определенная драматизация новеллистического повествования — действие становится необходимым, но это действие является следствием именно чувств и эмоций героя, а не порождает их. Все содержание новеллы «Ее Высочество» (Hendes højhed) сводится к изображению внутреннего мира принцессы Марии Каролины, поскольку события внешнего мира проходят мимо нее. Они своего рода бледное отражение небогатого, но принадлежащего только ей универсума. Принцесса пытается соприкоснуться с этим миром, войти с ним в контакт, но все эти попытки оказываются неудачными. Еще в детстве она пыталась затеять игру с детьми из приюта, но те испугались только присутствия «Ее Высочества», она пыта-

лась придумать себе любовь, за неимением лучшего выбрала довольно непривлекательного, хотя и талантливого актера Жозефа Кайма, но тот уехал покорять большие города. Мария Каролина окончательно замыкается в себе, а окружающий мир, недоступный и манящий, существует по своим законам, временами напоминая о том, что в нем идет другая, неведомая принцессе жизнь — так от любви гибнет дочь мельника — девятнадцатилетняя девушка, а бытие принцессы продолжается безрадостное и бесцельное. Внешний мир для нее равнозначен природе, он наличествует объективно и независимо от Марии Каролины, которая может лишь за ним наблюдать.

Изображение внутреннего мира женщины, ее переживаний и мировосприятия в этой новелле наиболее показательны. Банг демонстрирует нам глубокое понимание женской психологии, которая анализируется при помощи типичных для писателя импрессионистических приемов. Удача подобного способа изображения героини, по мнению многих исследователей, связана с гомосексуальностью датского писателя, так П. Бьёрбу писал: «Он использовал преимущество описывать и понимать женщин в той степени, в которой нормальный гетеросексуальный писатель не смог бы. Он сам отмечал, что это дает ему великолепную возможность занять позицию, с которой он может описывать оба пола. По мнению самого Банга, исключительный гомосексуалист, такой как он, обладает головой Януса, с помощью которой может изучать и женское, и мужское сознание»⁹.

Многие годы Банг был связан с театром. Театральная проблематика занимает значительное место в его новеллах, куда он привносит элементы, характерные для драмы. Это определяется и типологическим сходством новеллы и драмы. Норвежский писатель Ю. Борген отмечал: «Новелла должна апеллировать к чувствам читателя, а не только нести информацию. И драматическое произведение должно прежде всего апеллировать к чувствам. Вот почему новеллы, как стихи и драмы, в некотором роде очень претенциозны. Эти жанры больше, чем другие, предполагают непосредственное влияние одного сознания на другое»¹⁰. Не удивительно, что психологическая драма появляется примерно тогда, когда и психологическая новелла, когда возникают новые более экономичные средства психологического анализа, поскольку и драма и новелла ориентированы на изображение действия и не приемлют пространных экс-

траполящий и рассуждений — обычного средства психологического анализа в романе. Действие как таковое становится средством анализа, читатель для того, чтобы осознать всю глубину содержания сам должен проникнуть в суть происходящего, осмыслить причины тех или иных поступков героев, тем самым дать им оценку. Без этого психологическая новелла перестает быть таковой, все сводится к изображению некой ситуации, которая часто предстает неинтересной, а иногда и попросту абсурдной.

В поздний период творчества писателя появляется текст «Сильнее всего» (Stærkest), вошедший в сборник «Странные рассказы». В нем представлен мир театра, который Банг знал очень хорошо. Повествование в этой новелле организовано весьма специфично: история смерти молодого актера Кранжье — это рассказ в рассказе, который помещен в своеобразную композиционную рамку: собравшиеся в ресторане друзья делятся необычными историями о свойствах человеческой воли. Эта история последняя и основная, вполне соответствующая новеллистическому повествованию по степени оригинальности, элементу загадочности и необычному финалу, поведена персонажем, не имеющим собственного имени — он именуется то «Господином с Севера» (Herren fra Norden), то «Человеком с Севера» (Manden fra Norden), то «Северянином» (Nordboen). Этот человек ставил спектакли в парижских театрах, и можно предположить, что именно он и есть *alter ego* самого писателя.

Форма повествования напоминает исповедальный психологический роман, где герой анализирует свои поступки и пытается разобраться в собственных мыслях и чувствах, но новелла как жанр не допускает пространных рассуждений, в ней доминирует действие. Основным становится не рассказ о смерти молодого актера, а анатомия души Господина с Севера, который винит себя в этой смерти, именно его психология и составляет главную загадку.

Он инсценирует драму Б. Бьёрнсона «Свыше сил», но не может найти никого подходящего на роль сына пастора Санга Элиаса, тогда к постановке привлекается молодой актер, служивший всеобщим посмешищем. Это по сути жалкий и несчастный юноша, которого Господин с Севера заставляет преобразиться, при этом ощущая, что тем самым убивает его. Во второй части драмы Бьёрнсона Элиас — главный персонаж, погибающий, отстаивая права обездоленных рабочих, в первой же части — это он появляется на сцене всего несколько раз, и всего лишь оттеняет фигуру своего сурово-

го и глубоко верующего отца. Вынудив Кранжье, преодолев себя, гениально сыграть роль, он тем самым обрек его на смерть, — так считает сам Северянин. Это ситуация напоминает вариант романтического перевоплощения на сцене — достаточно вспомнить новеллу Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан», где исполнительница роли Донны Анны гибнет, принимая смерть героини как свою собственную. Сила искусства и степень воздействия постановщика на актера делают свое дело: сыграв свою роль, Кранжье на следующий день умирает от сотрясения мозга.

Объектом исследования становится именно Господин с Севера, который обвиняет себя в смерти молодого человека и утверждает, что совершил это преднамеренно, поскольку знал, что Кранжье умрет, а причиной смерти станет сыгранная им роль. Банг заставляет читателя проделать интеллектуальную работу, проанализировав чувства, мысли и действия Северянина, понять, для чего же он рассказал эту историю. Как и в других произведениях датского писателя, основным приемом психологического анализа становятся действия и слова рассказчика, тут нет рассуждений и комментариев, нет оценки событий, есть только сами события и персонаж, принявший в них участие, а читателю остается лишь проникнуть в душу героя, испытывающего необходимость в исповеди.

Для психологической новеллы Банга характерно изменение отношения между сказанным и недосказанным, между высказанным и подразумеваемым, что проявляется обычно в новелле в виде композиционной фрагментарности. Внешне тексты Банга ее лишены, но в конце новеллы создается ощущение, что при всей цельности повествования отсутствует нечто важное, необходимое для понимания сложившейся ситуации, определяющее необходимость вновь обратиться к началу, чтобы понять психологическую подоплеку произошедшего. Это совершенно особая импрессионистическая фрагментарность, которая подразумевает сначала знакомство с деталями, а потом взору предстает полная картина мира. Можно заключить, что, вопреки заявлениям самого писателя, он стал одним из мастеров психологической прозы, его произведения ознаменовали новый этап развития этого типа литературы.

¹ *Borgen J. Herman Bang — myten og virkeligheten // Borgen om bøker: Norsk og Nordisk. Oslo, 1977. S. 265.*

² *Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1971. С. 300.*

³ Банг Г. Из письма Эрику Скраму // Писатели Скандинавии о литературе. М., 1982. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 6.

⁶ Банг Г. Из письма Эрику Скраму. С. 49.

⁷ Jakobsen H. Herman Bang. Resignationens digter. København, 1957. S. 118.

⁸ Jakobsen H. Den miskendte Herman Bang. Aarene der gik tabt. København, 1961. S. 44.

⁹ Bjørby P. The Prison House of Sexuality: Homosexuality in Herman Bang Scholarship // Scandinavian Studies. 1986. Vol. 58. P. 230.

¹⁰ Борген Ю. Слова, живущие во времени. М., 1988. С. 70.

Andrey Korovin

SPECIFIC OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS IN HERMAN BANG'S SHORT STORIES

The paper focuses on the specific of psychological analysis as an important component of H. Bang's poetics. Danish writer creates a new type of short stories, where actions, thoughts and imaginations become the main means to investigate the human psychology, to analyze hidden matter of circumstances. This type of short stories can be named "psychological short story", and good examples of it are such texts as "Franz Pander", "Les querte diables", "Hendes højhed" and "Stærkest".

О. В. Костанда

НАЗЫВНЫЕ И ЭКСПРЕССИВНО-ОБРАЗНЫЕ МЕТАФОРЫ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия наметилась тенденция разграничивать два основных типа метафоры: когнитивную и образную. Первая из них служит в языке и инструментом, и результатом познания. Когнитивная метафора обозначает то, что в языке другими средствами отобразить невозможно, покрывает лакуны в словаре буквальных наименований. Ее можно рассматривать как разновидность катахрезы — вкладывание новых смыслов в старые слова. Есть, однако, множество метафор, в которых не могут проявиться свойства катахрезы, поскольку для данных понятий уже существуют краткие слова-эквиваленты с буквальным значением. Основная функция образной метафоры заключается в том, чтобы создать зрительное представление об обозначаемом и вызвать эмоционально сильное впечатление о нем, причем сталкивается несовместимое. Образные метафоры обычно оперируют теми средствами, которые с точки зрения логики второстепенны, а иногда и вымышлены. Основное различие между метафорой когнитивной и образной строится на функциональных причинах: первая нацелена на познание, тогда как вторая — на живое представление, видение мира.

В качестве подтипа образной метафоры можно выделить экспрессивно-образную метафору, важная отличительная черта которой эмотивность. По мнению В. Н. Телии, «для экспрессивно-образной метафоры принцип фиктивности слишком рассудочен: в ней совершается принцип подобия — “как бы”»¹. Маркер фиктивно-

сти «как если бы» имеет большое значение лишь при формировании оценочной метафоры, ассоциативно-образно фокусируя добавочные недостатки или достоинства. Оценочная деятельность столь же естественна для сознания, как и познавательная. При этом оценочные коннотации метафор часто сочетаются с аффективностью (экспрессивностью), а потому имеет смысл говорить об экспрессивно-оценочной метафоре. Исходным для оценочного смысла метафоры может быть как определенный оценочный знак, так и нейтральная оценка. Смены знака при метафоризации, как правило, не происходит. Если же в прямом значении выражение не связано с определенным знаком и его оценочный смысл меняется в контексте, естественно, возможны расхождения. С четкими и постоянными оценочными коннотациями связаны, например, метафоры животное-человек. Цель таких метафор — описать черты человека, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации.

Помимо номинативной, образной и экспрессивно-оценочной, метафоры выполняют в языке концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий. Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. Особая роль в этом принадлежит концептуальным метафорам, или, в терминологии Н. Д. Арутюновой, «ключевым метафорам», задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающим более частные метафоры. Такие метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту. Они обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Наиболее полно эта роль метафоры выступает в тех случаях, когда метафора используется для обозначения непредметных сущностей. В таких случаях часто говорят о концептуальной метафоре как об отдельном виде метафор. По словам А. Н. Баранова, «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название “концептуальных метафор”»². К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции: время — это деньги, спор — это война, жизнь — это путешествие и другие. Для многих концеп-

туальных метафор существенно то, что в процессе функционирования в языке происходит постепенное освобождение от образного компонента. В некоторых видах концептуальной метафоры, например, в сфере научной терминологии, на стадии создания термина может иметь место отождествление как отправная точка для рассуждений о природе и свойствах изучаемого предмета. В субстантивной концептуальной метафоре непредметный объект представлен так, как если бы он был предметом другого рода, на основании сходства по ограниченному числу параметров. При этом присутствует осознание фиктивности отождествления различных по своей природе объектов. По словам Е. О. Опариной, «метафорический научный термин способствует рассмотрению исследуемого объекта как аналогии другого. Модель дает возможность строить предположения на основе некоторых известных общих признаков. Такого рода метафоры, основанные на модели и способствующие развитию научной мысли, в наибольшей степени продуцируют знания и являются инструментами познания»³.

В сфере непредметных сущностей, которые получают наименование с помощью концептуальной метафоры, можно выделить следующие группы:

- человеческая сфера, т. е. обозначения эмоций и мыслей, свойственных человеку;
- сфера явлений и процессов общественной жизни;
- научная сфера, т. е. явления и процессы, изучаемые наукой.

Четкое разделение метафор на номинативные, когнитивные, концептуальные, образные и экспрессивно-оценочные крайне затруднительно. Как следует из приведенных выше рассуждений, названные группы часто перекрывают друг друга. Каждая метафора выполняет в языке несколько функций, поэтому в дальнейшем речь пойдет лишь о преобладании той или иной функции, а не о функциональных типах метафоры. Что касается экспрессивно-оценочных метафор, следует заметить, что некоторые лингвисты считают, что значение слова само по себе внеэмоционально, нейтрально. По словам М. М. Бахтина, «эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления в конкретном высказывании»⁴.

Г. Н. Складаревская в своей книге «Метафора в системе языка» предлагает деление языковой метафоры на мотивированную, синкретическую и ассоциативную⁵. В *мотивированной* метафоре при-

сутствует семантический элемент, эксплицитно связывающий метафорическое значение с исходным. *Синкретической* называется метафора, образовавшаяся в результате смешения чувственных восприятий. Простейший вид синкретической метафоры наблюдается в пределах чувственных ощущений. Сознание как бы игнорирует изолированный характер ощущений и языковая система фиксирует подобные смешения: например, зрительное ощущение может подменяться температурным (*kalla färger* ‘холодные тона’). Более сложные сближения происходят за пределами чувственных восприятий — в сферах эмоциональных воздействий (*холодный тон*), психических состояний (*холодная ненависть*), интеллектуальных акций (*холодные рассуждения*), свойств интеллекта (*холодная память*), социальных отношений (*холодный прием*). Наконец, *ассоциативная* метафора занимает ведущее место в лексической системе как в количественном отношении, так и по своему влиянию на системные семантические процессы. Она базируется на способности сознания находить аналогии между любыми объектами действительности. Среди ассоциативных языковых метафор Г. Н. Складаревская выделяет две разновидности: признаковую и психологическую. Такое деление основано на том факте, что ассоциации могут быть разного рода. Одни из них представляют собой некие объективно присущие предмету признаки (или приписываемые ему воображением человека), хорошо известные всем членам языкового коллектива. Другой тип ассоциаций отражает некое общее психологическое впечатление, складывающееся под влиянием сходных воздействий на органы чувств.

Формальный аспект метафоры проявляется на уровне морфологии и синтаксиса. В каждом языке формируются свои словообразовательные средства для создания метафорических номинаций. К таким средствам можно отнести суффиксы, падежные формы, аналитические конструкции с предлогами, транспозицию. Ярким примером может служить так называемая генитивная метафора. Это субстантивное словосочетание с зависимым компонентом — определением, выраженным существительным в родительном падеже. Собственно метафорическое значение связано при этом лишь с главным компонентом, однако полное раскрытие этого значения определяется во взаимодействии его с зависимым компонентом. Использование такого средства в процессе метафоризации характерно и для русского, и для шведского языка.

В своем исследовании об изменениях, происходящих в языке шведских проповедей, Аста Хелена Ярл Керсар говорит о том, что «генитивные метафоры встречаются и в Ветхом Завете, и у святого Павла. Отцы Церкви использовали их в своих проповедях. Однако и в проповедях XX века они встречаются часто»⁶.

В качестве главного компонента могут использоваться: а) конкретные существительные (чаще всего отражающие культуру и повседневную жизнь человека или явления природы): *sanningens väg* ‘путь правды’, *lidandets dalar* ‘долины страданий’, *hoppets källa* ‘источник надежды’; б) абстрактные существительные: *den korsmärkta kärlekens brödraskap* ‘братство отмеченной крестом любви’. В качестве зависимого компонента часто используется имя Бога, Иисуса Христа и Святого Духа: *Guds barn* ‘дети Божьи’, *Hertens hand* ‘рука Господа’. Весьма характерна для языка проповедей комбинация двух определений — выраженного прилагательным и выраженного существительным в родительном падеже — при одном существительном: *Guds öppna famn* ‘открытые объятия Божии’.

В ходе анализа лексического материала, входящего в словари N и NB, выяснилось, что подавляющее большинство имен существительных и прилагательных, образованных путем метафорического переноса наименования, представляет собой метафоры назывные, главная задача которых — дать имя предметам или явлениям, никак не названным в языке. Причем на первом месте оказывается функция когнитивная, т. е. познавательная. Способность сознания отражать в процессе мышления познаваемые стороны действительности, рассматривая их во все новых отношениях и открывая все новые свойства мира, сдерживается в этом случае необходимостью использовать ограниченный объем средств выражения и подчиняется репродуктивному характеру языковой техники. К назывным метафорам относятся, например, слова *scendykning* ‘особый тип поведения на концертах популярной музыки, когда кто-нибудь бросается со сцены в зрительный зал’ (*букв.* ‘ныряние со сцены’), *solhimmel* ‘лампа для солярия, свет от которой падает вертикально сверху’ (*букв.* ‘солнечное небо’), *bromsmedicin* ‘лекарство, смягчающее симптомы и замедляющее развитие неизлечимой болезни’ (*букв.* ‘затормаживающее лекарство’), *bilkyrkogård* ‘свалка автомобилей’ (*букв.* ‘кладбище автомобилей’), *hästsvans* ‘хвост’ (прическа, *букв.* ‘конский хвост’), *kaloririk* ‘калорийный’ (*букв.* ‘богатый калориями’).

В исследовании были проанализированы три шведских романа: «Долгое прощание» Класа Хюлингера, написанный в русле постмодернизма с минимальным использованием традиционных средств выразительности, «Жизнь и приключения госпожи Бьёрк» Юнаса Гарделя, написанный в довольно эмоциональной реалистической манере, и «Та, кем я никогда не была» Майгуль Аксельсон, в котором писательница сочетает мистицизм с острым психологическим анализом. В языке этих произведений подавляющую часть метафор имени представляют собой метафоры языковые, широко используемые языковым коллективом в целом. Например: *Hennes röst var musik för mina öron* 'Ее голос звучал музыкой в моих ушах' (Н, 46); *En japansk turistgrupp har bildat en propp i det trånga utrymmet* 'Группа японских туристов создала пробку в тесном проходе' (G, 127); *Caroline är en trovärdig källa* 'Каролина — надежный источник' (А, 358); *Åhörarna är en mur av mörka kroppar* 'Публика — это стена темных тел' (А, 34).

В романе «Долгое прощание» можно выделить лишь две бесспорные авторские метафоры имени: *Sedan han bestämt sig för att leva som fri författare hade han haft envisa ekonomiska bekymmer* 'С тех пор, как он начал жить жизнью свободного писателя, он испытывал упрямые финансовые трудности' (Н, 40); *... vit rök vällde upp ur glaset, gled ner för sidorna och bredde ut sig över bordets landskap* '... белый дым валит из стаканов, соскальзывал по бокам и расстился над ландшафтом стола' (Н, 47).

К поэтическим метафорам в романе «Жизнь и приключения госпожи Бьёрк» относятся, например, следующие: *Nu är den vattentät — lyckan* 'Теперь оно водонепроницаемо — счастье' (G, 25); *en stilla dammig söndag* 'спокойное пыльное воскресенье' (G, 136).

В романе «Та, кем я никогда не была» авторские метафоры более многочисленны и разнообразны: *Mental storstädning* 'Ментальная генеральная уборка' (А, 16); *Aspens guldmünt daggar* 'Золотые монеты осины дрожат' (А, 214).

Разделение метафор, особенно экспрессивно-образных, на языковые и авторские в определенной степени условное, поскольку многие метафоры находятся на промежуточной стадии — употребленные однажды в качестве средства выразительности конкретным автором, они постепенно закрепляются в языке и входят в общеязыковой набор устойчивых тропов. М. М. Бахтин говорит о единстве активности оценки при создании авторских сравнений и метафор.

Это единство основано на эмоционально-волевом взаимоотношении и сродстве слов. Оно создается не логической мыслью, но чувством оценивающей активности. По словам М. М. Бахтина, «это не предметные необходимые связи, оставляющие чувствующего и волящего субъекта вне себя, не нуждающиеся в нем, но чисто субъективные, нуждающиеся в субъективном единстве чувствующего и волящего человека, связи»⁷. Отвлеченная от чувства связующей и формирующей активности автора, метафора умирает, т. е. перестает быть поэтической (авторской). При этом в качестве просто языковой метафоры она может служить и целям познавательного высказывания.

Говоря о романах Ю. Гарделя и М. Аксельсон, отметим, что некоторые отдельные метафоры не только повторяются на протяжении всего повествования (например, за определенными героями закреплены также определенные метафорические характеристики), но в ряде случаев на их основе авторы выстраивают цепочки рассуждений и описаний. При этом сама метафора может несколько видоизменяться при сохранении лежащего в основе сравнения образа: Hennes föreställning om lyckan var en elektrisk ljusstake i fönstret. . . Men Börje tog ifrån henne adventsljusstaken. . . Så fann hon en ny adventsljusstake hos herr Björk. . . Är adventsljusstaken hos herr Björk ändå inte nog? 'Ее представления о счастье были подсвечником с электрическими свечами на окне. . . Но Бёрье отнял у нее рождественский подсвечник. . . Тогда она нашла новый рождественский подсвечник у господина Бёрка. . . Неужели рождественского подсвечника у господина Бёрка все же недостаточно?' (G, 51–52); Var hennes rötter de brittiska TV-serierna? . . . Hennes rötter är tallarna utanför radhuset i Hässelby. . . Här, jag vill att du ska lära känna mina rötter, skulle hon kunna säga och peka på en tall, den enda sanna rot hon har 'Были ли ее корнями британские телесериалы? . . . Ее корни — это сосны перед зданием ратуши в городе Хэссельбу. . . Вот, я хочу, чтобы ты узнал мои корни, сказала бы она, указывая на сосну, единственный настоящий корень, который у нее есть' (G, 116–117).

В романе М. Аксельсон присутствует эпизодический персонаж — женщина, которую автор на протяжении нескольких страниц называет «женщиной-кошкой» (kattkvinnan). При первом упоминании ей дано следующее описание: Hon har mycket stora ögon. Rådjursögon i ett kattansikte 'У нее очень большие глаза. Глаза

косули на кошачьем лице' (А, 22). Здание правительства Швеции М. Аксельсон называет горой (berget), а премьер-министра — Горным королем (Bergakungen), причем с заглавной буквы: ... men inne i själva berget är det fortfarande mycket tyst... Sedan öppnar hon en hemlig dörr och försvinner djupare in i berget... Bergakungen själv stod leende mitt i gruppen '... но внутри самой горы по-прежнему очень тихо... Затем она открывает потайную дверь и исчезает глубже в горе... Сам Горный король стоял, улыбаясь, посреди группы' (А, 164–167). Метафора, используемая для описания конкретного героя, становится его единственным именем и не требует дальнейших пояснений.

Как уже было сказано, вторая ключевая функция метафоры наряду с когнитивной — образная функция. Она призвана создать зрительное представление об обозначаемом и вызвать такое впечатление о нем, которое может привести к эмоциональной реакции. Исследуемый материал содержит ряд метафор, при возникновении которых экспрессивно-образный аспект играл важную роль. Часто такие метафоры носят также оценочный характер. Как правило, подобные слова и выражения снабжены в словарях дополнительными пометами: skämts. = skämtsamt — шутовское (6 примеров в N, 7 примеров в NB), vard. = vardagligt — разговорное (88 в N, 5 в NB), nedsätt. = nedsättande — уничижительное (12 в N, 5 в NB): Russindisko (skämts.) 'танцы для пожилых людей' (букв. 'изюмная дискотека'), farmarkalsonger (skämts.) 'джинсы' (букв. 'фермерские кальсоны'), grammofonkusk (skämts.) 'диск-жокей' (букв. 'кучер у граммофона'), stenålders (vard.) 'устаревший, старомодный' (букв. 'из каменного века'), elplanka (vard.) 'электргитара' (букв. 'электрическая доска'), kunskapsfabrik (nedsätt.) 'учебное заведение, практикующее методы быстрого, но механического заучивания' (букв. 'фабрика знаний'), bysnille (nedsätt.) 'гений местного значения' (букв. 'деревенский гений'), köptempel (nedsätt.) 'универмаг' (букв. 'торговый храм').

Некоторые понятия, выраженные экспрессивно-оценочными метафорами, уже имели эмоционально нейтральное общепринятое наименование в языке: ideinfarkt 'идейный инфаркт' — full idebrist 'полное отсутствие идей', ryggsäck 'рюкзак' — belastning, börda 'ноша'.

Итак на материале современного шведского языка показана реализация основных задач, которые выполняет метафора:

1) дает наименование понятиям и явлениям, не имеющим собственного языкового выражения (*smärttröskel* 'болевого порога');

2) переносит эмоциональную или оценочную характеристику из одной сферы в другую (*finansvalp* 'молодой человек, быстро увеличивающий прибыль за счет биржевых игр' (букв. 'финансовый щенок'));

3) формирует новые концепты, исходя из уже сформированных понятий, примером могут служить семантические поля с метафорическим значением, создаваемые авторами художественных произведений;

4) создает фундаментальные для нашего мышления стереотипы, так, метафора *kalorigrik* 'калорийный' (букв. 'богатый калориями'), возникшая в конце XX в., строится на гораздо более ранней по времени и универсальной для ряда языков конвенциональной метафоре «богатый — содержащий большое количество чего-либо».

¹ *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 87.

² *Баранов А. Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 76.

³ *Опарина Е. О.* Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 68.

⁴ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 281.

⁵ *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.

⁶ *Kerzar A. H. J.* Gammalt och nytt i predikospråket. Uppsala, 1999. S. 168.

⁷ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 66.

СОКРАЩЕНИЯ

A — *Axelsson Majgull.* Den jag aldrig var. Stockholm, 2004.

G — *Gardell Jonas.* Fru Björks öde och äventyr. Stockholm, 1995.

H — *Hylinger Claes.* Ett långt farväl. Stockholm, 1997.

N — *Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal.* Stockholm, 1986.

NB — *Nyordsboken.* Stockholm, 2000.

Olga Kostanda

CONCEPTUAL AND EXPRESSIVELY-EVALUATIVE METAPHORS IN SWEDISH

There are basic functions of metaphor under consideration which are nominative, figurative, expressively-evaluative and conceptual presented in this article. Two latest vocabulary lists as well as the samples of contemporary

Swedish fiction have been examined to provide this article with necessary examples. Depending on the significance and the appropriate meaningfulness of the considered forms in each definite case these metaphors are divided into certain groups.

Е. В. Краснова

ДАТСКИЕ ПРЕПОЗИТИВНЫЕ МОРФЕМЫ ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Изучение современных словообразовательных процессов на материале одного конкретного языка показывает, что в наши дни многие из актуальных явлений могут практически одновременно возникать в языках, относящихся к разным группам. Развитие единого информационного и культурного пространства в условиях глобализации и освоение средствами массовой информации новых интерактивных возможностей приводят к неуклонному расширению международного лексического фонда. При этом, если прежде можно было говорить лишь о сближении национальных терминологических систем, то сейчас интерлексы постепенно становятся всеобщим достоянием, поскольку относятся к таким важным для современного человека областям, как культура, политика, экономика. Случайная выборка актуальных для современного датского культурного дискурса слов (*exitpoll*, *flashmob*, *hacker*, *informationsteknologi*, *magnetstribе*, *paintball*, *penthouse*, *smartcard*, *surrogatmor*) и последующее сопоставление с соответствующими единицами других языков показывают, что многие из них входят в обширный пласт интернациональной лексики.

В датском языке, где важнейший способ создания новых лексических единиц — словосложение, многие из интерлексов оказываются сложными словами. Кроме «обычных» сложных слов выделяется довольно большая группа образований, содержащих элементы иностранного происхождения (в основном, греко-латинские), статус

которых в датском языке окончательно не установлен. Речь идет о препозитивных морфемах, таких как bio-, multi-, neuro-, termo- (biomultitalent, neurocenter, termopose), и постпрезитивных типа -fil, -nom, -tek (diskofil, farmakonom, legetek). В статье исследуются интернациональные препозитивные морфемы, сфера их использования, статус в языке, семантические изменения и продуктивность.

Сложные слова с рассматриваемыми интерлексемами называют иногда квазикомпозитами¹. Отличительные черты таких единиц следующие: 1) в состав квазикомпозита входит как минимум одна заимствованная корневая морфема, относящаяся к интернациональному фонду; 2) эта корневая морфема — связанная, поскольку не употребляется в свободном виде.

Датские лингвисты по традиции включают подобные морфемы в аффиксы², называя некоторые из них при этом «модными компонентами слов»³. Вместе с тем очевидно, что некоторые из этих интернациональных элементов могут относиться к чистому сложению или к пограничной сфере⁴.

Простота членения подобных образований на составляющие компоненты, прозрачное, «лежащее на поверхности» конкретное семантическое наполнение таких элементов, как bio-, multi-, neuro-, termo-, а также частая повторяемость в составе сложных слов (как это свойственно многим частотным компонентам в современном датском языке) заставляет воспринимать составляющие таких слов как два — если и не структурно однородных — то, во всяком случае, равноправных компонента. При этом входящие в них компоненты отчетливо ассоциируются с самостоятельными словами.

Вместе с тем, если подходить с формальной точки зрения, то поскольку элементы bio-, multi-, neuro-, termo- не употребляются отдельно, вне сочетания с другими корнями, то они неизбежно являются связанными, а следовательно, не могут претендовать на роль равноправного корня в составе сложного слова и должны быть отнесены к разряду аффиксов. Однако, с нашей точки зрения, греко-латинские элементы в современном датском языке претерпели за последние десятилетия ряд изменений, и в результате эта группа оказалась чрезвычайно неоднородной, поэтому и вопрос о статусе этих элементов следует решать отдельно в каждом конкретном случае.

Единственное исследование, в котором затрагивается проблема

определения статуса таких интернациональных элементов в датском языке, — книга П. Ярвад «Новые слова — почему и как?»⁵. Автор разрабатывает свою терминологию, выделяя как криптокомпози́ты и криптокорни, так и скрытые дериваты и скрытые аффиксы. Несомненное достоинство представленной классификации — дифференцированный подход к иноязычным элементам и понимание их словообразовательной неравнозначности. Вместе с тем трудно согласиться с трактовкой отдельных пограничных элементов, в частности отнесением ряда частотных компонентов к группе скрытых аффиксов (*budget-*, *fritids-*, *-kult*). Что касается препозитивных иностранных элементов, то в списке, представленном автором, к сожалению, отсутствуют многие частотные и продуктивные единицы.

Поскольку в ряде языков мы наблюдаем параллельные явления в той сфере словообразования, где задействованы элементы международного фонда, то, по мнению некоторых лингвистов, можно говорить о некоем общем, едином для многих языков, фонде словообразовательных морфем⁶. Очевидно, что признавать существование такого единого словообразовательного фонда можно лишь с оговоркой, что он — при наличии какого-то общего для многих языков ядра — неизбежно должен различаться находящимися на периферии элементами, ведь какие-то из них, будучи актуальными для одних языков, могут оказаться менее продуктивными для других, или вообще не использоваться. Причинами таких различий могут быть как экстралингвистические, так и лингвистические факторы. Так, используемая в ряде языков морфема *helio-* практически не встречается в датском языке (за исключением трех слов: *heliocentrisk*, *heliostat*, *heliotrap*). Для передачи этого смысла используется первый компонент *sol-*, входящий в состав ряда сложных слов, при этом соответствующие понятия в других языках могут включать *helio-* в качестве первого компонента (ср. дат. *solterapi*, *solcelle*).

Необходимость детального изучения подобных элементов в разных языках обусловлена не только различиями в их словообразовательном потенциале и продуктивности, но и их семантической неоднородностью в разных языках, связанной с развитием омонимии. Кроме этого, группа таких иностранных компонентов чрезвычайно динамична: одни морфемы за небольшой период времени могут потерять свою актуальность, а другие при этом могут выйти на первый план.

Сопоставление связанных компонентов иностранного происхождения, приведенных в «Истории датского языка» П. Скаутрупа⁷ и в книге «Современный датский язык» О. Хансена⁸ со словарными статьями последнего толкового словаря датского языка⁹, позволяет выделить ряд актуальных морфем, не зарегистрированных до настоящего времени грамматиками: аео- (в основном, в заимствованных словах), афо-, аква- (в основном, в заимствованных словах), астро- (в основном, в заимствованных словах), ауто- (часто в заимствованных словах), електро-, этно-, еуро-, фото-, гига- (в основном, в заимствованных словах), homo-, кемо-, комби-, мега-, макро-, махи-, папо-, нео-, пеуго-, орто- (в основном, в заимствованных словах), ралæо- (в основном, в заимствованных словах), прото- (только в заимствованных словах), псуко-, ретро-, социо-, стерео-, текно-, термо-, уни-, øко.

При этом анализ базы данных Датского общества языка и литературы¹⁰, а также материалов газет и журналов позволяют утверждать, что ряд непродуктивных во времена П. Скаутрупа интернациональных компонентов можно сейчас отнести к продуктивным, в частности, следующие: би-, био-, интер-, крипто-, микро-, multi-, пост-, прае-, ге-, транс-.

Вместе с тем некоторые из включенных П. Скаутрупом в группу продуктивных префиксов встречаются в настоящее время лишь в составе заимствованных слов и в отдельных окказионализмах, например, kvasi — элемент со значением ложности, мнимости (kvasi-filosofisk, kvasividenskabelig, kvasimonopol). Близкий ему по значению элемент pseudo- имеет значительно меньше семантических ограничений и почти полностью вытеснил элемент kvasi-, участвуя в создании множества образований, как зафиксированных словарями, так и окказиональных. Элемент kontra- (со значением противоположности), который П. Скаутруп относит к продуктивным, также демонстрирует ряд семантических ограничений и оказывается вытесненным синонимичным датским префиксом mod-, оставаясь лишь частью заимствованных слов.

Исследование базы данных Датского общества языка и литературы, а также материалов интернет-версий газет и различных текстов, доступных благодаря Интернету, позволяет выделить новые актуальные для датского языка интернациональные элементы, являющиеся частью международного словообразовательного фонда: аку- (akuklinik, akupunktur), dendro- (dendrokronologi), discount-

(discountbutik), ekspres- (ekspreslån), fleks- (fleksjob), fysio- (fysioklinik), galla- (gallaaften), gastro- (gastroproblemer), geronto- (gerontofdeling), kosmo- (kosmobiologisk), omni- (omnipotens), turbo- (turbotid), vibro- (vibromassage). Элементы эти неоднородны в отношении своего статуса. Если discount, galla и turbo — это свободные корни, то остальные связанные, при этом такие элементы, как aku и geronto, которые демонстрируют тенденцию к использованию в качестве самостоятельных слов, можно отнести к пограничным элементам.

В общей сложности исследованный материал содержит 97 инициальных компонентов, относящихся к международному лексическому фонду. Многие из этих морфем характеризуются чрезвычайно высокой словообразовательной активностью. Большая часть образованных с этими элементами слов представляет собой открытый ряд, который постоянно пополняется новыми окказиональными образованиями.

Начальные компоненты интернационального характера могут выражать значения:

- 1) пространственно-временные (inter-, para-, præ-, post-, sub-, trans-);
- 2) отрицания понятия, выраженного основой (dis-, in-, non-);
- 3) противоположной направленности (anti-, kontra-);
- 4) ложности, сомнительности, мнимости (kvasi-, pseudo-);
- 5) количественное значение и уменьшительно-увеличительное (hemi-, hyper-, hypo-, makro-, maxi-, mega-, mikro-, milli-, mini-, mono-, multi-, nano-, semi-, uni-);
- 6) интенсивности (hyper-, mega-, super-, ultra-, ærke-).

Среди остальных префиксов, не входящих в тематические группы, следует выделить наиболее продуктивные: bio- (значение, связанное с живыми организмами, жизнью человека), eks- (значение утраты прежнего положения при основах существительных), etno- (значение этнической принадлежности), ерго- (связанный с Европой, европейским сотрудничеством), fleks- (связанный с гибким графиком работы), kombi- (значение сочетания различных элементов), кгурто- (скрытое состояние или действие), невро- (связанный с нервной системой), рап- (значение всеобщности), рсуко- (связанный с психикой), retro- (движение назад), socio- (относящийся к обществу или общественной жизни), tekно- (относящийся к (передовой) технике), tele- (значение действия на расстоянии), termo- (связанный

с температурой и теплом), *vice-* (значение 2-го лица по должности, званию), *øko-* (связанный с взаимоотношениями живой и неживой природы).

Приведенные примеры — это лишь основные, исходные значения интернациональных элементов. Характерная особенность многих из греко-латинских элементов на современном этапе — развитие полисемии. Покинув терминологическую сферу, такие единицы легко приобретают новые значения. Например, элемент *termo-* кроме первого значения приобрел второе значение «сделанный из термоизолирующего материала» (*termopose, termosokker*), а элемент *øko-* приобрел дополнительное значение «произведенный с учетом необходимости сохранения природного баланса» (*økomælk, økokød*). Практически каждый из частотных препозитивных компонентов греко-латинского происхождения приобрел за последние десятилетия одно или два дополнительных значения.

На примере некоторых из препозитивных морфем можно наблюдать процесс лексикализации в тех случаях, когда эти элементы начинают употребляться в качестве самостоятельных слов: *eksmand, ekskone* → *eks*, *heteroseksuel* → *hetero*, *homofil, homoseksuel* → *homo*, *retrospektiv* → *retro*, *superbenzin* → *super*, *stereoanlæg* → *stereo*. Приведенные примеры относятся к кодифицированным, но в разговорной речи прослеживается отчетливая тенденция к самостоятельному употреблению ряда морфем: *afro, etno, nano, pseudo, psyko, ultra, turbo, øko*. В одном случае было зарегистрировано образование глагола на основе сложного слова: *flekstid, fleksjob* → *flekse*.

Очевидно, что в ряде случаев препозитивный элемент возник в результате усечения, став репрезентацией первоначальной лексической единицы: *biologisk* → *bio*, *europæisk* → *euro*, *geografi, geologi* → *geo*, *information* → *info*, *kombination, kombineret* → *kombi*, *sociologisk* → *socio*, *teknologisk* → *tekno (techno)*, *økologisk* → *øko*. В отдельных случаях можно говорить о стяжении, когда сочетание прилагательного и существительного превращается в сложное слово с первым иностранным элементом: *et biologisk barn* → *et biobarn*.

В анализируемом материале можно выделить несколько популярных в неформальном общении элементов, выступающих в роли усилительной частицы. Во-первых, это морфема *super-*, используемая для выражения:

- 1) нахождения сверху или за пределами чего-либо при основах

существительных, глаголов и прилагательных (superego, supervisere, superpersonisk);

2) необычайных размеров, высокой или высшей степени качества, усиленного эффекта действия при основах существительных (supermarket, supersælger, supertalent);

3) усилительного значения при основах качественных прилагательных (superflot, superfrisk, supergod).

Во-вторых, усилительный элемент mega- со значением:

1) увеличения в миллион раз какой-либо единицы измерения (megabit);

2) чего-то необычайных размеров, высокой или высшей степени качества, усиленного эффекта действия при основах существительных (megaorgave, megaproblem, megaprojekt, megatillbud).

В-третьих, усилительное значение mega- при основах качественных прилагательных (megalækker, megastor, megaflot), однако количество окказиональных усилительных образований «mega + качественное прилагательное» значительно меньше, чем аналогичных усилительных с элементом super-.

Еще менее частотна морфема hyper-, у которой можно выделить значения:

1) превышение нормы (hyperinflation, hyperventilere);

2) усилительное значение при качественных прилагательных (hyperfarlig, hypermoderne).

Однако количество усилительных образований с элементом super в десятки раз превосходит количество подобных образований с морфемой hyper-.

Элементы super- и mega- послужили основой для создания новых прилагательных: super — со значением «необыкновенно хороший, красивый, интересный и т. п.» (et supert forhold), mega — со значением «необычайных размеров, высокой или высшей степени качества» (Hotellet har en mega pool.)

Активные процессы взаимозаимствований и создания новых слов, новых наименований с использованием интернациональных компонентов происходят сейчас во многих языках. Большинство из этих компонентов демонстрирует значительную структурную и семантическую самостоятельность, в том числе и на материале русского языка: *нанопродукт, наноразработки, наносектор; псевдоинтеллектуал, псевдодневник, псевдоориентация*. Поэтому актуальный вопрос о том, являются ли подобные слова фактами синхронно-

го словообразования или заимствованиями из других языков, нельзя решать одновременно для всех таких элементов. Очевидно, что иностранные компоненты различаются в отношении своих словообразовательных возможностей. Но в целом в датском языке, где распространено сложение основ, мы в отличие от русского языка чаще имеем дело с фактами синхронного словообразования. На примере большинства препозитивных элементов греко-латинского происхождения можно наблюдать, как после первоначального заимствования ряда терминов, отдельные элементы этих терминов начинают участвовать в образованиях по аналогии, создавая регулярные модели соотношения производящих компонентов с датскими основами.

Как следствие этого полученная единица перестает быть связанным элементом иностранного происхождения, поскольку начинает выступать в качестве свободного корня и служит основой для создания ряда новых слов, а в некоторых случаях и приобретает дополнительное значение.

Еще полвека назад употребление элементов латинского и греческого происхождения было ограничено специальными терминологическими сферами. Однако постепенно слова с этими элементами из периферийной специальной сферы перешли в центральную, и теперь компоненты интернационального характера проникли во все сферы жизни.

¹ Клубуков Е. В., Гудилова С. В. Языковая специфика непроизводных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. С. 12–25.

² Hansen A. Moderne dansk. København, 1967; Skautrup P. Det danske sprogs historie. Bd 4. København, 1968.

³ Danish: A Comprehensive Grammar. London; New York, 1955.

⁴ На материале других языков подобные компоненты относят, как правило, либо к чистому сложению, либо к префиксальному способу словообразования, либо к переходному типу, называя их радикаоидами, полупрефиксами или полусуффиксами. См., напр.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М., 1979; Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1998.

⁵ Jarvad P. Nye ord — hvorfor og hvordan? København, 1995.

⁶ Крысин Л. П. Об интернационализации фонда словообразовательных морфем // Современное русское языкознание и лингводидактика. Вып. 2: Сб. науч. трудов, посвящ. 85-летию со дня рожд. акад. Н. М. Шанского. М., 2007. С. 69–72.

⁷ Skautrup P. Det danske sprogs historie. Bd 4. S. 248–253.

⁸ Hansen A. Moderne dansk. S. 250–252, 447–451.

⁹ Den danske ordbog. København, 2005.

¹⁰ http://korpus.dsl.dk/korpus2000/indgang_til_korpusdk.php

Elena Krasnova

DANISH PREPOSITIVE MORPHEMES OF GREEK AND LATIN ORIGIN IN
DANISH LANGUAGE

In the article based on the Danish language material compounds have been studied with elements of Greek and Latin origin belonging to the international word-forming fund. The structure of these morphemes in the modern Danish is defined, as well as the area of usage, status in the language, semantic changes, and productivity.

Э. Б. Крылова

СТАТУС МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ ДАТСКОГО ЯЗЫКА И ПОРЯДОК ИХ СЛЕДОВАНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Одна из проблем исследования модальных частиц — проблема их статуса и выработки критериев их отграничения от модальных слов. Модальные слова, как и модальные частицы, относятся к средствам пропозициональной установки говорящего и выражают различные виды субъективно-модальных значений: эпистемической модальности (достоверно / недостоверно), аксиологической модальности (хорошо / плохо, желательно / нежелательно) и адмиративной модальности (ожидаемо / неожиданно). Семантика большинства модальных средств относится к кругу значений эпистемической модальности, под которой понимается отношение говорящего к содержанию пропозиции с точки зрения ее достоверности и степени своей ответственности за нее¹.

Модальные слова и модальные частицы эпистемической модальности объединяет то, что они выражают отношение говорящего к высказыванию, занимают одни и те же позиции в структуре предложения, могут изменять эпистемическую модальность всей пропозиции. В связи с этим большинство датских исследователей традиционно рассматривают их как один класс эпистемических показателей². Однако мы склонны выделять датские модальные частицы в особый разряд эпистемических операторов по следующим причинам.

Во-первых, *модальные частицы не имеют своей лексической семантики*, их прагматическое значение обусловлено контекстом,

© Э. Б. Крылова, 2009

а прагмасемантический инвариант абстрактен и отличен от лексического значения наречий, от которых большинство из них образовано. Модальные слова, в свою очередь, сохраняют свою семантику в различных контекстах, она выводима из лексической семантики слов, от которых они образованы; ср.: Det er *vel* forbudt at snakke her ‘Здесь, наверно, запрещено разговаривать’ — Er det *vel* forbudt at snakke her? ‘Разве здесь запрещено разговаривать?’; Måske er det min skyld ‘Может, это моя вина’ — Er det måske min skyld? ‘Может (=разве), это моя вина?’

Во-вторых, *безударная позиция модальных частиц прототипическая* и служит одним из отличительных признаков, отграничивающих частицы от омонимичных им наречий; ср.: Han talte *nok* med Peter ‘Он, скорее всего, говорил с Петером’ — Han talte ‘nok med Peter ‘Он достаточно говорил с Петером’; Mødet er *vel* ‘forberedt ‘Встреча, наверно, подготовлена’ — Mødet er ‘vel forberedt ‘Встреча хорошо подготовлена’.

Ударные варианты некоторых модальных частиц употребляются говорящим только в определенных позициях, чтобы воздействовать на слушающего и подтвердить эпистемическую оценку пропозиции: Jeg skal *nok* ringe til ham ‘Я обязательно позвоню ему’ — *Nok* var hun ingen årsunge længere, men hun var sikker på at naboen med glæde ville have hjulpet hende.

В-третьих, *модальные частицы не могут выступать в качестве ответных реплик*, тогда как модальные слова могут; ср.: Tror du, han kan køre bil? — Næppe / måske / sikkert / naturligvis. — Tror du, han kan køre bil? — *Da / *Jo / *Nok / *Vel / *Vist.

На аналогичную особенность не употребляться в функции ответных реплик русских *правда сказать, верно, чего доброго* обращают внимание в своих работах Ю. Д. Апресян, И. М. Кобозева, А. Н. Баранов³.

Т. Е. Янко объясняет это явление тем, что безударные показатели «предположительной модальности» не могут выступать в роли верификативных рем (в ответ на *да/нет*-вопрос), в силу своей безударности они могут выступать только в роли парентез⁴.

В-четвертых, *частицы могут употребляться в сочетании с другими эпистемическими операторами*, тогда как модальные слова не могут подкреплять друг друга; ср: Den er *jo dog* blot et fnug, som man let overser. — НО: *Hun er måske formodentlig rask igen.

Приведенные критерии позволяют определить статус модальных частиц как особых средств пропозициональной установки говорящего и отграничить их от модальных слов.

В связи с возможностью модальных частиц датского языка употребляться в сочетании друг с другом, возникает вопрос о порядке их следования в предложении. Эта проблема интересовала всех лингвистов, кто занимался изучением особенностей функционирования модальных частиц в речи датчан⁵. Однако принципов, определяющих местоположение частиц относительно друг друга, выявлено не было. Проведенный нами функционально-семантический анализ датских модальных частиц позволяет выявить такие принципы и объяснить логику взаиморасположения частиц в структуре предложения.

Согласно определению эпистемической модальности нами выделено три типа эпистемических значений: *фактическая модальность*, *проблематическая модальность* и *афирмативная модальность*.

1. В случае возникновения проблемы оценки достоверности высказывания в субъективном мире говорящего из-за полного или частичного отсутствия у него информации об объективном мире действительности, говорящий, чтобы оправдать перед слушающим введение недостоверной информации, использует такие средства проблематической модальности, как модальные частицы *nok*, *vel* и *vist*: *Hvornår omtrent var det? — <... > Jeg kom hjem ved ellevetiden, og jeg kan huske, jeg var i nattøj, så den var nok halvtolv; Deres mand er vel ude med lokomotivet, kan jeg tænke; Han kunne vist se det på mig.*

Сравнительный анализ модальных частиц проблематической модальности позволил дать функционально-семантическое описание каждой из них и отнести *nok* к гипотетическим конклюдивам 1-го лица, так как за выдвигаемое говорящим гипотетическое умозаключение несет ответственность только он сам. Модальная частица *vel* — это гипотетический экспликатив 2-го лица, так как предлагаемая говорящим гипотетическая оценка сложившейся ситуации предполагает ее подтверждение слушающим, т. е. и его ответственность за достоверность пропозиции. Модальная частица *vist* относится нами к косвенным эвиденциалам 3-го лица, так как выражает значение неуверенности говорящего в достоверности пропозиции. Используя *vist*, говорящий отсылает слушающего к некоему источ-

нику объективной действительности, а значит к кому-то третьему, кто может подтвердить достоверность вводимой частицей пропозиции. Выявленные различия в функционально-семантической характеристике модальных частиц проблематической достоверности подтверждают своеобразный эпистемический закон дискурса: если говорящий (1-е лицо) не берет на себя эпистемической ответственности за достоверность пропозиции и нет кого-нибудь третьего (3-е лицо), кто может взять ее на себя, то говорящий возлагает эту ответственность на собеседника (2-е лицо)⁶.

Такая нацеленность говорящего на одного из участников коммуникативной модели при выборе средств проблематической модальности позволяет объяснить порядок их следования в контактной позиции в предложении. Эпистемическое значение гипотетического умозаключения говорящего, выражаемое частицей *nok*, делает возможным ее употребление в постпозиции к модальным частицам *vel* и *vist*: *vel nok* и *vist nok*, которые в результате образовали сложные частицы *velnok* и *vistnok*, уже зафиксированные в датских словарях и электронных корпусах; ср.:

Vi forskere er begyndt at bebrejde os selv, at vi har været for tilbageholdende, da loven blev debatteret. En af grundene var *vel nok*, at vi simpelthen ikke troede, man ville indføre den lov; 30-årige er ikke så tit på besøg, men det har *velnok* sin naturlige forklaring; Hans kæreste var *vist nok* ude at rejse; Den påkørte kvinde havde ikke den fjerneste anelse om, hvad det var for en bil, der havde ramt hende. Den var *vistnok* blå.

Таким образом, порядок следования модальных частиц проблематической модальности следующий: *vel* (2-е лицо), *nok* (1-е лицо); *vist* (3-е лицо), *nok* (1-е лицо). Сочетания частиц 2-го и 3-го лица невозможно из-за несовместимости их эпистемической семантики: говорящий не может сигнализировать слушающему, что у него нет никакой информации о ситуации, и одновременно указывать на наличие ее источника.

2. В случае возникновения, с точки зрения говорящего, проблемы оценки достоверности высказывания в субъективном мире слушающего, говорящий использует специальные средства афирмативной модальности, с помощью которых воздействует на партнера, пытаясь преодолеть его незнание, сомнение, неуверенность, т. е. повлиять на его субъективный мир. Такими средствами будут модальные частицы *da*, *jo* (два варианта), *dog*, *nu*.

Необходимость подтверждения своей оценки достоверности высказывания возникает у говорящего в тех случаях, когда у слушающего может быть иная точка зрения по обсуждаемому вопросу (*da*); когда говорящий пытается обосновать правомерность собственного утверждения общим для обоих коммуникантов знанием (*jo*); когда говорящий представляет как достоверную информацию, противоречащую его собственным утверждениям (*dog*), утверждениям собеседника (*jo*), утверждениям третьих лиц (*nu*).

Используя афирмативный конклюдив *da*, говорящий делает умозаключение, что вводимая частицей пропозиция отведет сомнения слушающего в достоверности информации или той оценки ее достоверности, которую он эксплицирует. При этом говорящий берет на себя ответственность за содержание пропозиции, что позволяет ему использовать *da*, даже не имея достоверного знания о действительности. Это делает возможным употребление афирмативного конклюдива 1-го лица *da* в сочетании с модальными частицами проблематической модальности *nok*, *vel* и *vist*: *Det er da nok den dårligste dag i mit liv*; *Jeg har da vel krav på at kunne være i mit eget hjem*; *Den trøje bliver da vist for lille til dig*.

Функциональная направленность частицы *da* на субъективный мир слушающего определяет ее препозицию по отношению к частицам проблематической модальности.

Применение говорящим частицы *jo* свидетельствует о наличии общего для обоих партнеров знания, важного для обоснования анафорического или катафорического утверждения говорящего: *Da insulin jo er et stærktvirkende hormon, er det vigtigt hverken at få for meget eller for lidt*.

Основная коммуникативная функция афирматива *jo* заключается в том, что говорящий пытается подтвердить достоверность пропозиции путем привлечения самого слушающего в качестве гаранта ее достоверности: «*ты, как и я, знаешь/понимаешь, что...*». Такой афирмативный экспликатив 2-го лица, как и частица *da*, может стоять в препозиции к операторам проблематической модальности. Так, сочетание частиц *jo*, *nok* возможно при употреблении их в футуральном контексте, характерном для гипотетического конклюдива *nok*, тогда как *jo* при этом апеллирует к имеющимся у слушающего знаниям и опыту: *J. K. Hansen sagde, at vi skal ikke have nogen fast forbindelse over Østersøen. Men også det vil jo nok vise sig at være en spådom, som ikke holder*.

В сочетании *jo vel* частица *jo* отсылает к информации, уже известной слушающему из предыдущих высказываний говорящего: *Hvorfor de vil gøre det, det tror jeg ikke, vi får at vide her i aften. Som jeg tidligere har konstateret, så handler dette jo vel dybest set om den magt, som nogle af disse mennesker tror, de har kunnet tilegne sig.*

Сочетание афирматива *jo* с сочетанием частиц *vel nok* проблематической модальности тоже возможно: *Ja, det er jo vel nok ingens skyld.*

Отсутствие примеров употребления сочетания частиц *jo vist* можно объяснить невозможностью воздействовать на субъективный мир слушающего, свидетельствуя о наличии общего для обоих партнеров знания и эксплицируя при этом свою неуверенность в достоверности пропозиции.

Афирмативный экспликатив 2-го лица *jo* стоит в препозиции не только к частицам проблематической модальности, но и к афирмативному конклюдиву 1-го лица *da*. Здесь, как и в случае с частицами проблематической модальности, действует принцип препозиции частиц, ориентированных на слушающего (афирмативы) и относящихся ко 2-му лицу (экспликативы): *Det måtte jo da i hvert fald være et navn foruden mors på min dåbsattest. Min fars navn.*

Как уже отмечалось выше, говорящий также использует афирмативные средства, когда представляет достоверную информацию, противоречащую его предшествующим утверждениям (*dog*), утверждениям собеседника (*jo*), утверждениям третьих лиц (*nu*). Все они могут быть отнесены к эвиденциалам, так как отсылают к источникам реальной действительности, которая, по оценкам говорящего, не соответствует тому, что ранее сказал он сам, его собеседник или кто-то третий. Правомерность использования таких эвиденциалов в афирмативной функции объясняется необходимостью воздействовать на слушающего, которому сложно оценить достоверность данного высказывания, так как имеющаяся у него информация от говорящего, кого-то третьего или самого слушающего не соответствует вводимой в данный момент. Эти частицы имеют анафорико-катафорическую коммуникативную функцию.

Оценочное несоответствие вводимой *dog* информации тому, что говорящий только что сказал, позволяет употреблять *dog* в сочетании со всеми модальными экспликаторами проблематической достоверности: *Det er en gammel historie, men den forbliver dog stedse nu; Han siger også, at kontoret allerede nu gerne vil have meldinger*

fra kommuner <...> Selve arbejdet går *dog nok* først i gang efter sommerferien; Sundhedskollegiet svarede vredt, at læger og jurister fra eksamensbordet havde den samme administrative erfaring og viden, nemlig ingen. Hvis blot en læge prøvede administrationen, “da er der *dog vel* ingen grund til at betvivle, at han snart vil kunne erhverve sig en lignende forretningsdygtighed som juristen”; Den lille rhesusabe der stirrede os i møde fra Politikens forside sidste lørdag så ærlig talt lidt bekymret ud i sit gammelkloge ansigt. Det er *dog vist* et udtryk, den slags aber altid har; Da en ung kvinde fra byen Vukovar i Kroatien for kort tid siden <...> stod ved et stort bart jordstykke, kommenterede gæsterne høfligt, at det *dog vel nok* var en stor og pæn mark. Sådan så det ud, men virkeligheden skulle have været helt anderledes; DE er i Danmark også omtalt i pressen, når der foregår “bande-krige” mellem de enkelte grupper. En af grupperne flyttede ind i Christiania, hvor de *dog vistnok* i dag er mindre velsete.

Функциональная семантика *dog* не сочетается с семантикой афfirmативного конклюдива *da* (1-е лицо), но допускает употребление его сочетания с афfirmативным экспликативом *jo* (2-е лицо), который как средство, направленное на слушающего, стоит перед *dog*: Mon det ej ville være at ønske, at blot én duelig skarpretter eksisterede i landet i stedet for nu de flere. Eksekutionerne er *jo dog* til held sjældne, og den enkelte eksekutor kunne *dog* altid nogenlunde blive i øvelsen.

Примеров употребления *jo, dog* с частицами проблематической модальности выявлено не было.

Модальная частица *jo*, имеющая значение оценочного несоответствия достоверной информации только что сказанному слушающим, совпадает по месту в предложении с афfirmативным экспликативом 2-го лица *jo* во всех случаях, кроме сочетания с афfirmативным конклюдивом 1-го лица *da*. Частица *da*, обычно стоящая после афfirmативного экспликатива 2-го лица *jo* (см. выше), находится в этом сочетании перед вторым вариантом *jo* со значением оценочного несоответствия достоверной информации тому, что сказал слушающий: Derefter var han gået ind i kontormaskiner, og han havde været så heldig, det troede han *da jo*, heldig! — at få hovedagenturet for en ny dansk PC'er.

Модальная частица *nu*, подтверждающая достоверность информации, отличной от сказанного кем-то третьим, также может сочетаться с частицами проблематической модальности *nok* и *vist*, ко-

торые, как и в предыдущих случаях, следуют после афирмативов: Mine bedste ting, mine bedste ting — hvad mon han mente? Lige straks tænkte Fanny på sine fine røde balsko med sløjfer. Men det var *nu nok* ikke “de bedste ting” til sådan en tur; Det er en misforståelse, at uglen tuder uhyggeligt. Det er *nu vist* for en del, fordi man hermed forbinder fantasier om død, kirkegårde og spøgelser. Uglens tuden lyder faktisk ret hyggelig.

Употреблению в речи сочетания частиц *nu* и *vel* препятствует наличие в языке сложного слова *nuvel* со значением «ладно, хорошо»: ...svi begynder at spekulere på, hvor vi skal hen på vinterferie. Nuvel, det gælder naturligvis ikke os alle sammen.

Порядок следования афирмативов *da* и *jo* в сочетаниях с афирмативным эвиденциалом *nu* соответствует общему принципу: сначала собственно афирмативные частицы *jo* или *da*, затем *nu*: Trods deres uenighed iøvrigt anså de begge verdensrevolutionen for nødvendig <...> De fandt *da nu* også sammen i fælles modstand mod Stalin; Dytene er *jo nu* engang kun dyr.

3. В случае возникновения, с точки зрения говорящего, проблемы в объективном мире действительности, говорящий использует специальные комментирующие реальную ситуацию средства, чтобы помочь слушающему правильно оценить достоверность высказывания: модальные частицы *bare*, *blot* и *kun*.

Комментирующие модальные частицы *bare* и *blot* употребляются в сочетаниях друг с другом в той же последовательности, что и другие: сначала идет частица *blot*, комментирующий экспликатив 2-го лица, затем *bare*, комментирующий конклюдив 1-го лица: Ind til det sker må man *blot bare* formode at man fra myndighedernes side endnu enten ikke er parate til, eller magter, eller måske lyster...

В сочетании *bare kun* комментирующий конклюдив 1-го лица *bare* стоит в препозиции к комментирующему эвиденциалу 3-го лица *kun*: Der skete det *bare kun* engang om dagen eller sådan noget.

Порядок следования модальных частиц афирмативной и проблематической модальностей в сочетаниях с комментирующими частицами следующий: афирмативные, проблематические, комментирующие: Hun havde *nok bare* glemte sine nøgler; Det hele varer *vel bare* et par sekunder. Så er hun væk; Og så glemte jeg *vist bare* at sige, at magasinet er engelsksproget; “Det er min mor”, siger han stolt og tager rammen. “Næhh, det er da vist bare en sød kvinde, som jeg engang kendte” <...> Men det er principielt præcist det samme som en serie,

hvor serien dog *blot kun* bestod af tonehøjder, rytme, og dynamik; Hvad glæde har vi af en blandt tusinder stjerner deroppe? Selvom den er nok så stor og lyser nok så stærk, så er den *jo dog blot* et fnug, som man let overser.

4. Модальная частица *sgu*, относимая нами к средствам адмиративной модальности, выражает удивление говорящего от неожиданно увиденного или услышанного. В силу своей семантики она не только всегда стоит в препозиции к другим модальным частицам, но и обуславливает употребление в контактной позиции с нею только частиц 1-го лица: *sgu nok*, *sgu da*, *sgu bare*, что подтверждается примерами, так как сочетания *sgu vel*, *sgu jo*, *sgu dog*, *sgu blot* нами не зафиксированы: De tror *sgu nok*, at jeg er død; Det er politiets opgave. — De er ligeglade, når vi ikke har haft indbrud eller decideret hærværk. — Det er *sgu da* hærværk!; Kunne han tage en af de forbistrede tyveknægte på fersk gerning, så <...> Og så her hos Freddy Mikkelsen. Han ville *sgu da nok* være nemmere at komme om ved så; Nå, Gallop-Karl, du er *sgu da vist* sulten i dag; Jeg vil have en halv million, hvis jeg ender i spjældet. — Så lader du dig *sgu bare* fange med vilje; Han sagde, at det var min skyld, at vi ikke havde fået checket teltet, inden vi tog afsted. Jeg mente, at det kunne han *sgu' da bare* have gjort.

Таким образом, проведенный анализ расположения сочетаний модальных частиц датского языка в предложении позволил сформулировать основные принципы порядка их следования: в препозиции к другим частицам стоят средства адмиративной модальности (*sgu*), выражающие удивление говорящего от неожиданности, затем следуют модальные частицы афирмативной модальности (*jo* — 2-го лица, *da* — 1-го лица), функционально направленные на слушающего, после них афирмативно-коммуникативные частицы оценочного несоответствия, отсылающие к анафорическому или катафорическому высказыванию (*dog*, *jo*, *nu*), затем — частицы проблематической модальности (*nok*, *vel*, *vist*) или их сочетания (*vel nok*, *vistnok*), ориентированные на отражение субъективного мира самого говорящего, а завершают этот порядок комментирующие частицы (*bare*, *blot*, *kun*).

Препозиция адмиративных средств по отношению ко всем другим модальным средствам вполне объяснима. Характерная особенность принципа следования частиц — преимущественная первоочередность средств, направленных на слушающего, как в рамках все-

го построения (афfirmативы), так и в пределах каждой разновидности модальных экспликаторов (экспликативы).

¹ *Крылова Э. Б.* Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц *nok*, *vel* и *vist* в датском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

² *Jensen E. S.* Danske sætningsadverbialer og topologi i diakron belysning: Ph.d.-afhandling i dansk grammatik ved Institut for Nordisk Filologi, KU. København, 2000.

³ *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; *Баранов А. Н., Кобозева И. Н.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 45–69.

⁴ *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001. С. 335.

⁵ *Davidson-Nielsen N.* Det er sgu da nu vist en misforståelse: Om nogle svære småord på dansk // *Nyt fra Sprognævnet*. 1993. No 3. S. 1–9.

⁶ *Nølle H.* Polyfoni: En sprogteoretisk indføring. København, 1989.

Elvira Krylova

THE STATUS OF MODAL PARTICLES IN DANISH AND THEIR ORDER IN THE SENTENCE

The problem of identifying Danish modal particles as a distinct category of the speaker's propositional attitude markers has been, until recently, a matter of linguistic dispute. The criteria cited in the article make it possible to determine the status of the Danish modal particles. One of such criteria is their ability to be used in combinations for mutual reinforcement. The key to understanding the order of sequence of modal particles in the sentence structure is their pragmasemantic characteristics and functional directedness towards one of the participants of the communicative model.

Ю. К. Кузьменко

**БОРЪЯРМОЛЕТ,
СААМО-ШВЕДСКИЙ ПИДЖИН НАЧАЛА XVIII в.**

Языковые контакты на севере Скандинавского полуострова, где либо в постоянном, либо во временном контакте находились носители саамского, финского, русского, шведского и норвежского языков в соответствующих диалектных формах и сейчас разнообразны, а раньше были еще разнообразнее, поскольку не только саами и финны владели шведским и норвежским, но и скандинавы владели саамским и финским¹. Кроме полного координативного дву- и многоязычия и разной степени субординативного дву- и многоязычия, характерного для ситуации постоянного контакта, на севере Европы формировались разного рода торговые языки, обеспечивавшие общение прежде всего в период сезонной торговли. От некоторых из них сохранились только названия, ср., например, саамо-норвежский торговый язык *gavppe-daro* «торговый норвежский»². Есть сведения и о том, что саами общались с русскими купцами на особом норвежском³. В Архангельске существовал русско-английский пиджин (соломбала)⁴. Самый известный такой сезонный язык в Скандинавии, — несомненно, *russenorsk* «русско-норвежский», на котором с конца XVIII в. до революции 1917 г. в северной Норвегии общались русские крестьяне, торговавшие хлебом, и норвежские рыбаки, торговавшие рыбой⁵.

Одним из торговых языков на севере Швеции был боръярмолет (*borgarmålet*) «городской язык», саамо-шведский торговый язык, на котором жители шведских городов и саами общались во время

ежегодных сезонных торгов. Хёгстрём так описывает ситуацию на юге саамских земель: «... большинство саамов понимает шведский, а большинство шведов саамский, а в некоторых местах почти все могут изъясняться на языке, который они называют “городским языком” (*borgarmålet*), и этот язык не соответствует ни шведскому, ни саамскому языку (*et språk, som hwarken med Svenska eller Lapska tungumålens art är enligit*)»⁶. Хёгстрём приводит и несколько предложений на боръярмолет. Во многих современных работах по пиджинам боръярмолет часто упоминается, но почти никогда не анализируется. Исраиль Руонг в послесловии к факсимильному изданию книги Хёгстрёма писал, что боръярмолет это «своего рода жаргон (*ett slags rotvälska*), состоящий из шведских слов и из саамского синтаксиса (*samisk satskonstruktion*)»⁷. Так же, со ссылкой на Руонга, определяют боръярмолет Эрнст Хакон Яр и Ингвиль Брок⁸. Однако, как уже упоминалось выше, до сих пор не было попытки анализа боръярмолет, вероятно, потому, что пять предложений Хёгстрёма казались недостаточными для такого анализа. Материал Хёгстрёма, однако, настолько единообразен, что он дает возможность увидеть все основные особенности боръярмолет. Вот все примеры Хёгстрёма с его переводами на шведский язык в его орфографии:

1. *Du stick uti mäg din skin, så jag sätt uti däg min bränwin* — ‘Ты дай/дашь мне свои меха, а я дам тебе свою водку’ — *Du gifwer mig dina skinnvaror, så gifwer jag dig bränwin igen.*

2. *Du släpp din räff uti min wäm, så få du din bak den pelsomesak* — ‘Ты дай/дашь свою репу (возможно, корнеплод вообще. — Ю. К.) для моего живота, и тогда получишь за это оленью шкуру’ — *Du ger denna rot eller rofwa åt min maga, så gifwer jag dig tillbaka detta muddskin.*

3. *Den Lapman kast sin renost bak i den borgar* — ‘Саами отдаст за это свой олений сыр горожанину’ — *Lappen ger Renosten åt Borgarn.*

4. *Som du wara rätt stin* — ‘Ты очень дорогой’ (т. е. ‘Твои товары очень дорогие’) — *Du är mycket dyr.*

5. *Hur sit din heit?* ‘Как тебя зовут?’ (*букв.* ‘Как называется твой род (община)?’) — *Huru heter du?*¹⁰

ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словарный состав боръярмолет, в основном, шведский, причем любопытно употребление многочисленных синонимов для переда-

чи простых и для торгового языка важных значений; ср.: *stick* (1), *sätt* (1), *släpp* (2), *kast* (3), в значении «дай» или «дашь»¹¹. Однако в боръярмолет есть не только шведские, но и саамские слова, причем не только те, которые обозначают типично саамские реалии такие, например, как *sit* (ср.: севсаам. *süida* ‘сида’, ‘саамская община’), но и слова, обозначающие обычные понятия, которые обычно не заимствуются соседними шведскими диалектами; ср.: *väm* ‘живот’, инарисаам. *vajmu* ‘подложечная ямка, живот, ненасытность (Esslust)’¹².

Из саамского попало в боръярмолет и слово *räf* ‘репа (возможно корнеплод вообще)’; ср.: южносаамское *ruäva*, *reäva*, *reäve* ‘белая репа’, ‘капуста’¹³. Это слово было заимствовано саамским, вероятно, еще в прагерманский период, поскольку в саамском корне гласная переднего ряда, а в тех современных скандинавских языках, где есть это слово, оно имеет гласную заднего ряда (ср. шв. *rova* ‘репа’, исл. *rófa* ‘свекла’)¹⁴. Для прагерманского реконструируют однако две формы **rēf-* и **rōf-*¹⁵. Именно к прагерманскому корню *rēf-* и может восходить южносаамское *reäva* и соответственно форма *räf* в боръярмолет¹⁶.

Благодаря северошведской балансной апокопе многие слова и существительные и глаголы имеют вид чистых корней (*sit*, *wäm*, *stick*, *släpp*, *kast*, *sätt*, *fä*, *heit*, *räf*). Есть в боръярмолет и сложные слова (*bränwin*, *renost*), соответствующие шведским сложным словам. Однако есть и слова, состоящие из двух шведских корней, но не встречающиеся в таком виде в шведском; ср.: *lapman* ‘саами’, *pelsomesak* ‘оленья шкура’. В случае с *lapman* мы имеем дело с использованием *man* в качестве суффикса, что было, вероятно, характерно при обозначении национальности во всех арктических пиджинах. Этот же суффикс мы встречаем и в руссеношке; ср.: *russman* ‘русский’, *filman* ‘саами’. Эти формы образованы по аналогии с формами с полусуффиксом *-man* в скандинавских языках; ср.: *norrtman* ‘норвежец’, однако в скандинавских языках ни для обозначения русского, ни для обозначения саами полусуффикс *-man* не используется. Перед нами в этом случае несомненная инновация боръярмолет и руссеношка.

Не вполне понятна форма *pelsomesak*, которую Хёгстрём переводит как *muddskin* ‘оленья шкура’. Ясно, что *pels* восходит к шведскому *päls* ‘мех, шкура’, а *sak* к шведскому *sak* ‘вещь, предмет, дело’. Какую функцию выполняет *ome*, не вполне ясно. Возможно,

-*om* рефлекс окончания дательного падежа множественного числа, который частично сохранился до нашего времени в североскандинавских диалектах, а *e* характерная для саамского языка соединительная гласная. В таком случае исконное значение формы *pel-somesak* могло быть «мехами-дело», т. е. плата мехами. Возможно, форма дательного падежа множественного числа была реинтерпретирована в борьярмолет как основная (и единственная) форма. С таким явлением мы часто сталкиваемся в пиджинах, в том числе и в руссеношке; ср., напр., форму *kralom* ‘красть’ или *propal* ‘пропасть’, где за основу взяты русские формы прошедшего времени, или форму *klæba* ‘хлеб’, где за основу взята форма русского генитива. Что касается элемента *-sak*, то, возможно, в этом случае мы имеем дело с простым основосложением («шкура + вещь»). Однако по своей семантике *-sak* в этой форме близко к полусуффиксу. Такое употребление — это еще большая инновация борьярмолет, чем появление форм типа *lapman*. В скандинавских литературных нормах, насколько мне известно, *sak* не превращается в полусуффикс, хотя семантика этого слова позволяет ему стать таковым.

ФОНЕТИКА

Мы мало что можем сказать о произношении борьярмолет. Однако транслитерация Хёгстрёма, обозначившего ряд отличий борьярмолет от шведской нормы, позволяет нам увидеть северошведские фонологические черты, такие как сохранение исконных дифтонгов (ср. написание *heit*), смычное /g/ в возвратных местоимениях (/mæg/, /dæg/), ср. формы *mäg* и *däg*. Нашла отражение в борьярмолет и характерная для северных шведских диалектов балансная апокопа, в результате которой долгосложные слова теряли конечный гласный, ср. северошведские формы инфинитива *stick* < *sticka*, *släpp* < *släppa*, *kast* < *kasta*, *sätt* < *sätta*, *heit* < *heita* и соответствующие формы в борьярмолет, а краткосложные слова сохраняли второй слог; ср. *vara* < *vara*, ср. *wara* в борьярмолет. Существованием правила баланса гласных объясняются и формы *wäm*, *sit* и *räf* заимствованные из саамского, где эти слова двусложные.

Мы видим, что фонологические процессы, такие как баланс гласных, а также фонемный состав слов (ср., напр.: *heit*, *mäg*, *däg*) соответствуют в борьярмолет северошведскому образцу. Шведской

модели соответствует в боръярмолет и противопоставление *tenues* и *media* в начале слова (ср., напр.: *du, bränwin, borgar*, но *pelsesak, kast*). В саамских языках раньше такого противопоставления не было, и все слова с начальными *ptk* в современных саамских языках — это скандинавские заимствования.

ГРАММАТИКА

Для передачи всех глагольных значений (повелительного наклонения или будущего времени, как у Хёгстрёма в предложениях 1, 2, настоящего времени, как в предложениях 4, 5, и будущего времени, как в предложении 3) используется одна и та же глагольная форма, восходящая к северошведскому инфинитиву (ср.: *stick, släpp, kast, sätt, heit, få, vara*). О том, что перед нами именно форма инфинитива, а не форма, например, повелительного наклонения, свидетельствует форма *wara* с сохраняющимся *a*. Глагольная парадигма отсутствует, и глагольное значение определяется только синтаксисом и невозможностью сочетания глагола с показателями существительного. У существительных также отсутствует словоизменение. В боръярмолет нет грамматического рода (ср.: *min bränwin, din skinn* шв. литер. *mitt brännvin, mitt skinn*), что соответствует отсутствию рода в саамских языках, и, по-видимому, нет грамматической формы числа. В отличие от саамских языков, где есть падежи, и от северошведских диалектов, где сохраняются формы генитива и некоторые формы датива, в боръярмолет нет падежей. Существительные определяются детерминативами. Все существительные у Хёгстрёма либо употреблены с притяжательными местоимениями, в основном, в препозиции (ср.: *din skin, min bränwin, din räf, min maga, sin renost*, но *sit sin*), либо снабжены свободностоящим артиклем, выполняющим функцию показателя существительного (*den lapman, den borgar, den pelsesak*). Напомним, что в саамских языках нет категории определенности и нет артиклей, а в скандинавских языках определенный артикль суффиксирован. Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с инновацией боръярмолет, отказавшегося от синтетической формы суффиксированного определенного артикля, характерной для всех скандинавских языков, и заменившим ее аналитической формой со свободностоящим артиклем (ср.: *den lapman, den borgar* в боръярмолет — *lappen, borgarn* в переводах Хёгстрёма), который фактически в боръярмо-

лет — просто показатель существительного. Возможное более частое по сравнению со шведским языком употребление в качестве детерминативов притяжательных местоимений (ср.: *sin renost*, ср. перевод Хёгстрёма «Renosten» и *din räf* ‘denna rot eller rofwa’) связано с тем, что в саамских языках в подобных случаях используются притяжательные суффиксы, которые могут иметь не только притяжательное значение, но и значение определенности¹⁷. Однако вместо суффиксальной передачи притяжательности в борьярмолет используется аналитическая конструкция с препозицией притяжательного местоимения как в шведском языке.

Порядок слов во всех предложениях соответствует скандинавскому порядку слов с глаголом на втором месте. Единственным исключением оказывается предложение *Hur sit din heit?* ‘Как тебя зовут?’ (‘Какого ты рода?’), в котором глагол занимает третью позицию. Возможно, в этом случае вопросительное слово *hur* относится не к глаголу, а к группе существительного *sit din* и имеет значение не *как*, а *какой* (т. е. *букв.* ‘какой твой род есть?’; т. е. ‘из какого ты рода?’). В таком случае контактное расположение *hur* и *sit din* соответствует расположению соответствующих компонентов в шведском языке (ср.: *vilken* или *hurudan* + существительное).

Борьярмолет отличается от руссеношка наличием копулы (ср.: *Som du wara rätt stin* ‘Du är mycket dyr’). В пиджинах часто отсутствует копула, однако, поскольку и в шведском, и в саамском копула есть, естественно ее сохранение и в борьярмолет.

Кроме очевидного скандинавского элемента, общего упрощения грамматики и формирования новых аналитических форм (ср. свободностоящий артикль) вместо скандинавских синтетических форм, в борьярмолет можно обнаружить и влияние саамской грамматики. Кроме упомянутого выше употребления притяжательных местоимений вместо обычных для шведского определенных артиклей, мы сталкиваемся еще с тремя примерами такого влияния. Первый касается передачи семантики адресата, которая в индоевропейских языках, в том числе и в древних скандинавских языках и в современных островных скандинавских языках, выражается дательным падежом («кому»), следы чего сохраняются и в современных континентальных скандинавских языках (ср. шв. *ge honom*).

Второй — в финно-угорских языках это же значение передается иллативом, направительным падежом со значением «куда», см.

севсаам. *munnje* (иллатив) *addit* 'дать мне'. В боръярмолет, несмотря на наличие местоименных форм, которые соответствуют шведским формам, передающим значение дательного падежа без предлогов (*däg, mäg*, шв. литер. *dig, mig*), эти формы используются в сочетании со сложными предлогами со значением «куда» *uti, bak i* (ср.: *uti däg* 'тебе', букв. 'в тебя', *uti mäg* 'мне', букв. 'в меня')¹⁸. Эти же предлоги употребляются не только с местоимениями, но и с существительными (*uti min wäm* 'для моего живота', букв. 'в мой живот', *bak i den borgar* 'назад горожанину', букв. 'назад в горожанина'). В саамских языках семантика адресата передается только иллативом без предлога или послелога. Очевидно, что в боръярмолет мы сталкиваемся с сохранением свойственной саамскому иллативу семантики «куда», но выраженной не падежом, а сложным предлогом.

Те же примеры показывают влияние саамской грамматики на формирование сложных предлогов в боръярмолет. В саамском языке пространственные значения («где, куда, откуда») передаются падежами, а более детальные пространственные отношения послелогами. Саамские послелоги восходят к падежным формам существительных со значением «место перед предметом», «место за предметом», «место под предметом» и т. п., ср. южносаам. существительное *duekie* 'место сзади' и послелоги *duakan* 'к (сзади)', *duekste* 'от (сзади)', *duekesne* 'за', *duekiem* 'вдоль (сзади)'. Поскольку послелоги восходят к падежной форме существительных, все саамские послелоги имеют два семантических и формальных фокуса. Первый фокус передается корнем (исконное существительное со значением «место перед, под, за, на»), а второй, исконной формой падежа («где, куда, откуда, вдоль»). В боръярмолет мы имеем дело со сложными формально и семантическими двухфокусными предлогами, которые по своей структуре соответствуют саамским послелогам; ср.: севсаам. *baldii* 'рядом+в (куда)' и предлог *uti* 'вне+в (куда)' в боръярмолет, а по своей функции соответствуют саамским падежам. Не исключено, что иллативное значение сложного предлога *uti* со вторым компонентом *i* связано и с формальным сходством *i* с саамским показателем иллатива, который характерен и для существительных и для послелогов (ср. севсаам. *baldas* 'у (где), откуда' — *baldii* 'у + в (куда)'). Кажется, естественно было бы использовать в боръярмолет предлоги по скандинавскому образцу, например предлоги *till* или *åt*, которые соответствуют по своей се-

мантике предлогу *uti* в боръярмолет. Однако в саамских языках нет однофокусных предлогов.

Возможно, именно пиджины типа боръярмолет были источниками некоторых форм, которые распространились впоследствии в шведские и норвежские диалекты, ставших основой для соответствующих литературных норм. В саамских языках, где насчитывают более 100 послелогов, их двухфокусная семантика, как правило, полностью соответствует двухфокусной семантике шведских (где их около 60), и норвежских (где их около 100) сложных предлогов: южносаам. *sijste* — шв. *inåt, sistie* — *inifrån, sisnie* — *inom*; *nille* — *uppåt, nelhtie* — *uppifrån, nelnie* — *uppå* и т. п.¹⁹

Третий случай проявления саамской грамматической интерференции в боръярмолет — форма *din bak* ‘тебе назад, т. е. взамен’, *букв.* ‘твой назад’; ср.: *Du släpp din räf uti min wäm, så få du din bak den pelsomesak*. В саамских языках послелогов могут иметь притяжательные суффиксы; ср., напр.: севсаам. *lusa* ‘к’, *lusan* ‘ко мне’, *букв.* ‘к-мой’, *ruoktot* ‘назад’, *ruovttos* ‘ему назад’, *букв.* ‘назад-его’. В нашем случае саамская форма с притяжательным суффиксом 2-го лица единственного числа (ср. северосаам. *ruovttot* ‘тебе назад’, *букв.* ‘назад-твой’) превратилась в боръярмолет в форму с притяжательным местоимением в препозиции (*din bak*). Употребление шведской формы существительного *bak* соответствует саамским падежным формам существительных, ставших послелогов; ср. выше южносаамское *duckie* ‘место сзади’ и образованные от него послелогов. Аналитическая форма и порядок слов в конструкции *din bak* соответствуют шведской модели, однако семантика формы *din bak* ‘тебе назад’ соответствует саамской семантике сочетания послелога с притяжательным суффиксом.

Мы видим, что саамская интерференция в большинстве случаев выступает не в чистом, а в трансформированном виде, в соответствии с моделями шведской грамматики и общей типологией пиджинов.

Таким образом, несмотря на очень ограниченный материал, можно установить основные особенности боръярмолет. Словарный состав, в основном, шведский, но есть и саамские слова и инновации в области словообразования. Определяемые фонологические особенности тоже оказываются шведскими (северошведскими). Морфологическая система боръярмолет упрощена и по сравнению как

со шведским, так и с саамским языком. Однако в морфологической системе видны не только инновации, связанные с ее упрощением и аналитизацией. В боръярмолет мы встречаем и прямую (употребление форм со значением «куда» вместо обычных для скандинавских языков форм со значением «кому») и видоизмененную саамскую интерференцию (двухфокусные сложные предлоги вместо саамских падежей, образованные по модели саамских двухфокусных послелогов и аналитическая форма притяжательного местоимения с существительным в наречном значении вместо саамской формы послелогов с притяжательными суффиксами). В обоих случаях мы сталкиваемся с взаимодействием саамской и шведской грамматических структур, при котором саамская грамматическая семантика передается шведскими грамматическими средствами. При этом появляются новые формы, не характерные ни для саамского, ни для шведского языков (см.: *uti, bak i, uti min väm, min bak*).

Если вспомнить, что основной критерий пиджина — наличие единой грамматической структуры с упрощенной морфологией и синтаксисом, с одной стороны, и появление инноваций, несвойственных языкам, на основе которых появился соответствующий пиджин, с другой²⁰, то боръярмолет несомненно соответствует этим критериям. Причем инновации боръярмолет затрагивают и грамматику, и лексику. Морфологически боръярмолет оказывается гораздо более единообразным, чем руссеношк. Кроме того, боръярмолет намного превосходит руссеношк по наличию грамматических инноваций, связанных и с упрощением и аналитизацией и с саамской интерференцией. Все это свидетельствует о том, что боръярмолет уже в начале XVIII в. был сформировавшимся пиджином, тогда как руссеношк и к началу XX в. еще находился в процессе пиджинизации²¹.

¹ *Högström P.* Beskrifning öfwer de til Sveriges Krona lydande Lapmarker. Stockholm, 1747. S. 77; *Wallström S.* Studier i Övre Norrlands språkgeografi med utgångspunkt fren Arjeplogmelet. Uppsala, 1943. S. 21.

² *Qvigstad K. J.* Über die Geschichte der lappischen Sprachforschung // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1899. Bd 16, No 3. S. 11.

³ *Jahr E. H.* On the Pidgin Status of Russenorsk // Language Contact in the Arctic. Northern Pidgins and contact Languages / Ed. by E. H. Jahr, I. Broch. Berlin; New York, 1996. P. 117 (Trends in linguistics. Studies and Monographs. 88).

⁴ *Broch I.* Solombala-English in Archangel // Ibid. P. 93–98.

⁵ Тексты на руссеношке и его словарный состав см. в статьях норвежского

слависта Олафа Брока: *Broch O.* 1) *Russenorsk // Maal og minne.* 1927. S. 81–130; 2) *Russenorsk. Textmateriale // Maal og minne.* 1930. S. 113–140. Ср. также: *Broch I., Jahr E. H.* *Russenorsk — et pidginspråk i Norge: 2. utg.* Oslo, 1984.

⁶ *Högström P.* *Beskrifning öfwer...* S. 77.

⁷ См., напр.: *Hancock I.* *The Special Case of Arctic Pidgins // Language Contact in the Arctic...* P. 18. Очень краткое описание борьярмолет мы находим в книге И. Брок и Э. Х. Яра о руссеношке; см.: *Broch I., Jahr E. H.* *Russenorsk...* S. 70–71.

⁸ *Ruong I.* *Saklig kommentar // Högström Pehr Beskrifning öfwer Sweriges Lapmarker 1747. Facsimileutgåva.* Umeå, 1980. (Norrländska skrifter No 3). S. XXXIII.

⁹ *Broch I., Jahr E. H.* 1) *Russenorsk...* S. 71; 2) *Russenorsk: A New Look at the Russo-Norwegian Pidgin in Northern Norway // Scandinavian Language Contacts / Ed. by P. S. Ureland, I. Clarkson.* Cambridge, 1984. P. 50.

¹⁰ *Högström P.* *Beskrifning öfwer...* S. 77.

¹¹ Яр, отмечая богатую синонимику руссеношка, пишет, что наличие большого количества синонимов — характерная черта пиджинов: *Jahr E. H.* *On the Pidgin Status of Russenorsk.* P. 117.

¹² *Itkonen E.* *Inarilappisches Wörterbuch.* Bd III. Helsinki, 1986–1991. S. 372.

¹³ *Hasselbrink G.* *Südlappisches Wörterbuch Bd III.* Uppsala, 1985. S. 1088; *Lagercrantz E.* *Wörterbuch des Südlappischen nach der Mundart von Wefsen.* Oslo, 1926. S. 137.

¹⁴ Ср. средненижнемецкое *gōva*, откуда, как полагают, это слово и было заимствовано в скандинавские языки.

¹⁵ *Vries de J.* *Nederlands etymologische woordenboek.* Leiden; New York; Köln, 1992. S. 556.

¹⁶ Передняя гласная в южносаамском могла восходить и к умлаутной форме с суффиксом *j*; ср. форму *rōb(i)ōn (*Falk Hj., Torp A.* *Wortschatz der germanischen Spracheinheit.* Göttingen, 1909. S. 347); ср. немецкое *Rübe*, хотя более вероятно возведение южносаамского *reäva* к прагерманскому *rēf-.

¹⁷ См. подробнее: *Kusmenko Ju.* *Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen.* Berlin, 2008. S. 92–96, 103–109.

¹⁸ Употребление глагольного управления со значением «куда» вместо исконного норвежского управления со значением «кому» или «где» характерная черта саамской интерференции в самых северных норвежских диалектах; см., напр.: *Bull T.* *Samisk-nordisk kontaktforskning — eit statusoversyn // The Sámi and the Scandinavians. Aspects of 2000 Years of Contact / Ed. by Ju. Kusmenko.* Hamburg, 2004. S. 190.

¹⁹ Подробнее о связи североскандинавских сложных предлогов с саамскими послелогоми см.: *Кузьменко Ю. К.* *Сложные предлоги в североскандинавских языках и в русских диалектах (к истории одной параллели) // Acta linguistica petropolitana.* Vol. 3, No 1. St.-Petersburg, 2007. С. 149–160.

²⁰ См., напр.: *Hancock I.* *The Special Case of Arctic Pidgins.* P. 20–22.

²¹ Ингвиль Брок и Хакон Яр полагали, что наличие нескольких шведских и саамских слов в руссеношке свидетельствует о том, что руссеношк — это «релексикализованный» борьярмолет, т. е. борьярмолет, в котором шведские слова были заменены русскими и норвежскими словами, а грамматическая структура осталась без изменения; см.: *Broch I., Jahr E. H.* *Russenorsk...* S. 71. Позднее Яр отказался от этого мнения, признав справедливой критику этого по-

ложения в оставшейся мне недоступной рукописной работе Арнбёёрндоттир и Смита, аргументация которых осталась мне неизвестной (ср.: *Jahr E. H. On the Pidgin Status of Russenorsk...* P. 111). По своей структуре борьярмолет значительно отличается от руссеношка. Различие это проявляется не только в морфологии, но и в заметной саамской интерференции в борьярмолет и в полном отсутствии таковой в руссеношке. Вряд ли стоит придавать такое значение нескольким шведским и саамским словам, которые могли попасть в руссеношк не прямо из шведского и саамского, а через норвежский или русский. В отношении саамских слов, которые все — название рыб, это очевидно (см.: *Broch O. Russenorsk...* 1927. S. 125). Восходящее к шведскому слову *körman* слово *kukman* для обозначения кунца в руссеношке также пришло в руссеношк из русского, ср. это же слово в виде *kukmaned* в трехстраничном рукописном русско-шведском торговом разговорнике начала XVIII; см.: *Алимова Т. А.* Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII–XIX вв. // Труды отдела древнерусской литературы, XXI. Л., 1976. С. 390–392.

Yury Kuzmenko

BORGARMELET, A SAAMI-SWEDISH PIDGIN FROM THE XVIII c.

Borgarmelet is a typical pidgin being characterized by a vocabulary mostly from a superstrate language (Swedish), a stable simplified grammatical structure without synthetic forms, direct or transformed grammatical interference from the substrate language (Saami), and its own innovations both in word-formation and in its grammar.

А. Н. Ливанова

ВРЕМЕННОЙ ТЕСТ ФИЛЛМОРА ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НОРВЕЖСКИМ ГЛАГОЛАМ МАРШРУТА

Пространственный компонент присутствует в семантике выделяемых во всех глагольных классификациях глаголов местонахождения и движения, или перемещения; в качестве последних понимаются «лексемы, обозначающие ситуацию, при которой субъект в какой-то момент времени занимает местоположение L1, а в некоторый следующий момент — местоположение L2. L1 при этом является начальной точкой движения, а L2 его конечной точкой»¹.

По средствам выражения компонентов движения норвежский (как и другие германские языки, а также и славянские) принадлежит к языкам сателлитного типа, т. е. таких, в которых «предпочтительным средством выражения маршрута является неглагольный элемент, присоединяемый к глаголу»² — так называемый сателлит, по терминологии Талми, или локализатор³. В норвежском это может быть наречие, приставка, предлог, преверб, чаще всего лишь уточняющие или усложняющие выражаемый смысл⁴. Возможно и употребление глаголов без сателлитов, или абсолютное, в особенности «когда глагол в абсолютном употреблении означает начало движения, приступ к нему, отправление, отход»⁵.

Именно таковы в сателлитных языках некоторые глаголы перемещения, в значении которых присутствует семантический пространственный компонент как «часть его лексического значения»⁶, или так называемая встроенная семантика движения (типологиче-

ски не необычная: среди возможных сем, представленных в структуре глагольной семантики, называют и «различные пространственные и временные локализаторы процессов»⁷). Это глаголы прибытия и глаголы удаления, исследованные подробнее всего в русском и английском языках⁸. Хотя в этом вопросе много непроясненного, так как встроенная семантика, при которой компоненты поверхностно не выражены, сложна для толкований — неизвестен ни полный перечень ролей, т. е. семантических валентностей, ни «исходный набор поверхностных средств для выражения каждой роли»⁹, считается, что различаются эти глаголы валентностями: глаголы удаления (source-oriented) обязательно имеют семантическую валентность начальной точки, а глаголы прибытия (goal-oriented) — конечной.

Фокусирование внимания на конечной точке — особенность семантики *прийти* и *come* (что верно и для немецкого языка: «Наиболее распространенным способом выражения достижения конечного пункта движения является употребление глагола *kommen* отдельно или в сочетаниях с причастием *II*»¹⁰), в то время как у *go* в тени остается именно эта точка, что, как указывает Е. В. Падучева, отмечено еще Годдардом¹¹. При этом «семантически обязательная валентность может быть поверхностно не выражена именно в силу своей обязательности — способ ее заполнения известен говорящему и слушающему, и тогда поверхностное выражение оказывается избыточным»¹².

Для выявления того, начальная или конечная точка движения «встроена» в семантику отдельного глагола и составляет для него точку зрения — *point of view*, Филлмор предложил так называемый временной тест — вопросы со словами *когда* или *во сколько*: «...если при глаголе *come* указано время, то это время прибытия; тогда как у *go* обстоятельство времени фиксирует время отправления»¹³. Предлагались также термины «точка отсчета», «позиция наблюдателя», «точка зрения» и др. (критическое рассмотрение их не предусмотрено в этой статье). С. Д. Кацнельсон с отсылкой к А. Г. Шанидзе говорит о «глаголах субъективной ориентации», указывающих на направление действия «либо в сторону говорящего, либо от него <...> точкой отсчета движения, мерилom его здесь является сам субъект речи, говорящее лицо»¹⁴, имея в виду немецкие глаголы с приставками *hin-*, *her-*. Это приложимо и к рассматриваемым здесь глаголам, только у них эта сема встроена-

ная и потому неочевидная, как показывают толкования норвежских одноязычных словарей.

В настоящей статье рассматриваются, во-первых, норвежские глаголы *gå* и *komme*. То, что соответствующие английские эквиваленты ранее были исследованы, не остановило нас также и потому, что «языки чрезвычайно сильно различаются в отношении степени, в которой они грамматикализуют или лексикализуют пространственно-временной дейксис. Важно также понимать, что даже языки, которые весьма сходны в этом отношении на поверхности (например, английский, французский, немецкий), могут существенно отличаться в отношении более частных характеристик. Например, французские ‘ici’ и ‘là’ имеют не точно такое же значение, как ‘here’ и ‘there’, немецкие ‘kommen’ и ‘bringen’ не в точности соответствуют ‘come’ и ‘bring’»¹⁵. Так и норвежский *gå*, например, значительно уже английского *go* в обозначении способа передвижения, зато *komme* грамматикализован в конструкции с предлогом *til* и инфинитивом, служащей для обозначения действия в будущем.

Во-вторых, рассматривается также пара глаголов перемещения, относящихся к подгруппе глаголов доставки — *bringe* и *hente*.

Обычные русские словарные эквиваленты этих глаголов — *идти* и *приходить*, *приносить* и *забирать*. Впрочем, для *hente* эквивалентов столько, что они малоинформативны на первый взгляд (*идти* / *пойти*, *заходить* / *зайти*, *сходить за*, *ехать* / *поехать* / *заезжать за*, *приходить* / *прийти*, *приезжать* / *прийти*, *приносить* / *принести*, *посылать* / *послать за*, *доставать* / *доставить* и еще много других). Сопоставляемые лексико-семантические варианты этих глаголов занимают различное положение в структуре значения лексем (для *komme* он основной, а для *gå* основной — обозначение способа: *передвигаться пешком*).

Эти глаголы обращают на себя внимание как регулярной парной встречаемостью в устойчивых сочетаниях (например, гостям, получающим ключ от жилища хозяина, говорится обычно *du kan komme og gå som du vil* ‘можешь уходить и приходить, когда тебе удобно»; выражение *vi henter og bringer* соответствует русскому «с доставкой / выездом на дом»), так и тем, что на первый взгляд глаголы в парах дополняют друг друга за счет того семантического компонента, содержанием которого они и противопоставлены, а именно имплицитно обозначенных начала и конца пути, что синонимично обозначению всей траектории за счет соположения в

одном высказывании лексем, в значении одной из которых представлен начальный, а другой — конечный пункт перемещения.

Уже обращение к первой паре показывает, что симметричность эта кажущаяся. В значении глагола *gå* при наличии компонента *peredvigat̃ься пешком* валентность на способ передвижения отсутствует; у глагола *komme* такого ограничения нет, и у него заполнять эту валентность может причастие от глагола движения, в том числе и *gå*, например, в сказке: *komme ikke ridende og ikke gående* ‘явиться не верхом и не пешком’. Асимметричность проявляется и в том, что по признаку наличия компонента *начало/конец пути* *komme* оказывается противопоставленным не только широкозначному *gå*, но и глаголу *gæise*, в значении которого присутствуют как компонент *начало пути*, так и компонент *при помощи средства передвижения*. Важнейшие же семантические особенности их кроются в другом.

Говоря о первой паре, следует отметить, что здесь представлены так называемые широкозначные глаголы, обладающие разветвленной системой значений, простирающихся от обозначения конкретных действий до почти утративших лексическое значение структурных элементов, что позволяет в принципе рассматривать глаголы в соответствующих лексико-семантических вариантах как полувспомогательные. В нашей статье эти глаголы рассматриваются в их исходном пространственном значении. *Komme / gå*, как и *come / go*, противопоставлены позицией наблюдателя, которая совпадает с позицией субъекта в начале или конце движения: *gå (dit — туда)*, но *kom (hit — сюда)* — при необязательности наречного сателлита, т. е. для первого важная сема — именно удаление, какую полагал для английского *go* Филлмор¹⁶, в то время как у русского *идти* позиция наблюдателя никак не фиксирована, а как бы размазана по всей траектории, что и позволяет говорить «иди сюда»¹⁷ — по-норвежски только *kom (hit)*. Тест Филмора подтверждает эти выкладки. Ср.: *Når går toget?* ‘Во сколько отправляется поезд?’ — от начальной точки маршрута; *Når kommer du hjem?* ‘Когда ты придешь домой?’ — в конечную точку.

Конечная же точка движения для *gå* и начальная для *komme* — это, по-видимому, точка попадания в поле зрения говорящего, что косвенно отмечено и в норвежском толковом словаре, во всяком случае, при дейктическом употреблении¹⁸.

Однако при полагании временного промежутка, необходимого на преодоление пути, близким нулю (поверхностными маркерами

этого могут служить временные наречия nå — *сейчас же*, straks — *тотчас*, øyeblikkelig — *мгновенно*), начало пути, связанное с покиданием одного локуса, оказывается концом пути в другой локус, и gå оказывается синонимичным komme. Так происходит с эвфемистическим обозначением ухода из этого мира в мир иной, и хотя в норвежском более частотно gå bort, нередко в этом значении встречается и komme bort.

При употреблении же обоих глаголов пары вместе, как указывалось выше (du kan komme og gå som du vil) в фокусе внимания оказывается именно наличие в выражении обоих компонентов (начала и конца движения), т. е. указания на полную свободу перемещения, служащее концентрированным выражением полной свободы действий вообще.

В отношении точки отсчета больший интерес, однако, представляет вторая пара — hente и bringe. Обращение ко второй паре показывает, что отношения в ней не параллельны наблюдаемому в первой. В семантике обоих глаголов пары присутствует компонент *конец*, для которого как точки отсчета важна позиция говорящего. Немаркированность конечной точки выражается в простоте ее выражения на поверхности и большем числе семантических противопоставлений при выражении конечного пункта. Отсюда асимметричность относительно первой пары¹⁹. Кроме того, в ряде контекстов, когда наблюдатель находится в конечной точке, или когда точкой отсчета служит конец маршрута, hente и bringe ситуацию описывают одинаково: *bringe hjelp = hente hjelp privesnu no-mощь*.

Обращает на себя внимание разный функционально-стилистический статус составляющих пару лексем. Bringe маркирован стилистически, его употребление в рассматриваемом значении ощущается как книжное и устаревающее. Однако семантически он соответствует глаголу komme (в его значении также представлена сема *конец маршрута*) с добавлением валентности на объект доставки (а грамматически — с добавлением прямого дополнения). В нейтральной по стилю речи вместо bringe употребляется конструкция «широкозначный komme плюс предлог med с»: не Hun brakte en kopp kaffe ‘Она принесла чашку кофе’, но Hun kom med en kopp kaffe ‘Она пришла с чашкой кофе’. Гораздо частотнее переносное употребление этого глагола как каузативного: bringe noen i ulykke — *навлечь на кого-л. несчастье* (букв. *вовлечь кого-л в несчастье*).

Глагол *hente* семантически сложнее. Описываемый им маршрут кроме начальной и конечной точек подразумевает еще и промежуточную. О глаголах с «обозначенным промежуточным пунктом движения» писал еще С. Д. Кацнельсон²⁰, правда, в связи с изучением приставочных глаголов в немецком языке. Поверхностно в высказывании, содержащем *hente*, может быть выражена как промежуточная точка — *Jeg ble hentet på flyplassen av en av representantene* ‘Меня забрал из аэропорта один из представителей’; *Parket som er lagerstandard kan hentes omgående fra vårt lager* ‘Паркет складского качества можно немедленно получить на нашем складе’; *Det er ikke bare å komme hit (til Bolivia) og hente et barn* ‘Нельзя просто приехать сюда (в Боливию) и забрать ребенка’, конечная — *Du kan f.eks. bestille i lunsjen og hente varen på vei hjem* ‘Можно, например, заказать товар в обеденный перерыв и забрать по пути домой’; *Sjefene i den nye amerikanske proffligaen garanterer at norske spillere blir hentet over dammen* ‘Руководители новой американской профессиональной лиги гарантируют, что за норвежскими игроками приедут и заберут их в Америку’, так и обе — *De drar til Island for å hente ingeniører og hotellsatte til Norge* ‘Они отправляются в Исландию, чтобы доставить инженеров и гостиничных работников в Норвегию’.

Можно предположить, что при парном употреблении в выражении *vi henter og bringer* ‘с доставкой на дом’, типичном для рекламы предприятий сферы обслуживания, представлены оба глагола, поскольку маршрут перемещения объекта (ковра, который сдают в чистку, и т. п.) подразумевает два этапа с разными начальными и конечными точками: этап выезда представителей фирмы за объектом, где начальной и конечной точкой служит предприятие, а промежуточной — постоянное место пребывания объекта и его функционирования, откуда объект и забирают; и второй этап, где начальная точка — предприятие, а конечная — заказчик.

Как эти глаголы описывают ситуацию с разных точек зрения, наглядно иллюстрирует семантика образованных от этих глаголов сложных существительных *hentepris* — *цена самовывоза* (т. е. более низкая цена товара, который покупатель должен забрать сам; с точки зрения покупателя, этапа на маршруте два — из дома на склад, со склада домой) и *bringetillegg* — *наценка за доставку* (товара покупателю; с его точки зрения этап только один — со склада к нему домой).

В работе А. Морено и А. Пастор, исследующих английские глаголы доставки, в том числе эквивалент рассмотренной пары *bring* и *fetch*, в несколько ином виде подтверждается наша интерпретация их семантики, в частности, двухэтапность маршрута у последнего²¹.

Отметим, что и для этой пары глаголов при относительно малой длительности этапов маршрута конечная точка полагается совпадающей с начальной: *Ville han ha pølse, måtte jeg løpe og hente det* 'Если ему хотелось сосиску, мне нужно было бежать и принести ее'. В применении к таким случаям тест Филмора действительно выявляет конечную точку: *Når hentet du pølsa?* 'Когда ты принес сосиску (сюда)?'; *Når hentet/brakte de lege?* 'Когда привели врача (сюда)?'.

Однако ответ на вопросы *Når hentet hun barnet i barnehagen?* 'Во сколько она забрала ребенка из детского сада?'; *Når hentet han jakka på renseriet?* 'Когда он забрал пиджак из химчистки?' предполагает указание не на начальную или конечную, а на промежуточную точку маршрута, т. е. не на точку отсчета или точку зрения наблюдателя, который мыслится в конечной точке. Что же тогда выявляет этот тест?

Представляется, что самым подходящим кандидатом на эту роль служит семантическая тема в терминах Падучевой, или коммуникативный фокус = фокус внимания в терминах Мельчука и Иорданской²², благодаря которому «из полного сценария, описывающего ситуацию перемещения человека из одного места в другое, семантика глагола выделяет некую часть, оставляя все остальные в тени»²³. Иначе говоря, тест Филмора позволяет выявить, на какую из точек маршрута (не обязательно начальную или конечную) направлен фокус внимания в разных типах употреблений глагола, а не точку отсчета.

В статье упоминалось большое число переводных эквивалентов для *hente*. Объясняется это тем, что в зависимости от того, какая точка маршрута оказывается в фокусе внимания в высказывании, и должен подбираться русский глагол.

¹ *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: Языки динамического мира. М., 1999. С. 53.

² *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. С. 109. В этой же работе содержится

наиболее современный подробный анализ взглядов на проблемы изучения этих групп глаголов, а также обзор литературы по теме и терминологии, в том числе предложенной Л. Талми.

³ Этот термин используется в работе: *Гак В. Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 6–26.

⁴ Как и в немецком, см., в частности: *Павлов В. П.* Вариативность соединительного наречия и глагола в немецком языке // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. СПб., 2003. С. 284–325.

⁵ *Кацнельсон С. Д.* Заметки по словообразованию и синтаксису немецких глаголов движения // Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001. С. 828. Вслед за этим же автором «под абсолютным употреблением глаголов движения мы будем здесь понимать употребление их без пространственных уточнителей, без дополнительных указаний на направление движения» (там же. С. 826).

⁶ *Филлипенко М. В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 23.

⁷ *Гайсина Р. М.* К семантической типологии глаголов русского языка // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 18.

⁸ См. в особенности работы: *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. Ч. III: Тематические классы глаголов. С. 179–474; *Рахилина Е. В.* Стой, кто идет? // Слово в тексте и словаре: Сб. статей к 70-летию Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 224–230; *Fillmore Ch.* How do We Know wheather You're Coming or Going // Essays on Deixis / Ed. dy G. Rauh. Tübingen, 1983. P. 219–227; *Goddard C.* Semantic Analysis: A Practical Introduction. Oxford, 1998.

⁹ *Воронцова М. И., Рахилина Е. В.* Об иконичности выражения глагольных ролей и грамматике конструкций. 2007. С. 1—<http://www.infoplex.ru/VORONTS.HTML>.

¹⁰ *Кацнельсон С. Д.* Заметки... С. 830.

¹¹ *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 374.

¹² *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика... С. 54.

¹³ Таким образом тест Филмора представлен по-русски в работе: *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 374.

¹⁴ *Кацнельсон С. Д.* Заметки... С. 819.

¹⁵ *Лайонз Дэс.* Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003. С. 323.

¹⁶ *Fillmore Ch.* Deictic Categories in the Semantics of Come // Foundations of Language. 1966. No 2. P. 219–227.

¹⁷ *Рахилина Е. В.* Стой, кто идет? С. 227.

¹⁸ Имеются в виду толкования в словаре: *Norsk riksmålsordbok*. Bd 1–6. Oslo, 1991. Об этом в русском языке см.: *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Семантика и статистика... С. 56; см. также: *Рахилина Е. В.* Стой, кто идет? С. 229.

¹⁹ Подробнее об этом, а также о семантике конца как исходной и более важной чем семантика начала, так как конец — это всегда цель движения, и о возможности для конца восприниматься и как начало, см. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен. М., 2000. С. 239; *Майсак Т. А., Рахили-*

на Е. В. Семантика и статистика... С. 60; Ливанова А. Н. Концепт ende / slutt / конец в норвежском и русском языках // Материалы XXXVII Междунар. филол. конф. Вып. 2. СПб., 2008. С. 95–103.

²⁰ Кацнельсон С. Д. Заметки... С. 817.

²¹ Moreno A. I., Pastor A. O. Recategorizing Active Accomplishment Verbs of Induced Motion: A Semantic Approach within Role and Reference Grammar — www.skase.sk/Volumes/JTL01/moreno.pdf

²² Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 93; Мельчук И. А., Иорданская Л. Н. *Glaza Maši golubye vs. Glaza u Maši golubye: Choosing Between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts // Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл–Текст». М., 1995. С. 150.

²³ Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 374.

Alexandra Livanova

FILLMORE'S TIME TEST APPLIED TO NORWEGIAN PATH VERBS

Path verbs in Germanic languages mostly are characterized by satellite space conceptualisation. It is assumed that in the few absolute arrival and departure verbs the so called Fillmore's time test allows to determine whether a verb's point of reference, or point of view, represents the beginning or the end of the path. Based on surveying of the Norwegian verbs *gå/komme* and *bringe/hente* it is argued here that 1) Fillmore's time test allows to find out the verb's focus of attention, not point of reference or point of view; 2) the focus of attention may rest at the middle point too.

П. А. Лисовская

**МОТИВ «ПРОРОКА И ТОЛПЫ»
В РОМАНАХ П. У. ЭНКВИСТА**

Современный шведский классик Пер Улов Энквист (р. 1934) в полной мере относится к категории писателей, чье творчество состоит из повторяющихся ключевых мотивов и образов, к которым автор постоянно возвращается, решая философские и художественные вопросы. Пожалуй, творчество Энквиста можно сравнить с головоломкой-«пазлом»: необходимые для общей картины фрагменты разбросаны и пока разъединены, но стремятся встать на свои места в общей структуре. Собираание этих фрагментов представляет собой интересную задачу и для читателя, и для исследователя, в том числе и потому, что от романа к роману «хронотоп» произведений Энквиста, как правило, резко удаляется. Кроме того, сам творческий метод автора, с его склонностью к документализму будто подталкивает нас к поиску общего знаменателя и структуры авторского замысла.

Один из важнейших мотивов в творчестве Энквиста — это «пророк и толпа». Он есть в большинстве романов и реализуется в образах разных персонажей. Первым в этом ряду стоит герой романа «Пятая зима магнетизера» (1964) Фридрих Мейснер, затем следует фигура Иоганна Фридриха Струэнсе в «Визите лейб-медика» (1999), и, наконец, это Леви Петрус и Свен Лидман в «Путешествии Леви» (2001). Кроме того, мотив «пророка и толпы» есть в других произведениях автора: в романах «Марш музыкантов» (1978) и «Библиотека капитана Немо» (1991), в повести «Низверженный ангел» (1985). Мотив «пророка и толпы» или «неузнанного гения и

черни» — один из наиболее плодотворных во всей европейской литературе прежде всего благодаря реализации в важнейшем тексте иудео-европейской цивилизации — Новом Завете. Старо- и новозаветные аллюзии в современной художественной литературе — это неисчерпаемое поле для исследования. И такое исследование тем более актуально в отношении Пера Улова Энквиста, так как он неоднократно заявлял о том, что не верит в Бога. Тем не менее совершенно очевидно, что вопрос о возможности воплощения Бога в человеке или становления человека в позицию, позволяющую ему действовать как Богу в отношении других, чрезвычайно занимает этого писателя, выросшего в строгой протестантской среде на севере Швеции. Именно редконаселенный пиетистский Норрланд стал в начале XX в. плодотворной почвой для развития как независимых христианских движений, так и социал-демократической партии и профсоюзов, ставших впоследствии основой шведской общественной модели.

На Энквиста как человека и писателя оказала большое влияние среда, в которой прошло его детство. Известно, что мать писателя Мария или Майя, которой он посвятил свой роман об основателе движения пятидесятников Леви Петрусе, была очень религиозной. Впоследствии Энквист, как в юности, так и в более зрелом возрасте, стремился освободиться от пут пиетизма. Однако этот заочный спор с матерью о вере и атеизме, как ни парадоксально, вылился в то, что последняя сцена романа о Петрусе, сцена смерти Майи, это в определенном смысле идеологическое примирение сына с ней.

Амбивалентность позиции писателя в отношении христианской религии хорошо выразила Эва Экселиус: «Бог умер, но пройдет еще слишком много времени, прежде чем свет, исходящий от него, успеет погаснуть! Вера в Бога ушла, но ощущение его присутствия отказывается нас отпустить. Кажется, будто Его отсутствие настолько же ощутимое и определяющее, как и Его присутствие»¹. Не скрывает этой двойственности и сам писатель. В рассказе о замысле романа «Визит лейб-медика», в основе которого заложен конфликт между радикализмом и пиетизмом в эпоху Просвещения, Энквист замечает: «В дальнейшем можно увидеть и то, как религиозный радикализм привел к зарождению современного общества. *Вольтер, например, был глубоко верующим человеком. Но он ненавидел церковь*» (курсив мой. — П.Л.)².

Возможно, приведенное высказывание отчасти объясняет тот факт, что неоднократно пересказанная история Сына человеческого и есть тот главный «камень», на котором строятся здания романов Энквиста. Каким же образом Энквист подходит к разработке сюжетов, которые можно охарактеризовать как модификации новозаветного предания? Прежде всего — это перенос функций, атрибутов, эпизодов из жизни персонажа, которые могут прочитываться как прямые или косвенные аллюзии на историю Христа. В раннем романе «Пятая зима магнетизера» таких признаков очень много. Вся история может трактоваться как вариация на тему жизни Иисуса, но ложного Иисуса, такого, который оставляет людям выбор, во что им верить: «Он дал им возможность выбора между Богом и им самим, и поскольку Бог явно предпочитал мертвых свиней живым, это был правильный выбор...»³. В этом романе евангельские аллюзии многочисленны: первая сцена избияния и пыток магнетизера обманутыми крестьянами соответствует издевательствам толпы над Христом, убежище в пещере — прямая аллюзия на убежище святого семейства, а въезд героя на рассвете в город Зеэфонд, где разворачиваются основные события романа, — аллюзия на въезд Христа в Иерусалим. Кроме того, рядом с магнетизером две преданные женщины, готовые следовать за ним, несмотря на лишения и унижения, как те, что сопровождали Христа в его последнем земном пути. Наконец обстоятельства суда над Мейснером поражают своим сходством с судом Пилата.

О причине постоянного присутствия образа Спасителя в литературе Нового времени сказано следующее: «... образ Иисуса важен, потому что всегда предполагает какой-то рассказ. Власть и сила этого рассказа обусловлены его нарративной структурой»⁴. Таким образом, неважно, что использующий эту историю в своем произведении писатель называет себя, как Энквист, неверующим человеком. Затрагивается гораздо более глубокий пласт человеческого бытия, связанный с базовыми архетипами нашего сознания. По мнению Хэла Чайлдса, «Иисус Христос вот уже две тысячи лет представляет собой архетип жизни как таковой в нашем сознании»⁵. И следовательно, этот образ имеет непосредственное отношение к образу самого себя в сознании каждого человека, и его восприятию мира, добра и зла.

Представляется, что вопрос, на который ищет ответ в своем творчестве П. У. Энквист, — это: «Что такое человек?». В поисках

ответа писатель решил воспользоваться историей о лучшем из людей, победившем смерть и давшем надежду на лучшую жизнь не узнавшей его толпе.

Еще один неузнанный пророк у Энквиста — это Струэнсе в романе «Визит лейб-медика». В отличие от магнетизера он — настоящий врач и просветитель. История лейб-медика при датском дворе в изображении Энквиста — это щемящее душу повествование о добре, любви и смерти выдающейся личности, на много лет опередившей свое время, непонятой современниками и погибшей при попустительстве толпы. Однако эта толпа не кричит: «Распни его!», а расходится при виде бесчеловечной казни. В образе Струэнсе обыгрывается уникальная двойственность природы Христа. Автор подчеркивает, что Струэнсе при всей его прогрессивности — сын человеческий. Он телесен, и это во многом становится причиной гибели реформатора. Мы узнаем, что он не боится смерти, но боится боли, он также не может противостоять и силе чувственной любви. В эпилоге автор последовательно старается показать, что наследие Струэнсе — аналогия евангельского «Слова», продолжает земной путь, найдя телесное воплощение: в жилах наследников многих царствующих домов Европы течет частичка крови казненного, как Христос, пришедшего к народу Дании с кратким визитом.

Если романы «Пятая зима магнетизера» и «Визит лейб-медика» можно отнести к историям, в которых евангельский миф реализуется последовательно, то в ряде других произведений Энквист использует лишь некоторые его мотивы. Роман «Марш музыкантов» разрабатывает тему зарождения профсоюзного движения в Швеции в начале XX в., и его действие разворачивается в родных краях писателя. Можно выделить два типа романов Энквиста: те, где действие происходит не в Швеции, и те, где действие происходит на малой родине автора. «Марш музыкантов» — это отправной пункт проекта Энквиста, посвященного истории Швеции в XX в. Название романа отсылает нас к сказке о бременских музыкантах. В романе рефреном повторяется фраза из сказки братьев Гримм: «*Det gives alltid något bättre än döden*»⁶. Таким образом, проводится параллель между отважными животными и не сдавшимися, несмотря на голод и лишения, жителями Бюрео, выбравшими в итоге эмиграцию. В романе действуют персонажи, и есть мотивы, которые вновь появятся в романах «Библиотека капитана Немо» и «Путешествие

Леви». Но для нас интересна прежде всего сюжетная линия, связанная с фигурой агитатора Эльмблада, приехавшего из Стокгольма, чтобы пропагандировать социал-демократические идеи очень религиозным и косным норрландским лесорубам. Агитатор — тот же пророк, его задача изменить привычные представления людей и указать новый путь. Наиболее важна сцена встречи Эльмблада с рабочими. Как опасного чужака-социалиста, они избивали его до полусмерти, грозили оскотлением, затем привязали к сосне, а не к стулу (как сделали крестьяне с магнетизером в другом романе Энквиста, и то, и другое — аллюзия на распятие). В результате Эльмблад, глядя с парохода на изгнавшую его толпу, вынужден смириться с горькой мыслью: «И это были не полицейские. Это не капиталисты и не буржуи. Нет, толпа на пирсе — рабочие»⁷. Он про себя называет их «чертовыми набожными работягами»⁸. Эльмблад сам далеко не безупречен, он лучше и принципиальней, чем магнетизер, но слабее и менее уверен в своей правоте, чем Струэнсе. Кроме того, он слаб физически, страдает нездоровой полнотой и болезнью почек. Но и этот герой — вариация на тему евангельского сюжета о Спасителе рода человеческого. В прологе местный мальчишка Никанор Маркстрем видит незнакомца, который, сняв ботинки, удит на мостках рыбу и при этом держит червей для наживки во рту. Мальчик от удивления решил, что мужчина может съесть червяка. Это кажется ребенку настоящим «евангельским» чудом, и он решает, что перед ним сверхчеловек. Впоследствии он вместе с Эльмбладом разносит листовки, но потом помогает рабочим поймать агитатора, а под конец тоже попадает к ним в руки, и его мучают. Эта история — прозрачная аллюзия на отношения Христа с Петром, предательство апостола, и его преданность после казни Христа. Никанор становится в итоге «апостолом» социал-демократии. Кроме того, сцена рыбной ловли наводит на мысль о первой встрече Иисуса с будущим апостолом Петром. Эльмблад, пережив тяжелые испытания, становится воплощением того типа веры, который требует полной самоотдачи и самопожертвования. Другие два типа веры у Энквиста, это безоговорочная вера в Бога (как у многих норрландских героинь) и наконец нигилизм и безверие, скрытые за умерщвлением плоти и догматизмом (как у губителя Струэнсе Гульберга). Таким образом, евангельский сюжет причудливо реализуется у Энквиста в далекой от евангельских смыслов среде на рубеже XIX–XX вв. Хэл Чайлдс замечает об этом яв-

лении в литературе Нового времени: «Сакральная сила и ценность <...> Библии исчезли из их текстов, но были затем перенесены на историю и историческое сознание»⁹.

В следующем романе Энkvиста о Норрланде «Библиотека капитана Немо» мы сталкиваемся с мотивом воскрешения из мертвых, кроме того, в нем есть и аллюзии на детство Христа и Иоанна Крестителя. Евангельские аллюзии и здесь не лежат на поверхности, как другие интертексты, вынесенные и в «Отъезде музыкантов», и в «Библиотеке капитана Немо» в заглавие. Капитан Немо и его подводный корабль незримо присутствуют в сознании главного героя, мальчика, которого при рождении подменили в роддоме, но затем в возрасте шести лет вернули настоящей матери. Эту художественную стратегию можно соотнести с той, что используется в романе о магнетизере: в сознании Мейснера постоянно идет этический диалог с Парацельсом. И капитан Немо с его библиотекой, и Парацельс — это высшие духовные авторитеты для героев, они в обоих случаях словно выполняют роль Бога-отца или Завета. Только в одном романе речь идет о взрослом человеке, в другом — о подростке. Параллельно в сознании главного героя его жизнь соотносится с жизнью Сына человеческого.

Герой живет в одной семье с братом-подменным по имени Йоханнес и приемной сестрой Эвой-Лисой. Девочка забеременела от соседа, скрывала это, но Йоханнес предательски выдал ее, и Эва-Лиса умерла от родов, при которых присутствовал ее второй сводный брат. Он молился о ее воскрешении, и Эва-Лиса вернулась к нему в теле кошки. В сознании ребенка это не чудо, а результат мученической смерти и молитв. «Воскреснуть из мертвых <...> человек вполне способен на это сам, причем в своей земной жизни»¹⁰. Подобное происходит и в «Пятой зиме магнетизера»: доктор Зелингер перестает лечить тяжело заболевшую жену и начинает молиться, сначала женщине становится хуже, но в итоге она поправляется. После воскрешения Эвы-Лисы романному «я» видится мертвое тело брата Йоханнеса. Получается, что он был двойником, темной стороной своего брата-подменного или фигурой-перевертышем, ложным Крестителем. В итоге в романе читается карамазовский мотив двойничества, что подтверждается и именем Йоханнес (Иван), и наличием униженной женщины-жертвы. «Библиотека капитана Немо» — одно из наиболее лиричных произведений Энkvиста, в котором он экспериментирует с раз-

личными нарративными планами. Мотив оппонирующей пророку толпы в нем не реализуется. Однако евангельская заряженность текста очень велика, а образ Христа отличается большой метафизичностью.

Мотив двойничества, как и образ Христа, играет важнейшую роль и в фундаментальном произведении Энквиста об истории Швеции, художественном эпосе «Путешествие Леви». Здесь собраны все фрагменты головоломки, разбросанные по предыдущим романам и драмам. В романе собираются вместе не только мотивы и тропы из других произведений, но также персонажи или их потомки. Роман допускает разные модусы толкования. Например, его можно прочесть как итоговое художественное обобщение вопросов, ответы на которые автор искал на протяжении тридцати с лишним лет.

Как и в «Библиотеке капитана Немо», здесь идет речь о двух персонажах, чьи жизни идут параллельно и в ключевой момент пересекаются. Возможно в большей степени, чем Леви Петрус (1884–1974), героем романа является шведский писатель, а затем главный проповедник созданной Леви церкви Свен Лидман (1882–1960). Энквист построил роман так, что Петрус и Лидман действуют как половинки одного целого, где достоинства и слабости одного компенсируются наличием или отсутствием их у другого. Будучи людьми из контрастных социальных слоев, они притягиваются друг к другу. Затем их пути расходятся. В романе описывается уже не период инициации персонажей, а, если пользоваться социально-психологическим термином, период индивидуализации. И здесь именно путь Христа становится тем стандартом, по которому оцениваются Петрус и Лидман. Еще К. Г. Юнг интерпретировал Христа, как символ индивидуализации человека, экзистенциальной и психологической интерпретации личности, и высказал предположение, что и Иисус прошел процесс своей собственной индивидуализации¹¹. Энквист показывает путь формирования личностей и Петруса, и Лидмана. Оба проходят через определенные испытания на пути к признанию их толпой, их вера подвергается сомнению, потом следует триумф воздействия на паству, затем фиаско. Интересно, что в этом случае показаны одновременно два пророка, обращающихся к одной толпе. Поэтому основной интерес связан не столько с особенностями толпы, а с личностями тех, кто проповедует.

Представляется, что автору ярче удался образ Свена Лидмана, карьериста и лжепророка, чем в целом однозначного, «человека-скалы», Леви Петруса. Кстати, Энквист остается верен себе и играет в тексте с именами героев: например, Лидман — «человек страдающий» (от шведского *lida* — «страдать», намек на страсти Христовы). Можно вспомнить здесь вымышленного героя повести «Низверженный ангел» Паскаля Пинона, где имя в переводе с французского означает «пасхальный», а фамилия может быть прочитана снова как «человек страданий» (от шведского *ripa* «мучить, мука»).

В рассказе о молодых годах Лидмана главный сюжет — любовная связь с замужней женщиной по имени Марго, которую он предает, заставив сделать аборт. Эта линия в романе прорисована наиболее драматично. Имя героини — аллюзия на погубленную Фаустом Гретхен. Одна из лучших сцен в романе — последняя встреча Лидмана с бывшей любовницей, которая, прослышав о его славе проповедника, приходит послушать его в церковь. Марго обвиняет Лидмана в том, что он лжепророк и манипулирует толпами простых женщин, влюбленных в него: «Ты всегда был обманщиком, вот и терновый венец нацепил»¹². Во время их диалога красной нитью проходит параллель с сюжетом о Магдалине: «Вы же здесь свидетельствуете? (о встрече с Богом. — П. Л.) <... > А ведь маленькая шлюха Мария Магдалина тоже могла бы рассказать о своей связи с Иисусом?»¹³. Известно, что Фауст может быть интерпретирован как лже-Иисус. Как и Фауст, Лидман терпит в жизни полный моральный крах: его последнее в жизни слово — «фиаско».

Что касается Леви, то автор с самого начала эксплицитно ставит перед собой задачу показать на его примере, что делает человека успешным лидером радикального — здесь религиозного — движения, т. е. природу власти вообще. Роман открывается рассказом о похоронах Эфраима Маркстрема, потомка Никанора Маркстрема из «Отъезда музыкантов», который стал своеобразным евангелистом Леви Петруса, он — автор его «жития» под названием «*Lebenslauf*». Энквист складывает кусочки головоломки: Маркстрема хоронят в Дании, на земле, принадлежавшей общине герригутов, которых касался последний изданный Фридрихом Струэнсе указ. Так на кладбище встречаются герои разных романов Энквиста: автор подает Петруса на фоне фигуры Струэнсе, а человек

из семьи Маркстрем играет роль критичного человека из толпы, которую вновь повела за собой сильная личность.

В заключительной части романа автор объясняет свое видение связи между фигурами Струэнсе и Леви Петруса, а также их оппонентами Гульбергом и Лидманом. Струэнсе, как Иисус, в отличие от Петруса был политически наивен и не умел выбирать себе врагов, что в итоге и погубило обоих. Петрус же сначала «возлюбил» Свена Лидмана, потому что так велел ему Господь, а когда понял, опять же по велению свыше, что этот «высокородный хлыщ» не подходит ему на роль носителя Слова, вытеснил его из общины. К концу романа Энквист предлагает вывод: «Если ранее Леви в той или иной мере был для движения пятидесятников кем-то вроде Струэнсе, то теперь он все больше походил на противника последнего, Уве Гульберга, пиетиста с жесткой хваткой <...> Как будто бы Струэнсе и Гульберг слились в одно и воплотились в Леви. Поделили его между собой»¹⁴.

Представляется, что такое видение истории и роли личности в ней — это развитие архетипной структуры, заложенной в нашей культуре христианским мифом. А используемый Энквистом способ фрагментаризации и ахронизации повествования наводит на мысль о четырех Евангелиях. Романы Энквиста тоже рассказывают об одном и том же событии, отличаются только деталями.

Вывод Энквиста о сущности человека достаточно пессимистичен, потому что у истинного пророка шансов выжить почти нет. Однако идеи добра, справедливости и братской любви все же выживают благодаря тем, кто сам принимает жизненные решения и не поддается обману лжепророков.

¹ *Exelius Eva*. Andas fram mitt ansikte. Om den mytiska strukturen hos P. O. Enquist. Stockholm, 1996. S. 160.

² *Karlsson Lena*. Liv, dröm, dikt. Möten med 34 svenska författare. Stockholm, 2007. S. 109.

³ *Enquist P. O*. Magnetisörens femte vinter. Stockholm, 1964. S. 17.

⁴ *Childs Hal*. The Myth of the Historical Jesus and the Evolution of Consciousness. Atlanta, 2000. P. 221.

⁵ *Ibid*. P. 213.

⁶ *Enquist P. O*. Musikanternas uttåg. Stockholm, 1978. S. 64.

⁷ *Ibid*. S. 25.

⁸ *Ibid*. S. 23.

⁹ *Childs Hal*. The Myth of the Historical Jesus... P. 249.

¹⁰ *Enquist P. O*. Kapten Nemos bibliotek. Stockholm, 1991. S. 249.

¹¹ *Childs Hal.* The Myth of the Historical Jesus... P. 205.

¹² *Enquist P. O.* Lewis resa. Stockholm, 2001. P. 451.

¹³ *Ibid.* S. 452.

¹⁴ *Ibid.* S. 522.

Polina Lisovskaya

THE MOTIVE OF "THE PROPHET AND THE MOB" IN THE NOVELS BY
PER OLOV ENQUIST

The article deals with the subject of "the prophet and the mob" in the oeuvre of modern Swedish classic Per Olov Enquist. The main foci are his major novels "The Magnetist's Fifth Winter", "The March of the Musicians", "Captain Nomo's Library", "The Visit of the Royal Physician", "Lewi's Journey". The conclusion is made that the author discreetly makes use of the image of Christ and Gospel structure to promote his vision of history and human nature in the novels in question.

А. В. Ломагина

**ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА К МИФУ.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ УБИЙСТВА
ЭРИКА V ГЛИППИНГА
В БАЛЛАДАХ И ЛИТЕРАТУРЕ XIX И XX вв.**

События прошлого, далекого или недавнего, часто оказываются положенными в основу сюжета художественных произведений. Однако разные культурно-исторические эпохи в силу изменения сознания человека по-своему реконструируют эти события в художественном творчестве. Отношение к прошлому стало носить исторический характер только в XIX в., когда сформировалось представление о линейном развитии человеческого общества. Историческая наука начала развиваться тоже только в XIX столетии с появлением периодизации исторического развития. По определению Х. Линденбергера, до этого времени события прошлого, отраженные в литературе, служили «источником опыта»¹, т.е. нравучительным примером.

С конца XVIII в. писатели стали использовать исторические факты как возможность «почувствовать историю» такой, какая она была на самом деле, основываясь на уверенности, что события прошлого могут быть исследованы, описаны и объяснены. Прошлое становится предпосылкой настоящего и объясняет его. В эту эпоху особенно развиваются два исторических жанра — историческая драма и исторический роман. Кроме того, многие поэты на волне общего интереса к национальной истории обращаются к народным балладам и преданиям.

© А. В. Ломагина, 2009

Драма тяготеет к «высоким» событиям истории, описывая судьбы и коллизии в жизни реально существовавших персонажей, оказавших решающее влияние на течение национальной истории. В этом сказалось влияние Гегеля, определившего главенствующую роль исторических личностей. Действующие лица в романе могут быть менее значимыми исторически. Зачастую предметом его изображения становится целая эпоха, которая воссоздается с максимальной достоверностью, опирающейся на доступные знания, а персонажи оказываются вымышленными. Большой вклад в развитие национального исторического сознания в Дании внесли А. Г. Эленшлегер и Б. С. Ингеманн.

Постепенно наряду с исторической в конце XIX в. начала складываться мифологическая концепция, которая в противоположность линейности предлагает цикличность развития и настаивает на идее относительности традиции². Именно это мировоззрение становится главенствующим у авторов первой половины XX в. (Т. Манн, Д. Джойс, Й. В. Йенсен — в Дании). Во второй половине XX в. историческая наука оказывается под сильным влиянием М. Фуко, введшего понятие дискретности и разрыва истории.

Согласно мифологической картине мира, реальные события не могут быть отражены объективно или объяснены. Они становятся проекцией прошлого в художественном мире автора, преломляясь в его сознании. Таким образом, художественная традиция первой половины XX в., по словам Линденбергера, «конструирует историю»³ по собственному усмотрению. Исторические события и сюжеты из мифологии, эпоса и произведений авторов, принадлежащих к другой традиции, уподобляются друг другу и становятся равноправными частями в единой картине мира.

В настоящем исследовании отражены события XIII в. в Дании. В различных хрониках и анналах говорится, что ночью 22 ноября 1286 г. в деревне Финдеруп король Эрик V Глиппинг был предательски убит во сне. Его слуга Ране Йонсен старался защитить его своим мечом, но не смог противостоять убийцам. В качестве преступника называется имя Арвида Бентсена. Однако уже в мае 1287 г. на тинге Данехоф девять вассалов короля, в том числе марск Стиг Андерсен Виде и слуга Ране Йонсен осуждены на изгнание и потерю имущества за участие в заговоре с целью убийства короля. На суде никто из обвиняемых не сознался и не согласился с обви-

нением, они все успели уехать из Дании и поступить на службу к норвежскому королю.

Исторические материалы того времени очень ограничены и темны. Они не называют возможных мотивов покушения, они просто констатируют факт убийства и понесенного за него наказания. Историки и в XIX, и XX в. многократно пытались найти объяснение произошедшим в XIII в. событиям, найти политический мотив преступления, оправдать обвиненных или доказать их виновность на основании анализа имеющихся скудных документов.

Литература же, начиная с народных баллад, помимо мотива убийства, интересуется вопросами взаимоотношения королевской власти и народа, проблемой двойственности личности короля. С одной стороны, король обладает духовной властью, несет ответственность за государство, с другой — это человек, имеющий человеческие желания и обуреваемый страстями. Различные культурно-исторические эпохи по-своему реконструировали события, предлагая все новые трактовки событий по мере отдаления от времени происшествия.

Убийство Эрика Глиппинга отражено во многих балладах. Одна из них написана вскоре после произошедших событий немецким странствующим бардом Румеландом, в которой он с иронией отзывается о стране Дании, где живут такие способные в убийстве люди⁴. Эта баллада развивает прежде всего тему лжи и предательства короля своими вассалами, уподобляя гибель короля смерти мученика. Исследователи предполагают, что она была написана на заказ для круга приближенных к датскому двору. Написание этой баллады равно как и группа так называемых политических баллад более позднего времени ставит своей целью формирование конкретного отношения к событиям у населения Дании и осуждения преступления⁵. В ней ничего не говорится о том, что возможные причины гибели короля могут крыться в его собственных поступках.

Другая большая группа баллад, созданных в разное время, но предположительно с XIV по XVI в. была записана в XVI в. и на волне нового интереса к народному творчеству опубликована в 1858 г. С. Грунтвигом под названием «Баллады о марске Стиге». Эти баллады исследователи по происхождению делят на несколько разделов.

1. *Политические баллады*, которые, по всей вероятности, как

и баллада Румеланда, написаны вскоре после событий. Они описывают события с такой позиции, чтобы повлиять на восприятие этой истории в сознании современников и потомков. Предполагается, что формирование определенного мнения вокруг убийства короля и очернение участников заговора было важно политически для укрепления власти сына короля Эрика Глиппинга, молодого Эрика VI Менведа. Особенно остро встает вопрос о политической подоплеке этих баллад для историков в XX в. (Э. Аруп, в 1932 г.), полагающих, что обвиненные в убийстве короля вассалы не могли совершить его.

2. *Баллады, сочиненные в качестве развлечения*, где впервые появляется возможный мотив для убийства — ревность и месть Стига Андерсена Виде за соблазнение королем его жены Ингеборг. В нескольких балладах марск Стиг убивает короля, в других обвиняет его на тинге Данхоф. Эти баллады, как предполагается, написаны гораздо позже. Исторические факты в них отходят на второй план и уступают месту вымыслу на тему любви, соблазнения или насилия, мести, предательства, что роднит их с многочисленными другими историческими датскими балладами. В этих балладах на первый план выходит традиционный любовный треугольник, остальные участники заговора, осужденные вместе со Стигом Андерсеном Виде, остаются вне его. У короля оказывается один убийца, имеющий вполне понятный и конкретный мотив. Баллады повествуют или о мести ревнующего мужа, или о муже, которого заставляет отомстить за себя обманутая и поруганная королем жена. Таким образом, в народном сознании возникает рисунок или миф, позволяющий связать воедино и найти простое объяснение загадочным событиям далекого прошлого. Именно эти народные версии впоследствии стали сюжетной канвой для многих более поздних художественных произведений.

3. *Национально-исторические баллады*, повествующие о значимых исторических персонажах, помещая их в национальный контекст. В них говорится о смерти короля, которая свидетельствует о неспокойных временах в Дании. Это в первую очередь баллада Нильса Эббесена.

Убийство Эрика V Глиппинга и загадочность обстоятельств его гибели продолжали быть почвой для художественного осмысления и в более поздние времена. Наиболее часто писатели, художники и композиторы обращались к описываемым событиям, вскрывая

движущие силы истории, в период формирования национального исторического сознания в Дании во времена формирования Национального романтизма в XIX в.

Одним из научных сочинений, важных для формирования исторической картины мира и воспитания отношения к королевской власти и Эрику Глиппингу, в частности, явились «Истории и события из датского прошлого», написанные историком К. Мольбехом в 1837–1840-е годы, где он говорит о королевской власти как об институте, выражающем датский или скандинавский национальный дух. Для понимания отношения к событиям XIII в., где в убийстве короля оказались замешаны высокородные датчане, важно представление Н. Грунтвига. Он говорил, что в Дании исторически интересы короля и народа всегда совпадали в противостоянии богатым вассалам короля. Этот факт вытекает и из народных баллад об убийстве Эрика Глиппинга, где симпатии исполнителей и сочинителей зачастую находятся на стороне короля.

Позиции и оценки литераторов и историков в XIX в. сильно расходятся. Историки спорят о достоверности баллад и возможности использовать их как исторический источник и полностью игнорируют версию любовного треугольника, сфокусировавшись на политических мотивах и последствиях для Дании (таких как потеря Норвегии), а также пытаясь доказать или опровергнуть справедливость приговора, вынесенного на тинге Данхоф. Искусство и литература, в частности, обращается именно к версии убийства из ревности, а политические мотивы, наоборот, как правило, отходят на второй план. Количество литературных произведений XIX в., дающих свою трактовку трагическим событиям, говорит в целом о том, что этот эпизод в истории Дании воспринимался как важный поворотный момент.

Если разместить эти произведения в хронологическом порядке, то получится следующий впечатляющий количеством ряд: трагедия Т. К. Брууна «Эрик Глиппинг» (1816), два исторических романа Б. С. Ингемана «Детство Эрика Менведа» (1828) и «Эрик Глиппинг и изгнанники» (1833), пьеса А. Эленслегера «Э. Глиппинг» (1844), оперное либретто К. Рихарда «Король и марск» на музыку П. Хайсе (1875–1878), написанное по пьесе К. Хауха «Марск Стиг» (1850), драма Х. Шарлинга «Марск Стиг и фру Ингеборг» (1878).

В отличие от пьес предыдущей эпохи историческая драма XIX в. не просто воссоздает события прошлого и дает им объяснение, но и

реконструирует историю в деталях, дистанцируясь от прошлого и давая зрителю пережить и погрузиться в него, разобраться в психологических мотивах действующих лиц. Важная цель исторической драмы, которую преследуют все авторы, — воспитание национального исторического сознания у читателя и зрителя.

Все трагедии, рассказывающие о заговоре 1286 г., принципиально опираются на народные баллады, как на источник. Художественный уровень пьес, реконструирующих события вокруг убийства Эрика Глиппинга, к сожалению, не особенно высок. Некоторые из них, например драма Х. Шарлинга, ни разу не были поставлены в театре и встретили суровую критику. Пьеса самого известного из перечисленных авторов А. Эленшлегера прошла на сцене пять раз и не выдерживает сравнения с его ранними историческими пьесами. В творчестве каждого из этих авторов пьеса, повествующая о событиях 1286 г., — одна из последних в ряду исторических пьес о личности королей и святых, сыгравших большую роль в истории Дании. Каждая из трагедий предлагает любовную подоплеку как мотив убийства короля, где Эрик Глиппинг выступает слабым королем, подверженным страстям, марск Стиг — ревнивым мужем, жена которого требует мести, Ингеборг — обманом соблазненной женщиной. События разворачиваются на фоне ослабления власти короля.

Однако, несмотря на короткую жизнь на датской сцене, эти пьесы сыграли большую роль для закрепления в национальном сознании картины убийства короля Эрика Глиппинга. Так, пьеса К. Хауха стала источником вдохновения для создания оперы, которая в 2006 г. вошла в датский культурный канон и ставилась на сцене датского театра. Опера по своему жанру тяготеет к насыщенности действиями и драматичности. Она в большей степени, чем пьесы, заостряет образ короля-дон-жуана. К. Рихард, создавая либретто, несколько изменил вариант К. Хауха, заставив Ингеборг полюбить Эрика Глиппинга. На сцене король соблазняет двух женщин (Ингеборг и Осе) и гибнет, преданный своим слугой — Ране, поскольку Осе оказывается его невестой. Трагическая опера заканчивается изгнанием марска Стига и самоубийством его жены Ингеборг.

Наибольшую популярность все же имели исторические романы Б. С. Ингеманна. Оба романа о судьбе Эрика Глиппинга и его сына Эрика Менведа — центральные в исторической серии, где рассказы-

вается об основных, с точки зрения автора, поражениях и подъемах датской истории. В представлении Ингеманна эти романы носили воспитательный характер и демонстрировали взаимосвязь между судьбой отдельной личности и коллективной судьбой народа. Для автора, так же как и для большинства его предшественников, судьба датского народа зависела от особых отношений между королем и народом, и королевская власть была стержнем истории Дании. Наиболее положительные персонажи в них — это верные королю вассалы. В изображении событий прошлого писатель придерживался принципа исторического реализма. Однако при использовании исторического и балладного материала о событиях 1286 г. Ингеманн выбирает, как и авторы драматических произведений, наиболее захватывающую любовную подоплеку событий. Он вводит в повествование дочь углежюга Осе, которая затем играет роковую для короля роль и в опере «Король и марск», заманивая Эрика в Финдерупе в дом, где его должны убить.

Король Эрик представляет в романах пример упадка королевской власти и соответственно ослабления датского государства. Король и сам слаб и нерешителен. Он слаб в своей вере и обречен на поражение. Историческая роль заговорщиков — в том, что на датском престоле оказывается Эрик Менвед, чья судьба — стать собирателем датских земель.

Таким образом, в XIX в. исторический роман в первую очередь и частично исторические драмы использовали факт гибели Эрика V в ряду других событий датской истории для воспитания в народе понятия истории и чувства принадлежности национальной традиции. События реконструируются с большой степенью историчности и объективности, претендуя на раскрытие подлинности мотивов убийства и причин, повлекших его. События ставятся в более широкий контекст истории Дании. Проблемы, рассматриваемые в XIX столетии в связи с описываемыми событиями, — это значение королевской власти для Дании, судьба государства в руках слабого короля, проблема ответственности за проступок, независимо от положения в обществе.

Многие авторы XX в. тоже обращаются к судьбе короля Эрика, подтверждая интерес к этим страницам датской истории. Однако по сравнению с предыдущим столетием варианты трактовки и формы обращения к этому событию являют собой более пеструю картину. Это связано прежде всего с разрушением в XX в. един-

ства картины мира, ускорением смены тенденций в такт со смежной исторических вех, появлением большого количества научных теорий, объясняющих, в том числе и исторические процессы, и насыщенностью первой половины XX в. социальными катаклизмами, повлиявшими на общий ход истории.

В числе художественных версий судьбы Эрика V первой половины XX в. можно назвать пьесу Й. А. Шаде «Марск Стиг» (1934) и новеллу К. Бликсен «Из старой Дании» (1942). После значительного перерыва на волне нового интереса к истории и историческому роману как жанру появились романы Э. Клеведаль Райх «Праздник святой Сесилии» (1979), криминальный роман Й. Матиасена «Кровавая ночь. Кто убил короля» (1978), и роман из исторической серии «Поколения» М. Б. Скиппера «Заговорщики» (2006).

Пьеса Й. А. Шаде в качестве центральной фигуры событий выдвигает убийцу — Стига Андерсена Виде. Драма исследует психологические мотивы убийства как мести и в русле психоаналитической концепции разрабатывает эротическую подоплеку, впервые появившуюся в народных балладах, следит за внутренним состоянием героя до его психического срыва. Автор символично начинает действие с момента описания сна Стига Андерсена, который как бы предостерегает о неверности жены. Он видит во сне диких свиней, которые врываются в огород и уничтожают посадки, и корабль, который распадается на маленькие суденышки. Эта сцена восходит к группе баллад, в которых подробно описывается сон марска Стига.

Интересный пример мифотворчества представляет собой новелла К. Бликсен, которая разворачивает перед читателем предысторию убийства. О том, что оно должно произойти, напрямую в повествовании не сказано ни слова. Новелла предлагает читателю самостоятельно продолжить историю. Причем читатель может знать, что произошло с королем Эриком в 1286 г., или не знать вовсе. Реальных исторических фактов или персонажей кроме короля нет как таковых. Автор вскрывает механизмы возникновения истории как мифа, которая повторяется вновь и вновь, сведения всех тайных мотивов в рисунок судьбы, от которой не уйти ни одному из действующих лиц.

Для создания мифологической картины событий, К. Бликсен уподобляет судьбу короля евангельскому сюжету о предательстве Христа, с помощью аллюзии к тайной вечере. Спутник короля — вымышленный персонаж Суне Педерсен, который по своему имени

напоминает реальное действующее лицо — Ране Йонсена, обвиненного в предательстве короля, в новелле уподобляется Иуде. Второй миф, упоминаемый в новелле — история короля Поликрата, который находит у рыбы в животе свое кольцо, еще один намек на гибель короля и неизбежность его судьбы. Кольцо, которое Эрик находит в животе рыбы, принадлежит Ингеборг — жене марска Стига Андерсена. Король должен вернуть ей кольцо, что неизбежно влечет их к встрече и последующей гибели.

Эти произведения первой половины XX в. отбрасывают историзм и эпоху как таковую, судьба персонажей для обоих авторов лишь повод рассмотреть актуальные для нового времени вопросы психологии и художественного творчества.

Последние опыты реконструкции убийства короля Эрика Глиппинга отражают общий интерес 1980–1990-х годов к историческим событиям. Однако в них отсутствуют попытки передачи подлинной истории, создается, скорее, иллюзия подлинности. Художественное произведение конца XX в. должно быть интересным, развлекательным. Для многих авторов обращение к событиям далекого прошлого представляет интерес, поскольку они ищут «исторические парадигмы для современных проблем» и «полемизируют с литературными и историческими традициями прошлого»⁶, давая свою версию происшествию XIII в. При этом многие произведения опираются на реальные исторические исследования и материалы или фабрикут их.

Одно из таких произведений представляет собой криминальный роман Й. Матиесена «Кровавая ночь. Кто убил короля», в котором решение вопроса, вынесенного в заглавие, поручено полицейскому, который просматривает исторические документы и пытается раскрыть преступление далекого прошлого. Роман Э. Клевдаль Райх «Праздник святой Сесилии» предлагает свой вариант ответа на тот же вопрос, исследуя документы, создавая при всей развлекательности иллюзию большой работы с историческими источниками, и перекладывая вину на силы вне Дании. В поисках исторической парадигмы для современных проблем, писательница обращается к конкретной истории как к аргументу против политики ЕС. Последний роман, реконструирующий историю заговора против короля, М. Б. Скиппера «Заговорщики», погружает читателя в датское средневековье и подает события изнутри группы, готовящей убийство Эрика Глиппинга.

Таким образом, каждая эпоха находит в историческом факте убийства короля Эрика Глиппинга свою проблему, преследуя определенные художественные цели, отражая в XIX в. представление об истории государства, судьбы и ответственности личности в истории. Литература XX в. предлагает широкую палитру экспериментов с формой и большое количество вариантов сюжетных линий, где исторический факт становится поводом для размышлений, аналогий или создания развлекательной истории.

¹ *Lindenberger H.* The History in Literature: On Value, Genre, Institutions. New York, 1990. P. 3.

² *Стеценко Е. А.* Концепция традиции в литературе XX века // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX в. М., 2000. С. 51.

³ *Lindenberger H.* The History in Literature... P. 2.

⁴ *Schröder R.* Rumelands strofer i anledning af Erik Klippings død // Marsken rider igen. Om mordet på Erik Klipping Rumelands sange og marsk Stig-viserne. Mindre Skrifter. Odense Universitet. 1990. No 8. S. 42.

⁵ *Søndergaard L.* Meningsdannelse og mytedannelse i marsk Stig-viserne // Ibid. S.60.

⁶ *Byatt A. S.* On Histories and Stories. London, 2002. P. 11.

Anastasia Lomagina

FROM HISTORICAL FACT TO MYTH. THE RECONSTRUCTION
OF THE MURDER OF ERIC GLIPPING IN MEDIEVAL
BALLADS AND LITERATURE IN XIX AND XX CENTURIES

The article refers to the death of Eric V in 1286 that through 700 years has drawn a big interest, which is reflected in ballads and folksongs in XIII–XVI centuries. The folksongs give various motives in attempt to explain why the murder took place. One of them is a story of seduction of a noble's wife Ingeborg by the king and transformation of this version into revenge story. It is first of all this interpretation of the history that was taken up as a plot in the drama and historical novel of XIX century, which makes it a part of national history, trying to find a solution of a conflict between the historical person and his surrounding world. The XX century shows a broader variety of explanations, versions and forms referring both to the historical facts, but also using the literary works from the past as sources. The XX century stops thinking about a history as a process and partly makes a myth and a fiction of king's murder, using it as a subject for discussing the relevant questions of modern times.

И. М. Михайлова

О ТРЕХ ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ МАРТИНУСА НЕЙХОФА «РЕБЕНОК И Я»

Стихотворение известного нидерландского поэта XX в. М. Нейхофа (1894–1953) «Ребенок и я» (1934) до сих пор остается одним из самых знаменитых произведений нидерландской поэзии. Поэтому неудивительно, что за последнее десятилетие оно было опубликовано на русском языке четырежды, в трех разных переводах¹. Настоящая статья представляет собой попытку сопоставить эти переводы с оригиналом и между собой, не выходя за пределы микроуровня переводоведческого исследования.

Анализом стихотворных переводов во всем мире занимается множество языковедов и литературоведов, преследуя при этом различные цели. Эти цели следует разделить на теоретические, эстетические и практические.

Теоретические цели распадаются на переводоведческие, литературоведческие и цели лингвистического самосознания. *Переводоведческий* аспект состоит в том, что исследование переводов на микроуровне служит основой для выявления формулируемых на макроуровне закономерностей многообразия и исторической смены переводческих принципов («социальных норм перевода»), а также для сопоставления переводческих лозунгов, высказываемых переводчиками и переводоведами эксплицитно в статьях и книгах, с реальной практикой перевода². Впрочем, множество исследователей полагают анализ микроуровня уже самодостаточным и без выхода на макроуровень. Так, К. ван Лёвен-Зварт считает целью

© И. М. Михайлова, 2009

исследования системное и поддающееся контролю описание соотношения между переводом и оригиналом, на основе которого далее формулируются принципы «переводческой поэтики» переводчика: а) его интерпретация оригинала и б) выбранная им стратегия перевода³. Такая формулировка подводит к *литературоведческому* аспекту, рассматривающему перевод как средство для выявления различных возможностей интерпретации, заключенных в конкретном художественном тексте. Этот аспект ставят во главу угла литературоведы-переводоведы из Геттингенского университета, в частности, Армин Пауль Франк: «Если рассматривать отклонения от текста, допущенные переводчиками, не как ошибки, а как особый способ понимания данного произведения <...> то литературный перевод можно признать могучим инструментом для обнаружения трактовок исходного текста, которых никаким иным путем было бы не достигнуть»⁴. И наконец, о значении изучения переводов для *постижения родного языка* пишет, в частности, Л. В. Щерба в статье о «Сосне» Лермонтова в сопоставлении с «Fichtenbaum» Гейне: «Благодаря наличию термина для сравнения выразительные средства обоих языков (т. е. русского и немецкого) обнаруживаются таким образом гораздо легче, что и подтверждает другую мою, тоже неоднократно высказывавшуюся мысль о значении знания иностранных языков для лучшего понимания родного»⁵.

С последними двумя моментами тесно связаны *эстетические цели* изучения переводов. Сопоставление переводов с оригиналом способствует наиболее глубокому переживанию в первую очередь оригинального произведения словесного искусства, которое происходит при эксперименте разъединения языковой формы и надъязыкового содержания. Объяснение этому явлению дает, например, С. В. Тюленев: «Перевод как раз и становится тем фоном, на котором оказываются более заметными особенности оригинала. Можно сказать также, что <...> (перевод. — *И. М.*) выступает в роли своеобразного комментария к оригиналу, что опять-таки способствует лучшему его пониманию, помогает по-новому, с непривычной точки зрения его оценить <...> Обнаруженные различия между ними (переводом и оригиналом. — *И. М.*) заставляли искать объяснение причин различий, что *вело вглубь изучаемого* оригинала. Без переводов мы, скорее всего, прошли бы мимо (них. — *И. М.*)»⁶.

При том, что современное переводоведение подразумевает дескриптивную, а не нормативную модальность анализа, *в практи-*

ческии целяи мотивированная оценка переводов, основанная на максимально объективных критериях, бывает необходима. Так, она необходима в процессе *обучения* студентов, где обязательна формулировка требований, предъявляемых к переводу в определенное время в определенном обществе, и эффективным методическим приемом выступает критический анализ существующих переводов. Кроме того, оценочный анализ конкретных переводов требуется в сфере переводческой критики, которая порой имеет материальную основу. Так, решение о присуждении переводческих премий, выплате субсидий на издание переводов, и даже исход тяжб между переводчиками и издательствами зависят от квалифицированной и объективной оценки выполненного перевода.

Настоящая статья в той или иной мере преследует все перечисленные цели, за исключением материальных. Конкретной *задачей* производимого анализа будет выявление стратегий русских переводчиков, переведивших стихотворение Нейхофа. Вследствие того, что ни один перевод по определению не может передать все содержание (в широком смысле, включая содержательную форму) оригинала полностью, переводчик в зависимости от множества факторов сам выстраивает ранговую иерархию компонентов содержания, т. е. решает, что в тексте важно, а что нет, и соответственно жертвует менее важными элементами текста ради сохранения более важных⁷. Совокупность и направленность таких решений, принимаемых частично сознательно, частично неосознанно, и принято называть «переводческой стратегией». По определению Т. А. Казаковой, «переводческую стратегию можно представить себе как систему взаимодействий когнитивно-эмоциональных факторов понимания и переводческой установки, направленную на решение практических задач по созданию художественного подоби́я оригиналу на другом языке»⁸.

Стихотворение «Ребенок и я» Мартинус Нейхоф включил в сборник «Новые стихи» (“Nieuwe gedichten”, 1934), свою третью книгу, вышедшую через десять лет после сборника «Формы» (1924). Для Нейхофа это были годы мучительного преодоления творческого кризиса, поисков выхода из этического и эстетического тупика, наступившего после публикации ранних наивно-символистских стихов, полных изысканных «красивостей». Несколько упрощая картину, эту фазу развития Нейхофа-художника можно в це-

лом охарактеризовать как переход от декадентского символизма к новому художественному методу, представляющему собой, по определению К. Верхейла, «специфично голландскую смесь *Neue Sachlichkeit* (“новой вещественности”) и сюрреализма, которую принято называть “магическим реализмом”»⁹. Суть «магического реализма» состоит в том, что внимание художника обращено к окружающей его реальной действительности, но в этой действительности он видит проекцию некоей Сверхреальности, так что каждое произведение можно прочесть минимум в двух планах: как рассказ о вполне правдоподобных событиях и как раскрытие мистического переживания. Кроме того, важно иметь в виду, что для стихов М. Нейхофа характерен определенный репертуар образов и мотивов, несущих повышенную смысловую нагрузку. Среди них — образ ребенка, образ воды и мотив поиска творческого пути. В образе ребенка у Нейхофа воспоминания о собственном безоблачном детстве и духовной близости с матерью переплетаются с представлением о детстве как состоянии первичной чистоты и сопричастности природной мудрости, а также с христианской мыслью о младенце Иисусе («Сатир и Христофор», «Крестовый поход детей», «Каменное дитя» и многие другие). Образ воды как первичной стихии и очищающего начала наиболее полно воплотился в поэме «Аватер», где имя заглавного героя созвучно слову *water* ‘вода’ и где в первых строках содержится отсылка к Книге Бытия («Сойди сюда, первоначальный дух // носившийся над водами. . .»). И наконец, мотив творческого поиска звучит в рассказе «Перо на бумаге», 1926 и стихотворении «Тушик», 1934).

Рассмотрим само стихотворение:

Het kind en ik

Ik zou een dag uit vissen,
 ik voelde mij moedeloos,
 ik maakte tussen de lissen
 met de hand een wak in het kroos.
 Er steeg licht op van beneden
 uit de zwarte spiegelrond.
 Ik zag een tuin onbetreden
 en een kind dat daar stond.

Ребенок и я

*Я собирался один день ловить рыбу,
 я чувствовал себя (внутренне)
 обессиленным,
 я проделал среди лилей
 рукой лунку в ряске.
 Снизу поднялся свет
 из черной зеркальной земли / со дна.
 Я увидел нехоженный сад
 и ребенка, который там стоял.*

четырёх стоп тринадцать (т. е. больше половины) ямбические, девять — анапесты, в двух случаях (в строках 5 и 8) между ударными слогами безударные вообще отсутствуют. Соответственно число слогов в строке в пяти случаях составляет 8, в двух — 7 и в последней строке 6. Рифма перекрестная, точная. Нечётные строки заканчиваются женской клаузулой, чётные — мужской.

Сравним известные нам три перевода данного стихотворения.

А. Младенец и я

Я на берег удочку кинул
и тревожно к воде шагнул,
камышы и кувшинки раздвинул
и сквозь ряску на дно взглянул.
И в зеркальной подсветке мглистой,
сквозь недвижимый водоем,
мне предстал вертоград тенистый
и ребенок, стоящий в нем.
Он склонился над партой, словно
что-то там на доске писал.
Я узнал — это было слово,
о котором я сам мечтал.
А потом побежали строки
все уверенней и верней,
то, что в жизни скупые сроки
я мечтал написать о ней.
А когда я — меж сном и явью —
узнавая слова, кивал,
по воде пробежавшей рябью
он их с черной доски смывал.

Перевод Д. Закса¹⁰

Б. Ребенок и я

Я устал от дневных усилий —
и рыбу удить пошел.
И в ряске меж белых лилий
Кружок ладонью развел.
Взглянул в него — и оттуда,
с зеркально-черного дна,
мне вдруг слепящего чуда

реальность стала видна.
Там в зыбком саду ребенок
с дощечкой школьной своей
стоял; мелок его ломок,
писал о жизни моей.
Я видел, как он неспешно
строки мои слагал —
те, что я сам безуспешно
всегда сочинить мечтал.
И вот, всякий раз, когда я
Согласно кивал — да-да,
он все стирал — и, смывая
слова, мутнела вода.

*Перевод И. Михайловой и А. Пурина*¹¹

В. Ребенок и я

Я как-то на рыбалку брёл — грустя,
Хандря с утра... Но вот, воды черпнул,
Меж лилий влажных ряску отведя,
Открыл себе оконце — и взглянул.
И хлынул сильный, первозданный свет
Из темноты нетронутых глубин...
И я увидел сад, какого краше нет,
И мальчика, что там стоял один.
Да: у стола он с грифелем стоял
И выводил на сланцевой доске
Мои слова! Их сразу я узнал
В его по-детски тщательной строке.
И вдруг, вот чудо, начал он писать
Уверенно, свободно и легко
Такое, что не смел я и мечтать,
Всё, что так долго прятал глубоко.
Но если только я ему кивал,
Что понимаю смысл, он тогда
Легонько рябь рукой в пруду пускал...
И слово исчезало навсегда.

*Перевод М. Палей*¹²

Переводы А и Б написаны, как и оригинал, трехударным дольником, однако несколько более урегулированным, чем оригинал: в них нет случаев нулевого межиктового интервала. В переводе А превалируют анапесты (17 из 24 стоп), в переводе Б, как в оригинале, ямбы (16 из 24). По общему числу слогов в строке перевод Б также ближе к оригиналу (по 7 или 8), в переводе А количество слогов в строке варьируется от 8 до 10. Перевод В принципиально изменяет ритм оригинала: здесь переводчик последовательно использует пятистопный ямб, причем в 7-й строке стоп даже шесть. В строке «Что понимаю смысл, он тогда...» сонорный «л» выступает как слогаобразующий (жирным выделены ударные слоги, подчеркиванием — безударные). Если А и Б сохраняют использованный Нейхофом принцип альтернанса, чередуя женские клаузулы с мужскими, то В нарушает его, заканчивая все, без исключения, строки мужскими рифмами.

С точки зрения эвфонии невыгодно выделяется перевод В, содержащий трудно выговариваемую последовательность близких по фонемному составу слогов «ханДРЯ с уТРА», так что читающий невольно производит ассимиляцию этих слогов по мягкости: «ханДРЯ с уТРЯ».

В полном соответствии с особенностями передачи ритма три перевода по-разному передают и содержание строф. Перевод В оказывается наиболее пространно-повествовательным, от скупости оригинала не остается и следа, появляются нанизанные друг на друга синонимы («грустя, хандря», «уверенно, свободно и легко»), в особенности много определений («влажных», «сильный, первозданный», «нетронутых», «краше»). Барочную взволнованность этого перевода усиливают также два восклицания («И выводил на сланцевой доске // Мои слова!» и «вот чудо») и риторическое «Да» в третьей строфе. Перевод А более строг, чем В, однако в нем присутствуют чуждые оригиналу архаизмы («предстал» и «вертоград») и неоправданные поэтизмы («в зеркальной подсветке мглистой»). Кроме того, неоправданным представляется использование в названии слова «младенец»: в младенческом возрасте человек, как правило, не умеет писать. Перевод Б также не избежал добавления определений («в зыбком саду», «мелок его ломок») и некоторой эксплицитности: если в оригинале не дается никаких указаний на то, откуда взялся мальчик на дне водоема — померещился ли он лирическому герою или это его собственное отражение в воде или он

был явлен лирическому герою свыше, — то в переводе Б его явление названо «слепящим чудом». К тому же в прокрустово ложе первых двух строф не поместилось полностью соответствующее содержание, так что «ребенок» появляется лишь в третьей строфе.

Событийная сторона нидерландского стихотворения во всех трех переводах передана примерно одинаково, если не считать домысленной переводчиком А удочки, брошенной на берег, а также слова «шагнул», уточняющего, что лирический герой стоит на берегу, а не сидит на мостках или в лодке, что допускает оригинал. При этом сам образ лирического героя, вглядывающегося в глубину водоема, в переводе Б видится наиболее выпукло. В трех переводах варьируется понимание описываемого времени суток: если в оригинале и переводе А нет соответствующих указаний, то в Б дело происходит ближе к вечеру («Я устал от дневных усилий»), а в В — утром. Каким образом и что именно «ребенок» пишет на грифельной доске, также изображено в трех переводах по-разному. В оригинале союз «но» в начале четвертой строфы отмечает противопоставление слов на грифельной доске, ранее уже написанных и теперь узнанных поэтом, тому, что он еще не написал и о чем пока только мечтает. В переводе А это противопоставление заменяется указанием на скорость писания: если сначала ребенок писал лишь «словно» и «что-то там», то потом строки «побежали» (вопреки наречию *traag* ‘медленно’ в оригинале). В переводе Б противительный союз “Maar” не передан. В переводе В чудом оказывается то, что процесс писания вдруг пошел легко и уверенно.

Весьма существенно в переводах трансформируется мотив духовного бессилия героя до посетившего его видения: в переводе А бессилие превращается в тревогу, в Б ослабляется до усталости, а в В заменяется грустью и хандрой.

Таким образом, в плане формы перевод Б наиболее близок, а перевод В наиболее далек от оригинала. Перевод В принципиально изменяет размер и соответственно звучание стихотворения, удлиняя строку на две стопы. В сочетании с добавлением в текст многочисленных эпитетов и цепочек синонимов это создает эффект захлебывающегося от восторга рассказа о сказочно-прекрасном видении, наводящем на мысль о Садко в подводном царстве, что никак не согласуется с кальвинистской строгостью оригинала. Переводы А и Б характеризуются большей сдержанностью и соответ-

ственно в большей мере передают дух нидерландского стихотворения.

Во всех трех русских версиях проявилась тенденция, в целом свойственная русским стихотворным переводам, — сглаживать шероховатости ритма. Приблизительно то же наблюдается и в плане содержания: при общей близости переводов А и Б к оригиналу в них также ощущается склонность русских переводчиков всех времен к некоторому «облагораживанию» и «поэтизации» оригинала и менее пристальное внимание к негативным эмоциям, изображенным в первоначальном тексте (в данном случае — к мотиву морального бессилия).

¹ *Нейхоф М.* 1) Младенец и я / Пер. Д. Закса // Язык и культура: Материалы конференции «Бельгия — Нидерланды — Россия». М., 1999. С. 340–341; 2) Ребенок и я // Нейхоф М. Стихотворения / Пер. И. Михайловой, А. Пурина. СПб., 1999. С. 23–25; 3) Ребенок и я // Нейхоф М. Перо на бумаге / Пер. И. Михайловой, А. Пурина. СПб., 2003. С. 50; 4) Ребенок и я / Пер. М. Палей // Зарубежные записки. Кн. 9. Dortmund, 2007. С. 145.

² Важнейшие исследования в данном направлении ведутся израильскими переводоведами во главе с Гидеоном Тури (*Toury G. The Nature and Role of Norms in Translation* (1995) // *Denken over vertalen*. Nijmegen, 2004. P. 163–173).

³ *Lewen-Zwart K. M.*, van. *Vertaalwetenschap: ontwikkelingen en perspectieven*. Muidenberg, 1992. P. 79.

⁴ *Frank A. P.* Forty Years of Studying the American-German Translational Transfer // *Amerika Studies. Jahrgang 35 / American Studies. Vol. 35*. München, 1990. P. 18.

⁵ *Щерба Л. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений // *Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку*. М., 1957. С. 98.

⁶ *Тюленев С. В.* Теория перевода. М., 2004. С. 274–276.

⁷ Об этом пишут, в частности, следующие переводоведы: *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. М., 1975. С. 12; *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. М.; СПб., 2004. С. 137–138; *Латышев Л. К.* Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М., 1981. С. 66–68; *Linn S.* *Dichterlijkheid of letterlijkheid? Prioriteiten in de Spaanse vertalingen van Nederlandstalige poezie*. Amsterdam, 1998. P. 86–88.

⁸ *Казакова Т. А.* Художественный перевод. СПб., 2002. С. 18; см. также: *Казакова Т. А.* Художественный перевод: Теория и практика. СПб., 2006. С. 245 и далее.

⁹ *Верхейл К.* Иосиф Бродский и Мартинус Нейхоф // *Звезда*. 1997. № 1. С. 192.

¹⁰ *Нейхоф М.* Младенец и я / Пер. Д. Закса // Язык и культура. С. 341.

¹¹ *Нейхоф М.* Ребенок и я // Нейхоф М. Перо на бумаге / Пер. И. Михайловой, А. Пурина. С. 50.

¹² *Нейхоф М.* Ребенок и я / Пер. М. Палей // Зарубежные записки. С. 145.

ABOUT THREE RUSSIAN TRANSLATIONS
OF MATINUS NIJHOFF'S POEM "THE CHILD AND ME"

This famous poem by the great Dutch poet M.Nijhoff (1894–1953) has been three times translated into Russian: in 1999 by D.Zaks, in 2003 by I. Mihaylova and A.Purin, in 2007 by M. Paley. The first two translations follow the original metrics while the third translation changes it drastically (five feet in translation vs. three feet in original) and makes the poem much more explicit emotional and baroque. All three translations make the rhythm more facile and moderate the negative feeling at the beginning of the poem.

И. В. Мокин

ПРОДУКТИВНЫЕ ПОЛУАФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В системе словообразовательных средств современного шведского языка важное место принадлежит способу словообразования, занимающему промежуточное положение между аффиксацией и словосложением. Отличительная особенность этого способа — использование компонентов, которые употребляются в языке как отдельные слова. Однако в составе производных слов они получают иное значение, нежели в самостоятельном употреблении. В исследованиях отечественных германистов за такими компонентами не закрепилось общепринятого обозначения; в статье мы будем использовать термин «полуаффикс», встречающийся, в частности, в работах М. Д. Степановой¹. Полуаффиксы подразделяются на полупрефиксы и полусуффиксы в соответствии с их положением в слове относительно корневой морфемы. В шведской традиции понятию полупрефикса соответствует словосочетание «префиксоподобный первый компонент» (*prefixliknande förled*), а полусуффикса — «суффиксоподобный второй компонент» *suffixliknande efterled*. Использование полуаффиксов в шведском языке ограничивается именным словообразованием: полупрефиксы тяготеют к адъективному, а полусуффиксы — к субстантивному словообразованию.

В современном шведском языке насчитывается несколько десятков продуктивных морфем, обладающих в той или иной степени свойствами полуаффиксов. Под продуктивными в настоящей статье понимаются такие полуаффиксы, с которыми новые

слова зафиксированы в шведских словарях 1990-х и 2000-х годов (12-е и 13-е издания «Словника Шведской академии», «Словарь неологизмов»²). Приводимые далее примеры производных слов, выделенные полужирным шрифтом, относятся к новой лексике этих десятилетий; примеры, не выделенные шрифтом, были зафиксированы в шведскоязычных текстах и/или словарях, опубликованных ранее.

В диахроническом аспекте полуаффиксы представляют собой полнозначные слова, у которых при употреблении их в композитах, особенно в разговорной речи, лексическое значение частично стерлось и/или видоизменилось. Размывание значения, однако, происходит у различных единиц неодинаково, так что множество полуаффиксов может быть представлено как позиции на шкале сходства и различия их словообразовательных значений с лексическими значениями их коррелятов. Приведем два примера, показывающие различные степени близости этих двух значений.

1. Семантическая связь полуаффикса с исходным самостоятельным словом может быть хорошо заметна. Например, продуктивный второй компонент *-guru* со значением «знаток, авторитет» очевидным образом соотносится с существительным *guru* ‘гуру, духовный наставник’, которое было заимствовано из санскрита через посредство английского языка; в этом случае сохранена семантика не только лица, но и обладания особым знанием, учености. Этот компонент употребляется в функции полуаффикса — в вышеупомянутом широком значении — в неологизмах **reklamguru** ‘знаток рекламных технологий’, **trendguru** ‘авторитет в области модных тенденций, законодатель мод’ и ряде других. Интересно, что эти существительные имеют ярко выраженную ироническую окраску; экспрессивный компонент значения вообще характерен для производных слов с полуаффиксами.

2. Исходное лексическое значение может быть полностью потеряно. Например, полупрефикс *kanon-* с усилительным значением в прилагательных **kanonbra** *разг.* ‘прекрасный, отличный’, **kanonbillig** *разг.* ‘очень дешевый’ и ряде других — происходит от существительного *kanon* ‘пушка’. Таким семантическим развитием этот элемент обязан сленгу спортсменов, из которого он и вошел в общеупотребительную разговорную лексику³. В спортивном сленге существительное *kanonskott* ‘пушечный выстрел’ стало означать метафорически «сильный удар по мячу»; в дальнейшем значение

«сильный удар» генерализовалось до «хороший, удачный удар», после чего компонент *kanon-* распространился сначала на существительные (ср. *kanonsuccé* ‘бешеный успех’, *kanonväder* ‘прекрасная погода’), а затем на прилагательные, став в последнем случае усилительным полупрефиксом.

Развитие значения полуаффиксов от конкретного лексического к более абстрактному словообразовательному может происходить разными путями. Так, шведский исследователь Карл-Эрик Лундبلاد в работе «Префиксоподобные первые компоненты композитов» выделяет три подвида усилительных первых компонентов прилагательных (в его терминологии) в соответствии с тем, каким путем происходило это развитие: сравнительный (*jämförande*), причинно-следственный (*konsekutiv*) и непосредственный (*direkt*)⁴. Первый тип иллюстрируется прилагательными *jättestor* ‘очень большой’ (впервые зафиксировано в 1811 г.) и *jättebra* ‘очень хороший’ (впервые зафиксировано в 1961 г.); первое изначально было равнозначно сравнительному обороту *stor som jätte* ‘большой, как великан’. Однако в дальнейшем компонент *jätte-* стал использоваться и в таких случаях, где сравнение изначально не подразумевалось, например, в более позднем прилагательном *jättebra*. Второй тип иллюстрируется прилагательным *sprängfull* ‘переполненный, набитый’ (например, в словосочетании *väska sprängfull med pengar* ‘сумка, набитая деньгами’ — пример из современного словопотребления в шведском интернете), которое равнозначно причинно-следственной конструкции *så full att det sprängs* ‘такой полный, что лопается’ (так что вышеприведенное словосочетание равнозначно фразе *en väska så full med pengar att den sprängs* ‘сумка, так набитая деньгами, что она лопается’); далее в результате метафорического переноса значение этой морфемы генерализовалось, что видно на примере прилагательных типа *spränglärd* ‘ученый сверхмеры’. К третьему типу К.-Э. Лундبلاد относит такие компоненты композитов, которые не имеют коррелятов среди самостоятельных слов (например, усилительные элементы *spritt-*, *språng-*, представляющие собой звукоподражания, лишь внешне схожие с самостоятельными словами шведского языка или омонимичные им), из-за чего эти единицы нельзя причислить к полуаффиксам, исходя из используемого нами определения.

Усилительные полупрефиксы прилагательных — единственные продуктивные полупрефиксы в современном шведском языке. Спи-

сок усилительных полупрефиксов охватывает около 20 единиц; они чаще всего восходят к именам существительным, но встречаются и полупрефиксы адъективного происхождения; ср., например, компоненты *as-*, *dunder-*, *jätte-* и существительные *as* ‘падаль’, *dunder* ‘гром’, *jätte* ‘великан’ (см. выше об элементе *kanon-*); полуаффиксы *rå-*, *total-* и прилагательные *rå* ‘сырой’, *total* ‘тотальный, полный’. При этом полупрефиксы, образованные от лексических единиц с отрицательными коннотациями, могут комбинироваться с прилагательными, обозначающими как отрицательные, так и положительные признаки, например: **asberusad** *разг.* ‘мертвецки пьяный’, но **asrolig** *разг.* ‘безумно веселый’, **asläcker** *разг.* ‘очень вкусный’.

Некоторые усилительные полупрефиксы прилагательных могут также образовывать новые существительные. Так, полупрефикс *total-* зафиксирован не только в прилагательных **totalflexibel** ‘абсолютно гибкий, очень гибкий’, **totalcool** *разг.* ‘замечательный, отличный’ (второй компонент — заимствованное из английского прилагательное *cool*, используемое в шведском языке только в переносном значении «приятный, хороший»), но и, например, в существительном **totalfiasko** ‘полный провал’. Аналогичная ситуация прослеживается и у производных с компонентом *jätte-*; ср.: **jättekul** ‘очень хороший, отличный’ и **jättefart** ‘огромная скорость’. Из приведенных примеров видно, что словообразовательное значение этих и других морфем в этом подклассе меняется в зависимости от частеречной принадлежности производного слова: при образовании имен прилагательных полупрефиксы типа *total-* имеют усилительное значение, а при образовании имен существительных — значение, более близкое к семантике соответствующего самостоятельного слова.

Интересный случай использования продуктивных первых компонентов, близких по функции к полупрефиксам — образование новых имен родства, ставших общеупотребительными в последние десятилетия XX в. Это группа лексических единиц с первым компонентом *bonus-* (от существительного *bonus* ‘бонус, дополнительное вознаграждение’): **bonus pappa** ‘отчим’, *букв.* ‘дополнительный папа’, **bonus mamma** ‘мачеха’, *букв.* ‘дополнительная мама’, **bonus farfar** ‘отец отчима’, *букв.* ‘дополнительный дедушка’; этот ряд охватывает все имеющиеся имена родства. Примеры употребления этих лексем, данные в «Словаре неологизмов»⁵, показывают, что

они вошли в язык как эвфемизмы, возможно, из детской речи в связи с частотностью слова *bonus* в электронных играх.

Широкое использование слов с нейтральной или положительной коннотацией вместо отягощенных негативными коннотациями — одна из заметных тенденций в словоупотреблении шведского языка последних лет⁶. Чаще всего эти эвфемизмы представляют собой «чистые» композиты, однако существительные с компонентом *bonus*- близки к полуаффиксальному словообразованию, поскольку данный компонент используется в генерализованном значении регулярно и только в составе производных слов.

Продуктивные полусуффиксы зафиксированы только при субстантивном словообразовании. Среди них значительно преобладают элементы со значением лица, в том числе уже упоминавшийся *-guru*, а также *-kramare* со значением ‘сторонник, приверженец’⁷ и *-skalle* со значением лица, обладающего признаком, обозначаемым корневой морфемой; все они обладают пейоративным значением. Абсолютное большинство полусуффиксов этой группы образуют производные от имен существительных, например, ***bilkramare*** *разг.* ‘приверженец автомобильного транспорта’ от существительного *bil* ‘автомобиль’, ***kulturskalle*** *разг., ирон.* ‘деятель культуры’ от существительного *kultur* ‘культура’.

Судьба элемента *-kramare* особенно интересна. Исходная для этой модели лексическая единица — сложное существительное ***trädkramare*** ‘активист борьбы против вырубki лесов’, *букв.* ‘деревообниматель’. Семантическая структура этого существительного мотивирована денотатами обоих компонентов, так как активисты экологических движений приковывали себя наручниками к деревьям, предназначенным для вырубki. Оно послужило источником метафорических обозначений для приверженцев тех или иных (обычно рассматриваемых в контексте как находящиеся под угрозой) явлений. Элемент *-kramare* не имеет коррелята среди самостоятельных лексем, однако проявляет прочие свойства полуаффикса, о которых говорилось выше.

Многие зафиксированные в шведских словарях имена существительные с полусуффиксами лица, как показывает их лексическое значение, представляют собой так называемые потенциальные слова, воспринимаемые носителями языка скорее как комбинации нескольких единиц и заново создаваемые каждым употребляющим их носителем языка, а не воспроизводимые в речи⁸. К та-

ким потенциальным словам можно с большой долей уверенности отнести приведенные в «Словаре неологизмов» существительные **sjukhuskramare** ‘сторонник [сохранения существующих] больниц’, **reaktorkramare** ‘сторонник строительства ядерных реакторов’ и некоторые другие, поскольку, судя по примерам в «Словаре неологизмов», употребление этих единиц в шведских текстах ограничено несколькими конкретными дебатами по энергетике и социальной политике⁹.

Этот факт не противоречит утверждению о продуктивности элементов типа *-kramare*, поскольку продуктивность той или иной словообразовательной морфемы непосредственно зависит от способности «к созданию неограниченного числа новых слов, понятных для всех говорящих на данном языке и, в частности <...> потенциальных слов»¹⁰. Это утверждение справедливо и для другой большой группы полуаффиксов, а именно рассмотренных выше усилительных полупрефиксов имен прилагательных, так как они в силу своего значения могут модифицировать любые прилагательные, обозначающие признак, входящий в градуальную оппозицию.

¹ Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.

² Svenska Akademiens ordlista över svenska språket: 12 uppl. Stockholm, 1998; 13 uppl. Stockholm, 2006; Nyordsboken: med 2000 nya ord in i 2000-talet. Stockholm, 2000. Эти словари использовались как материал для исследования.

³ Lundbladh Carl-Erik. Prefixliknande förleder. Göteborg, 2002. S. 30.

⁴ Ibid. S. 4–5.

⁵ Nyordsboken... S. 47–48.

⁶ См.: Чекалина Е. М. Новая шведская лексика в зеркале общественных процессов // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 7. СПб., 2004. С. 134.

⁷ См.: Савицкая А. В. Словообразовательная активность суффикса *-age* в современном шведском языке // Там же. С. 124.

⁸ См.: Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 17–18.

⁹ Nyordsboken... S. 250, 265.

¹⁰ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. С. 106.

Igor Mokin

PRODUCTIVE SEMI-AFFIXES IN CONTEMPORARY SWEDISH LANGUAGE

Semi-affixes are an important part of word formation in contemporary Swedish. By semi-affixes we mean such derivative morphemes that have cor-

relates which are used as independent words. The meaning of the derivative morpheme is partly or wholly different from the initial one and always more abstract. The use of semi-affixes in Swedish is restricted to nominal word formation. Semi-prefixes are more common in formation of adjectives, while semi-suffixes occur only in nouns. The largest semantic group of productive adjective semi-prefixes are intensifiers, such as *jätte-*, *total-*, *dunder-*; among productive noun semi-affixes the most numerous are those denoting person, as *-kramare*, *-skalle* or *-guru*.

Н. А. Пресс

**РОМАН АГНЕТЫ ПЛЕЙЕЛЬ
«ЗИМА В СТОКГОЛЬМЕ»**

В 1997 г. вышел роман известной шведской писательницы Агнеты Плейель «Зима в Стокгольме» (*En vinter i Stockholm*, 1997), книга имела успех как в Швеции, так и за ее пределами, и переведена на шестнадцать языков. Сюжет романа вкратце таков: главной героине романа наконец-то удается расстаться с мужем, который уже давно живет на два дома, и теперь она пытается начать новую жизнь в одиночестве (надо сказать, что на протяжении всего романа героиня остается безымянной, и подобная анонимность лишь помогает читателю отождествиться с ней, несмотря на то что повествование ведется от третьего лица). Однако именно в этот момент по случайному стечению обстоятельств она встречает старого знакомого из Сербии по имени Эмм, с которым она познакомилась в самолете, возвращаясь с конференции в Скопье одиннадцать лет назад. Эмм получил от шведского правительства грант написание книги о политической обстановке на Балканах, и поэтому собирается провести зиму в Стокгольме. Страсть между ними вспыхивает вновь, и те 100 дней, на протяжении которых главная героиня ведет дневник, становятся одновременно и самыми тяжелыми, и самыми счастливыми в ее жизни. В романе прослеживаются три основные линии: отношения главной героини с родителями, с бывшим мужем и с Эммом. Реальные события перемежаются с обрывками снов, эпизодами из детства, бесконечными попытками анализа собственного внутреннего мира и ситуации, в которой

© Н. А. Пресс, 2009

оказалась героиня. Ткань романа во многом обретает свой причудливый и ни на что непохожий узор благодаря огромному количеству образов и аллюзий из мирового культурного наследия. Агнета Плейель, литературовед и литературный критик, выдающаяся личность в культурной жизни Швеции тем не менее поражает читателя не этой общекультурной эрудированностью, буквально пронизывающей каждую страницу романа, а скорее той естественностью и уместностью, с которой автор совмещает внутренний мир своей героини (в котором немало и автобиографических черт) с общекультурным пространством мифа, литературы, философии и юнгианского психоанализа. Именно этот аспект — культурный интертекст в романе — и есть основная тема настоящей статьи.

На страницах романа главная героиня цитирует и анализирует высказывания многих великих писателей (Хемингуэй, Рембо, Достоевский, Ремарк, Йейтс), философов (Ницше, Киркегор, Шопенгауэр, Цзин Шэнь), вспоминает картины мастеров живописи (Рембрандт, Миро, Клее). Некоторые из персоналий упоминаются лишь вскользь, другие становятся сюжетно важными звеньями, их судьба словно переплетается с судьбой самой героини. Особое место в романе занимает история жизни Артура Рембо. В молодости героиня увлекалась его творчеством, а также была настолько заворожена его трагической жизненной историей, что, уже будучи на седьмом месяце беременности, она отправилась в Африку, чтобы посетить место, где поэт провел последние годы своей жизни. Повествование о жизни Рембо начинается с того, что героиня читает «поэму в прозе о зиме, проведенной поэтом в аду»¹. На самом деле, речь идет о поэме, в русском переводе чаще всего именуемой «Одно лето в аду» (более близкий к оригиналу вариант перевода названия — «Сезон в аду»), единственном произведении Рембо, изданном им отдельной книгой. Таким образом, автор сразу позволяет нам проследить параллели между судьбой своей героини и французского поэта. Согласно юнгианской трактовке, которой придерживаются многие биографы Рембо, в основе всех душевных страданий, выпавших на его долю, лежал неразрешенный базовый конфликт сепарации от матери. И в этом заключается еще более глубокий пласт родства душ, которое героиня ощущает по отношению к поэту. Отношения с матерью, по собственному признанию героини, — причина внутреннего конфликта, мучающего ее и ме-

шающего ей выстраивать гармоничные отношения с мужчинами. Свои отношения с родителями героиня резюмирует следующим образом: «Перерасти собственного отца: дочери может быть трудно осознать, что это произошло. Отцу может быть больно, а также страшно. Перерасти собственную мать: это ей так и не удалось» (120). Говоря о том, что оставил после себя Рембо, героиня словно бы описывает то, что не дает покоя ей самой: «Что осталось после его смерти? Только стихотворения, написанные подростком, который обладал поразительной чувствительностью, позволявшей ему видеть головокружительные, четкие образы неисповедимых путей, которым следует любовь, загадочность пола, неопишущую жестокость жизни и множество жизней внутри нас, объединить которые невозможно, и, наконец, неутолимую жажду, тоску по Богу, отверженному рассудочным сознанием. На протяжении всех этих лет не только его стихи, но и его судьба стали ее постоянными спутниками» (64). В его строках она находит отражение собственных внутренних процессов: «Перед некоторыми людьми я говорил во весь голос в одну из минут их других жизней <... > писал поэт. С ней это тоже часто случалось. Она говорила с минутами тех жизней других людей, о которых они сами не желали знать. Она чувствовала в них дуновение ветра, водовороты и переливы, которые были недоступны им самим, и поэтому ее отвергали» (69).

Героиня, как и автор романа, имеет литературоведческое образование и преподает в университете, изначально творчество Рембо для нее — предмет научного интереса, но именно поэтому по возвращении из Эфиопии она пишет множество статей об этой стране, но ни одной — о самом поэте, бывшем истинной целью ее путешествия. Вместе с ним она словно бы прожила еще одну жизнь, и это переживание слишком глубоко для того, чтобы облекать его в научную форму и предоставлять на суд общественности: «О Рембо она писать не стала. Он был ее тайной. Ее мантрой» (70).

Расшифровка аллюзий, как и любых интертекстуальных связей, предполагает наличие у автора и читателя некоего общего культурного контекста, общих фоновых знаний. Но в этом случае Агнета Плейель отказывается от постмодернистской игры, и играет с читателем в открытую, предоставляя ему непосредственно внутри текста все необходимое для глубокого понимания.

Другим источником вдохновения для автора служит юнгианская парадигма, вследствие чего одним из структурообразующих

элементов в тексте романа становится сон героини, к которому она возвращается на протяжении всего романа. Карл Густав Юнг, выдвинувший отличную от фрейдистской концепцию анализа сновидений, полагал, что сновидение обладает не только и не столько компенсаторной функцией, сколько отражает актуальные процессы бессознательного, а также может иметь и проспективную, направляющую функцию. Главная героиня пытается проанализировать поразивший ее воображение сон именно с таких позиций. Сам сон появляется уже на первых страницах романа: «...внезапно она обнаружила, что рядом с ней идут две девушки. Одна — светловолосая, напоминающая персонаж народных сказок: стройная дева с бездонными глазами. Другая — темноволосая и печальная, ее лицо находилось в тени. Эти девушки, не старше шестнадцати лет, любили ее мужа и жили с ним, она знала об этом. Но совершенно не волновалась по этому поводу. Все было ясно. Муж вернется к ней, он сообщил ей об этом по телефону сегодня утром. Они вместе собирали цветы, готовясь к его возвращению. Да, любимый вернется к ней. Расставание и развод — всего лишь недоразумение. Затем во сне она шла по равнине в толпе людей. Внезапно она увидела в небе рыцарские доспехи. Они вращались вокруг Земли словно спутник, появляясь через короткие промежутки времени — орбита была невелика. Трепеща от ужаса, она поняла, что внутри этого панциря находится живой человек. Он был почти при смерти. Она встретила подругу, возмущенную этим явлением на небе: Какой ужас, что мы привыкаем к такому положению дел! В этот момент она увидела мужа и побежала ему навстречу, опьяненная счастьем. Но рядом с ним шла девушка из сказки, они шли рука об руку, практически сливаясь в единое целое, между ними не прошло бы и лезвие ножа. Она замедлила шаг. Значит, это правда. Муж бросил ее ради другой: ради девушки из сказки. В небе со скрежетом появились и вновь пропали доспехи. На улице потемнело. Люди возбужденно обсуждали катастрофу, произошедшую в системе водоемов внутренней части материка. Ей показалось, что эта катастрофа случилась, когда она была еще маленькой. Люди бегом бросились прочь, и она осталась одна» (17).

Затем светловолосая девушка предлагает главной героине помощь, но та отказывается, однако, в конце концов, они все равно оказываются на борту одного катера, который уносит их в ее детство. Едва успев проснуться и вернуться в реальность, героиня на-

чинает задаваться вопросами, которые мог бы задать ей любой юнгианский аналитик: «Какому королю принадлежали доспехи, парившие в небе? Кем был умирающий внутри них мужчина? Представитель технократической культуры? Отмирающий идеал мужчины, олицетворение патриархата? Кто эти девушки? Кем была она сама? Сон вцепился в нее мертвой хваткой» (19). Понимание начинает приходить к ней лишь позже, когда ее бывший муж присылает ей белые розы на годовщину свадьбы. Она понимает, что умирающий внутри рыцарских лат — не ее отец, как она думала вначале, — это она сама, обреченная на одиночество из-за того, что еще в детстве запретила себе испытывать сильные чувства по отношению к мужчинам: «Чем больше она старалась быть хорошей девочкой, чем больше обязательств она брала на себя, тем плотнее вырастали в ее тело доспехи. Рано или поздно это должно было убить ее» (58).

Другую часть сна героиня осознает, анализируя свое детство, окрашенное противостоянием отца и матери, которое ставило ее в невыносимую ситуацию выбора: или мать, или отец. Она выбрала мать, и с тех пор словно бы проживала непржитые той чувства, отвергая близость с мужчинами как неизбежно ведущую к боли. Осознание внутренней борьбы приходит к ней внезапно, словно мистическое озарение, во время семинара со студентами: она понимает, что светловолосая девушка, говоря в юнгианских терминах, ее анима — женская часть личности, подавлявшаяся годами. Именно эту девушку ее муж сумел разглядеть в ней много лет назад, именно поэтому он продолжал утверждать, что любит ее: «Эта девушка теперь показывалась все реже и реже. Она сломалась под гнетом обязательств, настоящих или выдуманных, под грузом компромиссов: ее дочь, дети мужа от прошлого брака, попытки быть справедливой, невозможное положение. Годы бесконечных выборов, хотя выбора-то на самом деле просто не существовало» (101). Она зашла так далеко в отрицании этой своей части, что даже ревновала к ней — себе самой — своего мужа. С этого осознания начинается возвращение героини к самой себе, этот путь лежит через одиночество, и открытый финал романа не дает нам понять, чем закончится это путешествие.

Важную роль в повествовании играют мифы и сказки, архетипическое содержание которых позволяет читателю еще глубже погрузиться во внутренний мир героини. Так, в начале романа ге-

роиня отождествляется с Принцессой, заточенной в высокой башне, на которой лежит заклятие ее отца, Короля. Ни один из сватающихся к ней рыцарей не в силах снять заклятие. Архетип башни, часто встречающийся в сказках и легендах, обозначает все то, что мешает человеку увидеть ситуацию такой, какой она на самом деле есть. Агнете Плейель удается в нескольких строках изложить всю завязку повествования — героиня должна найти способ выйти из темницы, где она находится в добровольном заключении, и выход лежит в осознании того, что темница — выбор, сделанный ей самой, под гнетом сложившихся обстоятельств, а значит, ей дано сделать и иной выбор, приняв на себя ответственность за свою жизнь. Когда героиня начинает более ясно видеть свое истинное я, ей звонит подруга из Парижа, увлекающаяся астрологией, и рассказывает о поразительном положении планет в ее гороскопе: она находится то под влиянием Меркурия, то под влиянием Венеры, поэтому в ее жизни отсутствует та самая полярность, которая необходима для того, чтобы женщина могла обрести любовь. Чуть позже героиня осознает, о чем ей говорила подруга, и понимает еще одну часть психологической головоломки: «Противоположности создают бытие. Есть тепло — есть и холод. Есть свет — есть и тьма. Есть человек — и есть другой человек. Если бы противоположностей не существовало, то не существовало бы ни течения жизни, ни времени <...> Однозначна лишь смерть» (70). Еще одну важную вещь героиня понимает лишь тогда, когда ее отношения с Эммом близятся к концу, и в этом ей помогает миф об Амуре и Психее, согласно которому Психея потеряла возлюбленного, так как нарушила их уговор: не пытаться увидеть его лица. Вспомнив об этом мифе, героиня понимает, как важно не торопить события, и давать всему происходящему время полностью раскрыться: «... согласно мифу об Амуре и Психее нельзя пытаться рассмотреть лицо возлюбленного, пока тот спит. Не задавать вопросов, пока не придет время. Не забегать вперед» (131).

Притча, к которой обращается героиня, терзаясь вопросом о том, почему ее муж не захотел завести второго ребенка, позаимствована Агнетой Плейель из произведения Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Ницше приводит эту притчу в подтверждение своих идей о свободе индивида, о здоровом человеке будущего, сумевшем сбросить непосильную поклажу верблюда и усмирить гнев, бующий во льве, по Ницше, лишь таким образом человек

может обрести духовную свободу. В изложении же Агнеты Плейель эта притча звучит следующим образом: «При рождении ребенок — вращающееся колесо. Когда другие перекаладывают на него свою ношу, он становится верблюдом. Отправляется в странствие по пустыне. Там он встречается со своим гневом: львом. Верблюд и лев сражаются насмерть. И верблюд побеждает льва. В это самое мгновение верблюд вновь становится ребенком, а ребенок превращается в колесо, которое свободно катится по миру» (135). На последних страницах романа, когда героиня спустя несколько лет встречается Эмма на конференции в Амстердаме, у читателя создается ощущение обретенной ею внутренней свободы, несмотря на то, что герои вновь расстаются, и эта свобода получена ценой многих страданий и внутренней борьбы, и потому драгоценна вдвойне: «Хотя осень уже подходила к концу, воздух все еще оставался теплым, на секунду он обнял ее за плечи, это было приятно, но на улице Раадхюисптраат они расстались и пошли каждый своей дорогой» (206).

В одном из лирических отступлений Агнета Плейель сама анализирует свой роман устами главной героини, опираясь на основные принципы нарратологии, или теории о структуре повествования. Говоря о чисто формальной, композиционной стороне дела, героиня отмечает, что любое повествование должно соответствовать определенным критериям.

Повествование должно интриговать читателя, часто это достигается с помощью пророчества, присутствующего в начале повествования (здесь Агнета Плейель приводит в качестве примера миф о царе Эдипе и сказку о Спящей Красавице, а читатель при этом неизбежно вспоминает, что и сама героиня в начале романа встречается в мадридском парке профессора-футуролога Фалькхольма, в прошлом психолога, а ныне — специалиста по картам таро, который предсказывает ей скорое появление в ее жизни нового мужчины. Позднее героиня замечает, что гадания уже не в ходу, так как их место заняла психология, таким образом словно оправдывая свои беспрестанные попытки самоанализа).

Повествование должно иметь начало, середину и конец, ибо таково человеческое восприятие времени, но автор при этом может начать свой рассказ с любой из частей. При этом сам роман композиционно разделен автором на три части, носящие следующие названия: «Один», «Два», «Три». Тем самым Агнета Плейель делает намек в стиле постмодернизма, побуждая нас воспринимать

последовательность расположения частей в романе как лишь один из возможных вариантов.

И, наконец, существуют два типа повествования: исходящие из того, что жизнь бессмысленна, и доказывающие это, и такие повествования, в которых читатель вдруг обнаруживает тот самый смысл, при этом неожиданно для самого себя. Очевидно, что роман Агнеты Плейель относится именно к этому последнему типу и представляет собой произведение, в котором удивительным образом сочетаются черты классического повествования, увлекательный сюжет, тонкий и глубокий психологический анализ, живые эмоционально насыщенные образы и множество аллюзий и прямых цитат. Именно в этом сочетании простоты и сложности и состоит притягательная сила романа «Зима в Стокгольме».

¹ Pleijel A. En vinter i Stockholm. Stockholm, 2001. S. 60. Далее ссылки на страницу книги даются в тексте статьи в скобках сразу же за цитатой.

Natalia Press

AGNETA PLEIJEL'S NOVEL "A WINTER IN STOCKHOLM"

The article aims to analyze the novel from the narratologic and structuralistic point of view as well analyze the intertext and allusions used by the author of the novel. In this article the author takes up a question of different influences from several cultural persons mentioned in the text, and looks closer at the originality of the text's structure.

А. В. Савицкая

НОВАЯ ШВЕДСКАЯ ЛЕКСИКА: НАЧАЛО XXI в.

Новейшая лексика всегда чрезвычайно притягательный объект для исследования. В то же время оно сопряжено с рядом трудностей, главной из которых, вероятно, можно назвать ограничение круга анализируемого материала. Поэтому удобно воспользоваться подборками новых слов, публиковавшимися с 2001 по 2007 г. в журнале «Språkvård», а после его реорганизации продолжающимися в настоящее время публиковаться в журнале «Språktidningen»¹. Общий объем этого материала составляет около 300 единиц. Основным источником подборок служат базы данных шведской прессы, и, по словам составителей, в них включаются слова и выражения, воспринимаемые как относительно новые для шведского языка и актуализировавшиеся за соответствующий год или зафиксированные в языке ранее, но по каким-то причинам не вошедшие в последний словарь новой лексики². Детально анализировать такой корпус примеров едва ли целесообразно, поскольку эти лексические единицы еще не устоялись в языке, и не исключено, что некоторые из них в дальнейшем, возможно, не войдут в его основной словарный состав и даже не будут включены в следующий словарь новой лексики. В то же время думается, что такой материал позволяет сделать ряд наблюдений, касающихся некоторых тенденций развития современного шведского языка.

Главное достоинство исследуемой лексики в семантическом плане — ее актуальность: почерпнутые преимущественно из языка прессы лексические единицы позволяют проследить, какие пробле-

мы особенно волновали и продолжают волновать шведское общество в самом начале XXI в. Не случайно каждый перечень собранных за год новых слов предваряют несколько строк, напоминающих о самых важных событиях прошедшего года. Так, события 11 сентября 2001 г. послужили поводом для того, чтобы многие шведские газеты назвали этот год «жестоким». «Жестокость» года нашла свое отражение и в лексике, так или иначе связанной с угрозой терроризма: *bioterrorism* ‘терроризм, осуществляемый с помощью биохимического оружия’, *pulverbrev* ‘письмо с зараженным бактериями порошком’, *bin Ladin-rabatt* ‘снижение цен на авиабилеты с целью привлечения пассажиров после событий 11 сентября 2001 года’. Война в Ираке обусловила появление таких словосочетаний, как *vaga / bli blixad* < Hans Blix ‘действовать под влиянием выводов Ханса Бликса — инспектора ООН по вооружениям’ и *inbäddade journalister* ‘журналисты, работающие, находясь в составе нападающих военных подразделений’. Дальнейшее развитие сотрудничества между странами ЕС придало новое значение выражению *social turism* (если раньше оно означало ‘туризм для более широких слоев населения’, то его новое значение — ‘приезд населения из более бедных стран ЕС в более богатые с целью воспользоваться преимуществами социального характера’) и гарантировало ряду блюд национальной кухни статус традиционной фирменной продукции (*garanterad traditionell specialitet, GTS*). Большое количество новой лексики принесло во все языки мира развитие информационно-технических технологий, не стал исключением и шведский язык. Его словарный состав пополнился такими словами, как *SMS-meddelande* ‘SMS-сообщение’ (с разговорным вариантом *mess* и производным от него глаголом *messa*), *blogg* ‘блог’, *digital-TV* ‘цифровое телевидение’ и многими другими. В новой лексике также находят свое отражение проблемы внутривнутриполитического и просто бытового характера. На последних выборах в риксдаг значительного успеха добилась партия Центра, причем во многом благодаря своему лидеру Мод Улофссон, что сразу побудило шведов заговорить об «эффekte Мод» (*Maudeffekten*). Такой композит был образован по аналогии с уже имеющимся в языке словом *Westerbergeffekten*, связанным с аналогичным успехом лидера Народной партии Бенгта Вестерберга в 1985 г. В последнее десятилетие в Швеции большую актуальность приобрел вопрос о статусе шведского языка, что послужило толчком к многочисленным дискуссиям по

поводу форм и методов обучения языку, в частности, значительной прослойки иммигрантов, а также привлекло внимание к влиянию языка иммигрантов на шведский язык. Неудивительно, что среди новой лексики этого периода появилось два слова для наименования мультиэтнического варианта шведского языка — нейтральное *miljonsvenska* и пренебрежительное *blattesvenska*. О наличии определенных проблем во взаимоотношениях коренного населения Швеции с иммигрантами свидетельствует, вероятно, и присутствие в подборках нескольких слов, образованных от *svenne* ‘швед, средний швед’: *svennekoloni* ‘место, где доминирует шведское население’, *svennefiga* ‘приобретать привычки, характерные для шведов’ и *svennefieri* ‘ошведивание’. Из новой лексики можно узнать и о новостях шведской семейной жизни. Как известно, в ряде европейских стран семью теперь могут образовывать и лица одного пола. В Швеции такие пары имеют возможность оформить свои отношения юридически, но не церковно. Однако там было найдено некое промежуточное решение проблемы, которое зафиксировано в словах *kyrktrappsbröllor* и *kyrktrappsvisgel*, означающих, что юридическое оформление брака осуществляется на ступенях церкви. Интересными представляются и слова, связанные с воспитанием детей. Оказывается, например, что учебное заведение может выплачивать детям, усердно посещающим занятия, денежное вознаграждение, что находит отражение в словах *närvaropeng* ‘деньги за присутствие’ и *flitbonus* ‘бонус за усердие’. В приведенном в подборке примере из газеты речь, правда, идет о двух гимназиях, но думается, что сам факт включения этих слов в список новой лексики свидетельствует о том, что такое явление носит не единичный характер. К этой же теме примыкает и слово *curlingförälder* ‘родитель, стремящийся, во благо своего ребенка, убирать с его пути все трудности, подобно тому, как это делают игроки в кёрлинг’, о котором подробнее будет сказано далее. Перечень отразившихся в новой лексике проблем и событий этим, безусловно, не исчерпывается, однако, для более полной характеристики материала важно рассмотреть его источники и способы образования.

Основные способы пополнения словарного состава шведского языка — заимствование и словообразование. Для анализа новых заимствований удобно сопоставить данные подборок с данными последнего словаря неологизмов, включающего лексику 80–90-х годов³. Общий процент заимствований в исследуемом корпу-

се несколько ниже, чем в словаре. В то же время приблизительно пятую часть обоих корпусов составляют англо-американские заимствования. Среди них, естественно, много фонетических или, пользуясь шведской терминологией, «прямых» заимствований, которые преимущественно отражают достижения в области информационных технологий и некоторые явления современной действительности. Например: *webblogg* ‘вебблог’, *ip-tv* ‘Интернет ТВ’, *latteliberal* ‘1. излишне либеральный (о США); 2. ненастоящий либерал; *букв.* либерал, пьющий латте’, *flexitarian* ‘человек, то объявляющий себя вегетарианцем, то употребляющий мясо’. Заметим, что в отдельных случаях наряду с таким заимствованием в подборке может содержаться и его шведская калька: *daytrader* > *dagshandlare* ‘человек, занимающийся краткосрочной торговлей акциями по Интернету’, *trafficking* > *sexslavhandel* ‘трафикинг’, *functional food* > *funktionell mat* > *mervärdesmat* ‘особо полезная для здоровья пища’. Семантических заимствований в исследуемом материале немного: *personlig* ‘личный (в наименовании профессии)’ — *personlig astrolog* ‘личный астролог’, *personlig dietist* ‘личный диетолог’; *arfälla* ‘нечто столь притягательное, что человек, даже сознавая негативные последствия, не в силах от этого отказаться; *букв.* ловушка для обезьяны’. В то же время разного рода структурно-семантические или «переводные» заимствования составляют почти половину всех английских заимствований. Вот некоторые примеры: *dra ett streck i sanden* < *draw a line in the sand* ‘установить четкий предел’, *asymmetrisk krigföring* < *asymmetric warfare* ‘война между сторонами с принципиально разной военной организацией’, *julgranssyndrom* < *christmas tree syndrome* ‘состояние перегруженности (как у излишне украшенной рождественской елки)’, *skurkstat* < *rogue state* ‘государство-мошенник (не уважающее международные соглашения)’, *efterföljarskap* < *followership* ‘подражание кому-либо’, *vinterkräksjuka* < *winter vomit disease* ‘заразная болезнь желудка, сопровождающаяся рвотой и диареей’. Любопытно отметить, что два примера из этой группы попали в шведский язык из английского, хотя и были образованы от шведских имен. Это упомянутое выше выражение *vara / bli blixad* < *be Blixed* и *svenna sitt liv* < *sven your life* ‘организовать свою жизнь так, чтобы она была столь же успешной, как у футбольного тренера Свена-Йорана Эрикссона’. Кроме того, судя по комментариям в подборках новой лексики, шведам удалось «поделиться» с английским языком еще в двух случаях. В

2001 г. ученый секретарь Шведской академии Хорас Энгдаль ввел в обиход термин *vittneslitteratur* ‘произведения, описывающие события, свидетелем которых был сам автор’, а поскольку употребил он этот термин на Нобелевском симпозиуме, где рабочим языком был английский, то и в английском языке стало употребляться выражение *witness literature*. Новое шведское выражение *göra en hel pudel* ‘быть вынужденным униженно просить извинения’; *букв.* ‘сделать целого пуделя’ в «Файнэншл Таймс» сочли настолько удачным, что перевели его дословно: *do a whole poodle*. Подчеркнем попутно, что «целостность» пуделя в этом случае существенна, поскольку это выражение, появившееся в 2002 г., уже в следующем году обрело продолжение в виде возможности «сделать половину или три четверти пуделя», а также, при чуть меньшей степени униженности, «сделать лабрadora» (*göra en labrador*).

На фоне такого обилия англо-американских заимствований обращает на себя внимание крайне незначительное, даже по сравнению с последним словарем неологизмов, количество заимствований из других языков. Явно наблюдается сужение круга языков-источников заимствования. Даже немецкие и французские заимствования представлены в исследуемом корпусе единичными примерами, причем иногда попадающими в шведский язык через английский: *industrisafari*, *industrisightseeing* < *Industriesafari*, *Industriesightseeing* (нем.) ‘ностальгическое посещение старых, закрытых предприятий’, *triage* < *triage* (фр.) ‘выявление приоритетов при неотложной помощи больным’, *betårta* < *entarter* (фр.) ‘бросать торт в лицо оратору’. Конкуренцию этим двум языкам вполне успешно составляет японский язык, представленный тремя заимствованиями: *anime* ‘японская мультипликация’, *manga* ‘японские комиксы’, *sudoku* ‘японская головоломка’. Заимствования из других, более или менее экзотических для Швеции языков, включая русский, в корпусе примеров почти полностью отсутствуют. На этом фоне интересно наличие ряда заимствований из других скандинавских языков, преимущественно из датского. Из датского языка в этот период было заимствовано попавшее во многие языки слово *dogmafilm* ‘«догма» фильм’, уже упомянутое *curlingförälder*, а также *hjärtstartare* < *hjärtstarter* ‘дефибрилятор’ (правда, не исключено, что первым этим словом обогатился норвежский язык), *servicebarn* < *servicebarn* ‘ребенок, которому родители все преподносят на блюдечке’ и *flexicurity* ‘политика в области рынка труда,

предполагающая возможность регулярной смены деятельности при наличии социальных гарантий' (в датском языке слово было образовано по английскому образцу < flexibility + security). Из норвежского языка заимствованы: Ikeamonarki 'монархия, пользующаяся магазином ИКЕА' и mobilblottare 'человек, беззастенчиво обнажающий свою личную жизнь по мобильному телефону'. В ряде случаев, очевидно, трудно установить, какой скандинавский язык первым стал употреблять ту или иную лексическую единицу, и в комментариях подборок просто приводятся параллельные варианты. Сравнение со словарем новой лексики показывает некоторое увеличение числа заимствований из скандинавских языков.

Провести подробный анализ словообразовательной активности шведского языка на современном этапе в статье невозможно, однако исследуемый материал позволяет сделать некоторые наблюдения. Обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев лексические единицы фиксируются в подборках уже сразу с несколькими производными. Наиболее часто это наблюдается, когда в языке уже имеется «подходящая» модель. Ср.: SMS-meddelande 'SMS сообщение' → mess → messa и e-brev 'электронное письмо' → mejl → mejla; tårta 'бросать в оратора тортом' → tårtare → tårtning и läsa 'читать' → läsare → läsning; reklemmare 'участник уличного оцепления, протестующего против засилья машин' → reklemma и vinterbadare 'любитель зимнего купания' → vinterbada.

Ведущая роль в создании новой лексики в шведском языке традиционно принадлежит словосложению, и новый материал лишь подтверждает этот тезис: более половины корпуса приходится на сложные слова. В то же время для каждого периода развития языка выделяются компоненты композитов, приобретающие особую актуальность. В исследуемом корпусе вполне закономерно присутствуют цепочки композитов, в которых один из компонентов указывает на новейшие технические достижения. Так, в 2000 г. появляется несколько композитов с первым компонентом e- (< elektronisk): e-bio, e-demokrati, e-learning/e-lärande; в 2005 г. в шведском языке фиксируются глагол podda (< Ipod) 'скачивать музыку на mp3-плеер', существительное poddare и композиты poddradio и poddsändning. Вместе с тем в разряд «модных» компонентов попадают и некоторые лексические единицы, уже давно устоявшиеся в словарном составе языка: tok- (< tokig) '*пренебрежительное* приверженец какого-либо воззрения или само воззрение': tokbiolo-

gist, tokfeminism, tokfeminist, tokliberal; -varning ‘предупреждение’: kioskvältarvarning, gubbvarning, kalkonvarning, kitschvarning, kultvarning, patetvarning, prettovarning, tantvarning. Любопытной представляется ситуация с композитами с первым компонентом curling-‘кёрлинг’. Упоминавшееся выше существительное curlingförälder было в 2004 г. заимствовано из датского языка. Еще в 1996 г. тогдашний лидер партии Христианских демократов Альф Свенссон ввел в оборот слово curlingpolitik ‘политика, облегчающая что-либо кому-либо в ущерб себе’, однако только датское заимствование, получившее широкое распространение в шведской прессе, стало толчком к возникновению новых композитов curlingpolitiker и curlingstat, а также созданию глагола curla ‘баловать’ и антонима к curlingförälder — rugbyförälder.

Анализ новейшей лексики позволяет предположить дальнейшее укрепление в шведском языке словообразовательной модели, сочетающей в себе словосложение и аффиксацию. Исследуемый корпус содержит ряд подобных примеров, правда, исключительно с суффиксом -are: blandkostare, vindvändare, dagshandlare.

В соответствии с духом времени и стремлением к максимальной экономии средств выражения, среди новейшей лексики встречается значительное количество разнообразных сокращенных обозначений как шведских (kis ‘ученики, способствующие созданию благоприятной атмосферы в школе’ < kamratstödjare, friva ‘временная должность без ограничения сроков’ < fri visstidsanställning, FAR ‘физическая активность по рекомендации врача’ < fysisk aktivitet på recept, prio < prioritet), так и заимствованных (hbt — заимствованное из английского языка собирательное наименование для гомосексуалов, бисексуалов и транссексуалов, sars < Severe Acute Respiratory Syndrome).

В отношении аффиксального словопроизводства сопоставление материала подборок с данными словаря новой лексики показывает приблизительно сходную картину. Все суффиксы, отмеченные в словаре как наиболее продуктивные⁴, в той или иной степени представлены и в анализируемом материале. Правда, у производных существительных здесь еще более явно доминирует суффикс -are: tårtare, bloggare, spinnare, timellare. Можно также отметить, что в состав новых композитов входит значительное количество вторых компонентов-дериватов с суффиксом -are: biovältare, förarstödjare, stafettläkare, snurmästare, hjärtstartare, tvillingshoppare, vårdvisare.

Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие новых усилительных префиксов типа отмеченного в материале предыдущего периода mega-. В глагольном словообразовании откровенно доминируют отсубстантивные глаголы на -a. Эта группа составляет около 7% анализируемого корпуса. Почти половина единиц либо прямые заимствования (betårta, stalka ‘маниакально преследовать’), либо производные от заимствований (messa < mess, bloggga < blogg, googla < Google). Однако наиболее интересны собственно шведские неологизмы, поскольку они образованы от основ разного типа. Наряду с традиционными отыменными глаголами (krana ‘пить вино из коробки’ < kran, buda ‘предлагать цену’ < bud, gala in ‘собрать деньги на благотворительность’ < gala) присутствуют, например, производные от усечения (legga ‘попросить предъявить удостоверение личности’ < legitimation) и от ряда имен собственных (sverka ‘предъявлять претензии к купленному товару’ < Sverker Olofsson — ведущий соответствующей программы по ТВ, svenna sitt liv < Sven-Göran Eriksson). Особо хотелось бы остановиться на глаголе fickla ‘светить фонариком’ < ficklampra. Этот глагол стал победителем конкурса на лучшее слово, проведенного в 2001 г. среди детей. Автору глагола, Виктору Нильссону на тот момент было 2 года и 4 месяца, и, по сообщению мамы, он тогда особенно любил светить фонариком под одеялом. Думается, что сам факт создания такого глагола маленьким ребенком свидетельствует о несомненной предрасположенности языка к такой словообразовательной модели.

Можно предположить, что далеко не всем лексическим единицам исследованного корпуса суждено в дальнейшем закрепиться в словарном составе шведского языка. Однако изучение такого материала всегда представляет интерес уже потому, что он ярко отражает проблемы, волнующие шведское общество на конкретном этапе развития. Проанализированная лексика наглядно демонстрирует ряд тенденций, характерных для развития современного шведского языка. Прежде всего это дальнейшее увеличение удельного веса англо-американских заимствований. Но, как справедливо отмечает Ф. Линдстрём, сам по себе процесс заимствования не столь опасен — он приобретет характер настоящей угрозы для языка, только если шведы будут довольствоваться заимствованиями и перестанут создавать слова и выражения собственными силами⁵. Исследованный материал убедительно показывает, что данная опасность шведскому языку не угрожает — в новейшей лексике находят

отражение почти все продуктивные в конце XX в. словообразовательные модели. К особенностям материала в этом аспекте можно, вероятно, отнести дальнейшее увеличение удельного веса производных существительных с суффиксом *-age* и отыменных глаголов, а также отсутствие отличающихся особой продуктивностью усиительных префиксов.

¹ Журнал *Språkvård*, отражавший новые тенденции в развитии языка, издавался Комитетом по шведскому языку до середины 2007 г., когда был преобразован в журнал *Språktidningen*, который издается в настоящее время Советом по шведскому языку.

² *Lindgren B. Några nyare ord i svenskan // Språkvård. 2002. Nr 2. S. 19.*

³ *Nyordsboken. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok. Stockholm, 2000.*

⁴ *Moberg L. Inledning // Ibid. S. 13.*

⁵ *Lindström F. Världens dåligaste språk. Stockholm, 2000. S. 173.*

Anna Savitskaja

NEW SWEDISH WORDS AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

The article deals with analysis of lists of new words published in periodical *Språkvård / Språktidningen* between years 2001 and 2008. The total body of examples consists of around 300 words. By researching this material one is allowed to profile the key issues which the Swedish society has dealt with during the first decade of the 21st century as well as to make certain observations concerning some most characteristic modes of import and formation of words in the modern Swedish.

А. А. Салтыков

«МИФЫ» Й. В. ЙЕНСЕНА — НОВЫЙ ЖАНР МАЛОЙ ПРОЗЫ В ДАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ?

Наследие классика датской литературы Йоханнеса В. Йенсена (1873–1950) отличается яркостью и многообразием. Автор монументального полотна — эпического цикла «Долгий путь» (1908–1922), за создание которого писатель был удостоен Нобелевской премии по литературе (1944), — он зарекомендовал себя как новатор в поэзии. Так, например, его сборник «Стихотворения» (1906) оказал значительное влияние на развитие датской поэзии первой половины XX в. Именно Йенсен вводит на рубеже веков свободный стих в датскую литературу. Его перу принадлежат сборники рассказов и новелл о жизни крестьян ютландской провинции Химмерланд — выдающихся образцов национальной малой прозы; а его роман «Падение короля» (1901) признан, согласно опросу населения страны, лучшим литературным произведением, созданным на датском языке в XX в.

Значительной составляющей наследия писателя стали небольшие по объему философские зарисовки, которые получили название «мифы». Первые «мифы» выходят в свет в конце XIX в. Сначала они печатаются в периодических изданиях и только в 1907 г. публикуются отдельным томом, получившим название «Мифы и охота». В общей сложности исследователи насчитывают около 160 «мифов», собранных в девять сборников¹. Кроме этого, Йенсен выпускает несколько книг, в которых представлены уже опубликованные ранее произведения этого жанра. Автор дополняет их новы-

ми «мифами», предпринимая, таким образом, попытки по-новому классифицировать уже изданные произведения.

В творчестве датского классика, по мнению большинства исследователей и самого автора, эти сочинения играют значительную роль: они становятся своего рода квинтэссенцией его художественного метода, воплощение которого предстает как в его малой прозе, так и в масштабных романах и поэзии. Вместе с тем, говоря о «мифах», Йенсен неоднократно подчеркивает их жанровое отличие от прочих прозаических произведений и тем самым фактически декларирует создание нового литературного жанра. Писатель сравнивает создание жанра «мифа» с появлением литературной сказки в творчестве Х. К. Андерсена, отмечая при этом, что «миф» становится своеобразным преемником андерсеновского жанра.

В отечественной и зарубежной науке встречается несколько определений этого нового жанра малой прозы. В большинстве они опираются на те характеристики и свойства «мифов», которые оставил после себя их автор в обширном критическом материале — комментариях к собственным литературным произведениям. Так, определения жанра «мифа» в датских энциклопедических статьях о творчестве писателя, во многом вторят йенсеновской характеристике «мифа», представленной в работе «Миф как художественная форма» (сборник литературных эссе «Дневник 1916 года» (1916)). Здесь, как правило, отмечается, что йенсеновский «миф» — это отображение запечатленного в настоящем опыта взаимоотношений человека и природы в их взаимосвязи со временем².

Согласно Йенсену, большинство его произведений — мифы. Очевидно, что «миф» — философская новелла и, например, «роман-миф», имея в своей основе идентичное идейно-философское наполнение, а также в ряде случаев отдельные общие черты композиционного построения и стиля, относятся к разным формам. В большинстве случаев, когда писатель ведет речь о «мифическом» или «мифе», он говорит о своем художественном методе, не подразумеваемая исключительно «мифы» — философские новеллы.

Характеризуя свой метод в целом, Йенсен определяет его как «мифический», или «мифологический» (*mytisk*). В этой связи в упомянутом выше критическом эссе писатель, в частности, заявляет, что миф — наиболее емкий вид искусства, или отображение развития природы в определенный момент времени. Действительно, емкая форма мифа, в его классическом понимании, — древнего, до-

научного и дописьменного предания, изначально объяснявшего основные вопросы мироздания, — у датского писателя своеобразный «сосуд», который заполняется содержанием, не имеющим отношения к какой-либо отдельно взятой религии или мифологии. Здесь пристальному рассмотрению подвергается настоящее. Именно в повседневном настоящем писатель стремится отыскать следы универсального, найти отображение вечно актуальных тем и вопросов, волновавших человека во все времена. В «мифах-новеллах» зачастую отсутствует даже аллюзия на мифологию или религию. Чего нельзя сказать, например, о романах писателя, изобилующих намеками на мифологических героев и религиозно-мифологическими сюжетными параллелями и подтекстом.

Таким образом, мифологический метод Йенсена — это фактически универсальный принцип идеологического формирования любого художественного произведения, независимо от его жанровой специфики, с чем, вероятно, связано именование мифами большинства его литературных сочинений.

Говоря о «мифе» — новом литературном жанре, Йенсен представляет как в упомянутой выше статье, так и во многих других критических работах, ряд его определений, которые в большинстве своем — метафоры, как справедливо констатирует отечественный исследователь А. В. Сергеев в статье «Реализм и миф в творчестве Й. В. Йенсена»³. Их суть, как правило, сводится к определению художественного принципа автора — зафиксировать в произведении универсальное при помощи изображения частного: природного явления, эмоции, наблюдения, отдельного бытового случая или исторического события.

Очевидно, что творческие стремления писателя и их воплощение сложно назвать мифическими или мифологическими в общепринятом смысле. Равно как ошибочно было бы ставить знак равенства между мифом в его привычном значении и литературно-философскими зарисовками — новым новеллистическим жанром, который Йенсен именуется «мифом». Вместе с тем «мифы» сложно было бы однозначно отнести к какому-либо ранее существовавшему жанру. Синтезируя философскую новеллу, рассказ, путевые очерки и эссе, писатель создает некий пограничный жанр, обладающий некоторыми формальными и концептуальными отличиями от всех перечисленных литературных форм. При этом немаловажен и тот факт, что некоторые из «мифов» тяготеют к одному из смеж-

ных жанров, что, подчас не без основания, не позволяет некоторым исследователям классифицировать их как «мифы». В этой связи справедлива трактовка нового жанра И. П. Куприяновой: «По сути дела, йенсеновский “миф” — это новелла, чаще всего небольшая по объему и лишенная четко оформленного сюжета. Конкретное наблюдение или впечатление побуждает автора к философским размышлениям или становится исходной точкой полета его поэтической фантазии»⁴.

Действительно, рассуждая о жанре йенсеновского «мифа», нельзя не учитывать того факта, что стремления их автора тематически и композиционно обособить данные произведения, по всей видимости, произрастали из тех литературных условий, которые сложились в Дании на рубеже веков. Так, исследователь датской литературы А. В. Коровин справедливо связывает формирование нового жанра в творчестве Йенсена с отражением модернистских исканий в датской литературе рубежа веков⁵.

В работе «Мифы Йоханнеса В. Йенсена» датский литературовед Э. Далеруп подразделяет все произведения этого жанра на четыре группы: истории об охоте, описания животных, сами мифы и обычные новеллы⁶. В основу такой во многом обоснованной классификации положен тематический принцип. Вместе с тем на второй план отходит рассмотрение весьма значимых композиционно-стилистических особенностей, свойственных именно «мифам».

Композиция и повествовательная манера во многом определяют их жанровую обособленность. Художественное построение «мифов», как правило, сводится к бытовой зарисовке отдельного случая или события. Иногда, это впечатления автора от увиденного им предмета, пейзажа, животного, человека и так далее; в ряде «мифов» — от услышанной истории, предания или сказки. Этот частный, на первый взгляд незначительный опыт или наблюдение наталкивает писателя на глубокие философские размышления культурологического, эстетического или антропологического характера. Их тематика в то же время чрезвычайно разнообразна. В этом многообразии особое место занимают вопросы непостижимости окружающего нас мира («Фудзияма»), проблемы личностной и общественной морали («Львы»), темы свободы, красоты, поиска счастья. Здесь также нередко рассматриваются противопоставления природы и человека («Еж», «Кольшущаяся рожь»), художника и толпы («Комедианты», «Прыгун»), культуры и варварства; во-

просы скоротечности человеческой жизни, неминуемости смерти («Граждане Кале») и многое другое.

При этом построение некоторых «мифов» сводится только к детальной зарисовке какого-либо события, произошедшего с автором на охоте, во время путешествия, описанию природы или отдельного случая; иначе говоря, в этих произведениях отсутствует прямой авторский философско-дидактический комментарий. Эти «мифы» близки к жанру эссе или путевых заметок. В них читателю предлагается задуматься над одной из тех проблем, которую автор закладывает здесь как некий философский фундамент, подтекст, предоставляя тем самым читателю возможность самостоятельного размышления, разрешения той или иной философской проблемы («Северная весна», «Передышка», «Старинные часы», «Рыбы» и другие).

Стилистически в «мифах» Йенсен во многом остается верен той повествовательной манере, которая характерна для его прозы других жанров. Авторское «открытое присутствие» в его произведениях, анализ и оценочные характеристики описываемых явлений и событий, дидактичность и обилие риторических вопросов в значительной степени определяют их развитие. Такое непосредственное «участие» автора-повествователя и патетичность нередко соседствуют с яркой описательной манерой. Отдельные зарисовки выполнены в импрессионистской манере: деталь или краткая характеристика раскрывают в них суть изображаемого образа или явления.

Многие отечественные и датские исследователи отмечают поэтическую ритмику, а порой и музыкальность некоторых произведений этого жанра или их отдельных фрагментов. В этой связи И. П. Куприянова пишет: «Лирическая проза “мифов” порой приближается к свободному стиху, они безупречны стилистически, глубоко эмоциональны. Йенсен раскрывается в “мифах” как подлинный художник слова, владеющий тончайшими нюансами языка, неисчерпаемым богатством поэтических красок»⁷. Синтаксическую близость «мифов» к свободному стиху отмечает и датский историк литературы Ф. Биллескоу-Янсен⁸.

Нередко писатель вводит в текст «мифов» рифмованные вкрапления, придавая тем самым произведениям еще большую поэтичность. К стилистическим особенностям повествования в сочинениях этого жанра можно отнести также крайне редкое использование

прямой речи и диалогов. Эта характерная черта не только «мифов», но и прозы писателя в целом (подобная особенность повествовательной манеры встречается также в романах цикла «Долгий путь», во многих рассказах о жителях Химмерланда). Метафоричность, экспрессивность языка, многочисленные аллегории, характерные для «мифов», как неоднократно подчеркивает датский исследователь И. Хольк в книге «Знамение. Эссе о мифах Йоханнеса В. Йенсена»⁹, также делают узнаваемой манеру датского классика во многих литературных сочинениях — прозаических и поэтических.

Отличительной стилистической особенностью жанра «мифов» от большинства других произведений Йенсена может быть лексический подбор. Здесь не присутствует такого количества диалектизмов и архаизмов, как в его эволюционных романах цикла «Долгий путь», в романе «Падение короля» или рассказах о жителях Химмерланда. Это, вероятно, может быть обусловлено в первую очередь жанровой спецификой «мифов» и тем фактом, что изображаемое действие в большинстве случаев относится к современности.

Йенсеновский «миф» как новый жанр малой прозы не получил развития вне творчества его создателя и остается по сей день достоянием истории литературы. Вряд ли подобное продолжение традиции могло бы иметь место, принимая во внимание оригинальность мировоззрения писателя, виртуозность его стиля и незаурядность творческих стремлений, которые нашли воплощение в литературной форме. Вместе с тем богатство средств художественной выразительности, глубина философской проблематики, тематическая многогранность, а также тончайшее мастерство художника слова, проявившиеся в произведениях этого жанра, — еще одна грань бесспорного литературного таланта писателя, — позволяют отнести «мифы» к лучшим образцам малой прозы датской литературы XX в.

¹ «Мифы и охота» (1907); «Новые мифы» (1908); «Мифы. Новый сборник» (1910); «Мифы. Четвертый сборник» (1912); «Пизанг. Мифы. Пятый том» (1932); «Поле. Мифы. Шестой том» (1932); «Остров тюленей. Мифы. Седьмой том» (1934); «Божья коровка. Мифы. Восьмой том» (1940); «Мельница. Мифы и заметки. Девятый том» (1944).

² Den Store Danske Encyklopaedi. Bd 10. København, 1998.

³ Сергеев А. В. Реализм и миф в творчестве Й. В. Йенсена // Йенсен Й. В. Избранные произведения. М., 2000. С. 472.

⁴ *Куприянова И. П.* Предисловие // Йенсен Й. В. Избранное. Л., 1989. С. 14.

⁵ *Коровин А. В.* Диалектика жанра и малая проза М. Андерсена-Нексё // Материалы XVI конф. по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М.; Архангельск, 2008. С. 83.

⁶ *Dahlerup E.* Johannes V. Jensens myter // Columbus fra Himmerland. Farsø, 1994. S. 64–75.

⁷ *Куприянова И. П.* Предисловие. С. 14.

⁸ *Jansen F. J., Billeskov J.* Nyrealisterne. Halvfemseropgør og hverdagsrealisme // Dansk Litteraturhistorie. Bd 3. København, 1966. S. 486.

⁹ *Holk I.* Jærtegn. Et essay om Johannes V. Jensens myter. København, 2000.

Andrey Saltykov

“MYTHS” OF JOHANNES V. JENSEN —
A NEW NOVELLA GENRE IN THE DANISH LITERATURE?

The article deals with one of the most ideologically important and remarkable components of Johannes V. Jensen’s (1873–1950) authorship — volumes of “Myths”. Johannes V. Jensen, an outstanding representative of the Danish literature of the XX century and the Nobel Prize laureate (1944), is considered to be a founder of a new novella genre called “Myth”(Myte). The new genre is represented by nine volumes of novella works published in different periods of Jensen’s life. The article is focused on the analysis of composition, thematic and stylistic features of “Myths”. It also represents the limits definition of the new novella genre and its place in Jensen’s authorship.

Н. Н. Толстая

ГОСТЯМ ИЗ ШВЕЦИИ О ЛЕНИНГРАДЕ—ПЕТЕРБУРГЕ

Все путеводители на шведском языке о Ленинграде—Петербурге можно разделить на две неравные группы: книги, изданные в России, являющиеся переводом с русского (их меньше) и книги шведских авторов, изданные в Швеции (их больше). Шведские туристы начали ездить в Ленинград с 60-х годов XX в. Поток туристов нарастал, и это вызвало к жизни первые путеводители по Ленинграду на иностранных языках. В статье рассмотрим наиболее характерные путеводители.

Один из первых путеводителей о Ленинграде вышел в СССР — «3 dagar i Leningrad»¹. В середине 70-х к книгам такого рода предъявлялись незыблемые правила: требовалось подробно рассказать о событиях, связанных с Октябрьской революцией, с достижениями ленинградской промышленности, успехами в области здравоохранения и жилищного строительства. При этом происходил очевидный перекосяк в ущерб материалу о культуре и двухсотлетней истории города.

Как известно, официальными были названия: Театр оперы и балета имени Кирова, Педагогический институт имени А. И. Герцена, но в разговорной речи их часто называли: Кировский театр, Герценовский институт. В шведском переводе получилось: Kirovska opera- och baletteatern, Herzenska lärarhögskolan. По этому же шаблону переводчики называли и Музей связи имени Попова — Popovska post- och telemuseet.

© Н. Н. Толстая, 2009

Названия некоторых заводов, универмагов и станций метро переведены так, что туристу трудно догадаться, о чем идет речь. Так, Балтийский завод назван Östersjövarvet, универмаг Гостиный двор — varuhuset Saluhallen, станция метро Гостиный двор — tunnelbanestationen Saluhallen, проспект Непокоренных — De obesegrades väg. Встречаются в рассматриваемом путеводителе и просто нелепые утверждения. Так, туристу объясняют, что старое название площади Восстания — Знаменская площадь (Fantorget) образовано от слова fana. По-видимому, переводчик не знает, что на этой площади раньше находилась церковь Иконы Богородицы Знамение. Часто отсутствует логика и в топонимике. Невский проспект — Nevskij prospekt, а Лиговский проспект — Ligovovägen.

Путеводитель по Ленинграду, опубликованный в начале 80-х и выдержавший несколько изданий, называется «Leningrad med omgivningar»². Значительная часть книги — описание мест, связанных с именем В. И. Ленина, и подробному перечислению орденов и медалей, которыми, в духе времени, были награждены фабрики, институты, метрополитен и т. д. Но в целом книга издана добротнo, объем — 283 страницы. Перевод русского текста сделан, как и всегда в таких случаях, шведскими славистами.

В тексте многократно встречается оборот со словом «имени». Переводчики каждый раз переводят по-разному. Университет имени А. А. Жданова — Zhdanovuniversitetet, Ленинградская филармония имени Дм. Дм. Шостаковича — Leningrads filarmoni uppkallad efter Sjostakovitj, Театр оперы и балета имени С. М. Кирова — Kirovteatern för opera och balett, Ленинградское хореографическое училище имени А. Я. Вагановой — Leningrads koreografiska skola uppkallad efter Vaganova.

В путеводителе рассказывается о многочисленных памятниках Ленинграда. Все памятники лицам мужского пола переводятся, как staty av (Pusjkin, Ivan Krylov, Peter de store), а памятник женщине, как staty över Katarina den andra.

Нет логики и в переводе названий площадей. Площадь Труда, площадь Морской славы, площадь Искусств переведены формой родительного падежа: Arbetets torg, Marina ärans torg, Konsternas torg. А площадь Пролетарской диктатуры передается без соблюдения каких бы то ни было грамматических норм: torget Proletariatets diktatur. И это не опечатка: название площади Пролетарской диктатуры встречается в книге несколько раз.

Считаем неверным и перевод *Aleksej Lobanovs av Rostov hus* для обозначения особняка Лобанова-Ростовского. В отличие от французского «de», немецкого «von», шведского «av» в России при возведении во дворянство не появлялись изменения в фамилиях.

К путеводителю приложен краткий разговорник, который красноречиво свидетельствует об ушедшей эпохе. Комментарии не нужны. Важнейшие фразы для шведского туриста, проходящего советскую таможню, следующие: «Это вещи личного пользования. Вот вся моя валюта. Весь этот багаж мой. Это мой чемодан. Досмотр окончен? У меня нет вещей, запрещенных к провозу. Какую пошлину я должен уплатить? Сколько я должен уплатить за лишний вес?».

В 2005 г. вышел альбом на шведском языке — новый путеводитель по Петербургу, «*Sankt Peterburg och dess omgivning*»³. Это прекрасно иллюстрированная книга, написанная в отличие от вышеупомянутого путеводителя, без идеологических установок и клише. При переводе с русского на шведский всякий переводчик сталкивается с проблемой перевода религиозных терминов. Термин «царские врата» переведен в новом путеводителе как *tsarporten*. Между тем, с нашей точки зрения, правильнее было бы использовать термины *Hergens port* или *Kungarporten*, так как имеется в виду Царь небесный. Спорный вопрос — перевод названий русских икон. В рассматриваемом нами путеводителе иконы Казанской Богоматери, Владимирской Богоматери, Тихвинской Богоматери переведены, как *Vår Fru av Kazan*, *Vår Fru av Vladimir*, *Vår Fru av Tichvin*. В работах шведских ученых, специалистов по русским иконам⁴, существует традиция передавать слово Богоматерь, как *Gudsmodern*. Кроме того, правильнее было бы переводить названия вышеприведенных икон не с предлогом *av*, а с предлогом *från*, потому что знаменитые иконы или их копии обреты или привезены из Казани, Владимира, Тихвина. Вторая трудность связана с передачей на шведский язык титулов, званий и чинов, существовавших в дореволюционной России. В тексте мы встречаем два варианта перевода названия известной картины Флавицкого «Княжна Тараканова»: *furstinnan Tarakanova* и *prinsessan Tarakanova*. Слово *prinsessan* точнее, так как означает члена королевской семьи, а княжна Тараканова выдавала себя за дочь царицы Елизаветы Петровны.

В целом рассматриваемая книга — лучший путеводитель по Петербургу на шведском языке, имеющийся на сегодня.

Один из первых (1963 г.) путеводителей, не являющийся переводом с русского и написанный шведскими авторами — «Leningrad. Moskva»⁵. Недостаток этого издания — путаница или отсутствие логики в топонимических названиях; по-видимому, сказалось недостаточное знание авторами русского языка. Так, площадь Коммунаров переводится, как *Kommunardplatsen*, а бульвар Профсоюзов, как *boulevard Profsa Jusov*. Улица Герцена — *Herzengatan*, улица Горького — *ulitsa Gorkovo*, проспект Добролюбова — *prospekt Dobroljubov*. Манеж кадетского корпуса — *Cadett-corpsens manege*, домик Петра Великого — *Peter den stores domik*.

Отдельная глава этого путеводителя называется «Чего нельзя делать». В 1963 г. шведам не рекомендовалось нарядно одеваться (привлечет нездоровое внимание советских людей), не покупать с рук антиквариат и ювелирные изделия (как бы им этого не хотелось), самим не продавать собственные рубашки и носки, не сорить на улице. Не разговаривать о политике, так как советские люди убеждены, что уровень жизни в СССР гораздо выше, чем в Швеции, поэтому дискуссии на политические темы бессмысленны. Большое внимание уделяется в книге сувенирам, причем по каждой группе сувениров даются комментарии. Валенки (*valenki*, *ryska filstövlar*) удобны при сильном холоде. Ватник (*den vadderade, täckstickade jackan*) — самая ходовая одежда в советской провинции, практична при работе на улице. Сушки (*ryska kringlor*) сохраняются очень долгое время. Куклы-неваляшки (*majkastanka*) — забавные игрушки. Тубетейки (*de guldbroderade små uzbekistanska mössorna*) — красивые вещи, но непонятно, что с ними в Швеции делать.

В приложении к путеводителю авторы советуют туристу использовать следующие фразы первой необходимости: «Я первый раз в СССР. У меня шведский паспорт. Где кукольный театр? Я любитель концертов. После киносеанса пойдем куда-нибудь выпить чаю. Я хочу принять ванну, но вода совсем холодная. Предлагаю тост за мир!»

Книга Стефана Линдгрена «Leningrad — på andra stranden»⁶ вышла за год до переименования города в Санкт-Петербург. Это не просто путеводитель. Здесь даются как обширные сведения по почти трехсотлетней истории города, так и подробное описание культурной и социальной жизни ленинградцев. К сожалению, исторический материал, приводимый автором, не выдерживает критики.

Описывая события первого марта 1881 г., Линдгрэн сообщает, что покушение на Александра II было подготовлено так хорошо, что террористы справились и без руководителя, Софьи Перовской, которая была арестована за три дня до покушения. На следующей странице читатель узнает, что Софья Перовская, наблюдавшая за действием бомбометателей, убедилась в гибели царя и отправилась в кондитерскую. Приводим еще примеры, далеко не соответствующие исторической правде:

— Рюрик прибыл к нам вместе со своими сыновьями — Синесом и Тривором.

— Провокатор Азеф был казнен большевиками в 1918 г. после того, как он был разоблачен как двойной агент.

— Ежегодно, 6-го января, царская семья отправлялась из Зимнего дворца на водосвятие. Во льду на Неве была сделана прорубь, в которой священники крестили новорожденных. Вокруг ледяной проруби теснились бабушки, ожидая, когда окрестят их внуков. Иногда новорожденные выскальзывали из замерзших рук священнослужителей и исчезали подо льдом. В таких случаях родители полагали, что их ребенок отправлялся прямо на небо.

— Жители Гражданского проспекта называют свой район — ГДР. Дело в том, что эта окраина Ленинграда очень напоминает бетонные гетто Восточной Германии.

Самый популярный путеводитель по Петербургу за последние годы — «S:t Petersburg»⁷. Книга вышла в серии «Первый класс. Города мира», она прекрасно иллюстрирована. Первоначально путеводитель вышел на английском языке и вскоре был переведен на все европейские языки, включая шведский. Многочисленные карты, алфавитный и тематический указатели всех упомянутых достопримечательностей делают этот путеводитель по городу незаменимым помощником туристов. Из предисловия следует, что шведская редакция тщательно проконтролировала все сведения, приведенные в издании. К сожалению, контроль не был тщательным.

— Лев Троцкий обучал в Смольном институте красную гвардию для последующего штурма Зимнего дворца.

— Кавалерская столовая (Kavaljermatsalen) в Екатерининском дворце названа так, потому что в этой столовой кавалеры ухаживали за дамами.

— В 1885 г. Александр III заказал братьям Фаберже пасхальное яйцо для своей жены, царевны Марии Федоровны.

Путеводитель снабжен разговорником. Новое время диктует новые фразы первой необходимости. «Помогите! Милиция! Позовите врача. Оставьте меня в покое. Я заблудился». Приметами нового можно считать и название одной из глав о городском такси «Тjastniki» («Частники»). Порой авторы употребляют слова, крайне неудобные для произношения: *sidjasjtjyj* (сидячий вагон).

Рассмотренные нами путеводители сыграли и продолжают играть важную роль: знакомят шведских туристов с достопримечательностями нашего великого города на их родном языке. Разговорники, использующие в разные исторические периоды новые фразы и обороты, наглядно отражают смену эпох. Неверный или спорный перевод названий отдельных улиц, площадей, религиозных терминов зависит как от квалификации переводчика, если перед нами перевод с русского, так и от знаний и опыта автора, пишущего оригинальный текст по-шведски. Досадны ошибки, связанные с искажением исторических фактов, — переводческие трудности здесь ни при чем.

¹ *Kann Pavel*. 3 dagar i Leningrad. Moskva, 1978.

² *Dorosjinskaja J., Krutjina-Bogdanov V.* Leningrad med omgivningar. Moskva, 1984.

³ *Popova Natalja*. Sankt-Petersburg och dess omgivningar. Sankt-Petersburg, 2005.

⁴ *Abel Ulf*. Ikonen — bilden av det heliga. Värnamo, 1989; *Pettersson Per*. Ikoner. En introduktion. Uddevalla, 1984.

⁵ *Vinberg Margit, Hallström Björn Henrik, Hamrin Harald*. Leningrad. Moskva. Stockholm, 1963.

⁶ *Lindgren, Stefan*. Leningrad — på andra stranden. Stockholm, 1990.

⁷ *Phillips Catherine, Rice Christopher och Melanie*. St Petersburg. Stockholm, 1999.

Natalya Tolstaya

INFORMATION ABOUT ST. PETERSBURG/LENINGRAD FOR SWEDISH GUESTS

The article reviews guide-books about Leningrad — St.-Petersburg in Swedish published both in Soviet days and currently. Swedish tourists traditionally use Russian guide-books translated into Swedish as well as guide-books written by Swedish authors and published in Sweden. Guide-books of different epochs are studied critically in terms of their historical accuracy, language and style.

Д. А. Удилова

ФУНКЦИИ ВЫНЕСЕНИЯ РЕМЫ В НАЧАЛЬНУЮ ПОЗИЦИЮ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

При рассмотрении порядка следования компонентов коммуникативной структуры высказывания различными исследователями выделяется, как правило, два варианта: объективный и субъективный. Такую терминологию впервые предложил чешский языковед, основоположник теории актуального членения предложения В. Матезиус в статье «О так называемом актуальном членении предложения». Объективным, или обычным, порядком слов В. Матезиус называл такой порядок следования компонентов коммуникативной структуры высказывания, «при котором за исходный пункт принимается начальная часть предложения, а за ядро — его конец»¹. Иначе говоря, высказывание начинается темой, за которой следует рема. В. Г. Гак, исследуя порядок слов во французском языке, называл такое расположение компонентов коммуникативной структуры высказывания «нейтральным словопорядком, отражающим движение мысли от известного к неизвестному, т. е. от темы к реме»². Однако, по мнению В. Матезиуса, существует также «обратный порядок: сначала стоит ядро высказывания, а за ним следует исходный пункт. Этот порядок субъективный, при нем говорящий не обращает внимания на естественный переход от известного к неизвестному, ибо он так увлечен ядром высказывания, что именно его ставит на первое место. Поэтому такая последовательность придает ядру особую значимость»³. Таким образом, в

© Д. А. Удилова, 2009

нейтральном высказывании в языках как с фиксированным, так и со свободным порядком слов, при «нормальном» развитии мысли для ремы наиболее характерна конечная позиция. Однако существуют случаи постановки ремы в начальную позицию высказывания, например, в шведском языке, о чем и пойдет речь в настоящей статье.

Не все лингвисты признают возможность замещения начальной позиции высказывания ремой. Так, норвежский исследователь Я.-Т. Форлунд, исследуя актуальное членение предложения в норвежском языке, считает, что тема и рема выделяются в первую очередь позиционно, поэтому случаи помещения ремы в начальную позицию он относит к примерам «сфокусированной темы»⁴. Другие авторы, как отечественные, так и зарубежные, сходятся во мнении, что начальная позиция может замещаться как темой, так и ремой⁵.

На основании анализа шведского материала целесообразно выделить четыре функции помещения ремы в начало высказывания: 1) экспрессивную эмфазу; 2) расчленение ремы; 3) разгрузку конструкции; 4) тематизацию части ремы.

Эмфаза — это «выделение важной в смысловом отношении части высказывания <...> обеспечивающее экспрессивность речи. Эмфаза достигается просодическими средствами — интонацией, особым эмфатическим ударением <...> использованием особых эмфатических слов — усилительных частиц, вспомогательных местоимений <...> синтаксическими средствами, в основном инверсией⁶, либо сочетанием всех или части этих средств»⁷.

Как следует из определения субъективного порядка слов, предложенного В. Матезиусом, препозиция ремы не встречается в нейтральной речи; предложения с ремой в начальной позиции, как правило, характеризуются эмфатическим выделением и эмоциональной окрашенностью. В. Г. Гак называет порядок слов с ремой в начальной позиции эмфатическим, «при котором на первое место выносится то, что психологически, эмоционально, оказывается более важным. Поэтому нередко психологическое состояние персонажа описывается раньше его действий»⁸.

А. И. Смирницкий рассматривает случаи эмфазы в английском языке как реализацию экспрессивно-стилистической функции порядка слов: «Очень часто бывает необходимо выделить в речи то или иное слово, чтобы таким образом указать на то, чему следу-

ет уделить особое внимание <...> помимо интонации и ударения, в этих целях используется также порядок слов: выделяемое слово выдвигается на первое место в предложении. Такое расположение слов придает всему высказыванию определенную экспрессивность, не меняя самого смысла высказывания»⁹. При этом стилистическая функция может быть настолько сильна, что «пересиливает грамматику», и в начальной позиции оказываются такие элементы высказывания, для которых она совершенно не свойственна, например, отрицание. В шведском языке отрицание тесно связано с глаголом и всегда входит в состав предикативной группы (сказуемого). При вынесении отрицания в начальную позицию, помимо того, что оно занимает не свойственную ему позицию, происходит разрыв предикативной группы, что дополнительно акцентирует эмоциональное эмфатическое выделение отрицания в начальной позиции: — *Vi som bor här brukar inte sitta nere vid älven och tjuta, säger han...* — **Inte** sitter jag här och grinar, svarar den främmande pojken (M, 50–51) ‘— Мы, местные жители, обычно не сидим у реки и не режем, — говорит он <...> — И вовсе я тут не режу, — отвечает незнакомый мальчик’.

Иногда отрицание может дублироваться, т. е. помещаться и в начальной позиции в целях эмфатического, экспрессивного выделения, и на своем обычном месте — в позиции ремы: *Uppväckt döda? Inte har han det inte!* (L, 41) ‘Воскрешал мертвых? Нет, никогда!’. Такое дублирование отрицания-ремы увеличивает степень экспрессивности высказывания.

Эмфатическое выделение более всего характерно для устной разговорной речи или ее передачи в художественном тексте, а также для несобственно-прямой речи и описания эмоционального состояния персонажей, поскольку эмфаза используется для выражения интенций и чувств говорящего, что не свойственно нейтральному повествованию: *Han är den första att ge mej stryk. Han flyger på mej bakifrån, slår hårdast och inte bara slår, han pinar också, klämmer åt de ömmaste ställena. Om hon såg honom då! Ett odjur är han.* (O, 389) ‘Как бить меня, так он первый. Налетает сзади, бьет сильнее всех, да и не только бьет, а еще мучает — щиплет, где больнее всего. Если бы она видела его тогда! Мерзавец’. Эмфатическое выделение и оценочность содержатся уже в самом значении слова *odjur* ‘мерзавец, чудовище’; вместе с тем постановка предикатива на первое место в предложении позволяет выделить его эмфатически.

Расчленение ремы. В шведском языке при объективном порядке слов с ремой в конечной позиции высказывания ремовыделительное ударение получает лишь один компонент предложения. Однако рема часто бывает выражена синтаксической группой, и в выделении нуждается не последняя часть, а весь ее состав. В этом случае рема расчленяется, и первая из ее частей выносится в позицию абсолютного начала предложения. Тем самым достигается сильное выделение обеих равно значимых частей ремы.

Случаи расчленения ремы и помещения первой из выделенных частей в начальную позицию высказывания тесно связаны с эмфазой, так как вынесение части ремы осуществляется с целью ее выделения, часто экспрессивного. В сущности, это та же эмфаза; однако в отличие от рассмотренных выше примеров не вся оставшаяся часть предложения оказывается темой, и в конце помещается не компонент с избыточной информацией, а вторая часть ремы, также выделяемая ударением в позиции абсолютного конца предложения. Расчленяемая рема всегда составляет единый информативный блок, так как независимо от количества членов предложения, входящих в состав ремы, или от объема выражающей ее синтаксической группы это единый компонент коммуникативной структуры высказывания: *Alltid händer det om natten* (M, 17) 'Всегда это случается ночью'. В этом примере рему составляют два различных обстоятельства времени — *alltid* и *om natten*, при прямом порядке слов: *Det händer alltid om natten*, — фразовым акцентом выделяется только предложно-именное словосочетание *om natten* — вторая часть ремы, а высказывание имеет нейтральное звучание, тогда как выделение обеих частей придает речи экспрессивность. При расчленении ремы речь идет о двух разных способах выделения ее частей: в начальной позиции обстоятельство времени *alltid* выделяется эмфатически, чему способствует и оценочный компонент значения наречия *alltid*; тогда как в конечной позиции обстоятельство времени *om natten* выделяется позиционно, фразовым акцентом как рема в конечной позиции. При помещении в начальную позицию второй части ремы она становится темой высказывания: *Om natten händer det alltid*. При таком порядке расположения компонентов предложения выделяется только наречие *alltid*, оно входит в состав ремы, представленной всей оставшейся частью высказывания, и является ее ядром. Такая трансформация порядка слов изменяет смысл всего высказывания: теперь в нем говорится не о том, что

нечто случается **всегда ночью**, а не утром и не днем, а о том, что это случается **каждую ночь**.

Разгрузка конструкции. Иногда рема бывает выражена объемной синтаксической группой — распространенным членом предложения или сразу несколькими членами предложения, представляющими собой тяжелую конструкцию, сложную для восприятия, если она целиком расположена в конце предложения. Для облегчения понимания содержания высказывания такая рема расчленяется, и первая ее часть выносится в начальную позицию; «при этом каждая расщепленная часть выделяется отчетливее, чем без расщепления — при сплошном нагромождении компонентов развернутого»¹⁰ члена предложения.

Исследуя такое расщепление комплексной ремы на материале английского языка, В. Е. Шевякова называет его «разукрупнением» конструкции и отмечает, что в нем реализуется стилистическая функция инверсии, так как облегчение конструкции ведет к улучшению стиля¹¹.

Функцию разгрузки, или «разукрупнения», конструкции можно соотнести с функцией выделения частей расщепленной ремы, с той лишь разницей, что при «разукрупнении» ремы определяющим выступает стилистика речи, направленная на облегчение восприятия, тогда как при расщеплении ремы на первый план выходят выделение обеих частей и смысл, вкладываемый в него автором сообщения: *Varenda medsoldat fick också lära sig, att det var precis detsamma med samhällsformerna: från en planlös hord hade samhällskroppen utvecklats till den högst organiserade och differentierade av alla former: vår nuvarande Världsstat* (В, 65) 'Каждый товарищ должен был также заучить, что абсолютно то же самое произошло и с формами общественного устройства: от беспорядочной орды тело общества развилось до самой высокоорганизованной и строго дифференцированной из всех форм: нашего современного Мирового государства'. Сравним приведенное выше высказывание с его трансформацией в предложение с прямым порядком слов: *Samhällskroppen hade utvecklats till den högst organiserade och differentierade av alla former: vår nuvarande Världsstat*. Действительно, здесь имеет место нагромождение компонентов; притом, что основным ударением выделяется лишь последний из них (*vår nuvarande Världsstat*), восприятие остального состава ремы сильно затруднено. По смыс-

лу и структуре распространенное обстоятельство образа действия, составляющее рему, четко разделяется на две части: [*från ...*] — [*till ...*]. За счет их разведения (при помещении первой части в начало высказывания, а второй в конец) осуществляется не только разгрузка конструкции, но и более четкое логическое структурирование содержащейся в высказывании информации: начальная точка развития — смысловой переход (тема, т. е. к чему относится это развитие) — итог развития.

Тематизация части ремы заключается в том, что при расчленении комплексной ремы и вынесении второй ее части в начальную позицию перемещаемый компонент утрачивает свою рематичность и становится темой высказывания. Таким образом, многокомпонентная рема утрачивает целостность, а отношения между элементами расчлененной структуры изменяются: оставшаяся часть ремы содержит информацию о вынесенном компоненте, а не о том, что было бы темой при прямом порядке слов. Сохранившийся рематический компонент расчлененной структуры становится ядром комплексной ремы, представленной остальной частью высказывания, следующей за тематизированным компонентом в начальной позиции: *Först talte han en stund om sin käre Mästare, något annat kallade han honom aldrig* (L, 91) ‘Сначала он немного говорил о своем дорогом Учителе, по-другому он его не называл никогда’.

Проведем трансформацию высказывания в предложение с прямым порядком слов: *Han kallade honom aldrig något annat*, в котором *aldrig något annat* бесспорно рема. Однако при сравнении компонентов *aldrig* и *något annat* в предложении примера видно, что они обладают различной коммуникативной значимостью и соотносятся как тема и рема, а не как равнозначные части ремы, поскольку наречие *aldrig* сообщает новую информацию о референте словосочетания *något annat*; вместе они не образуют смыслового целого, составляющего ядро ремы, как в предложении с прямым порядком слов.

Таким образом, все выделенные функции вынесения ремы в начальную позицию высказывания соотносятся между собой. Расчленение ремы и разгрузка конструкции — это частные случаи эмфазы при субъективном порядке слов, который некоторые исследователи называют эмфатическим. Функция тематизации части ремы — вариант трансформации порядка следования компонентов высказывания с расчлененной ремой. Однако каждая из перечисленных

функций имеет и свои особенности, поэтому целесообразно выделять все перечисленные функции вынесения ремы в начало высказывания как самостоятельные.

¹ *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 244.

² *Гак В. Г.* Порядок слов во французском языке // Очерки типологии порядка слов. М., 1986. С. 161.

³ *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения. С. 245.

⁴ *Faarlund J.-T.* Norsk syntaks i funksjonell perspektiv. Kristiansand, 1992. S. 94–95.

⁵ *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения; *Шевякова В. Е.* Вариации порядка слов современного английского языка в аспекте функционального синтаксиса: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981; *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981; *Ekerot L.-J.* Ordföljd, tempus betämdhet. Malmö, 1995; *Enkvist N. E.* Några textlingvistiska grundfrågor // *Språket i bruk.* Lund, 1984; *Teleman U.* Grammatik för gymnasister // *Loman B. m fl.* Språket i blickpunkten. Lund, 1969 etc.

⁶ Инверсией часто называется обратный порядок следования компонентов коммуникативной структуры высказывания, при котором рема предшествует теме.

⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 592.

⁸ *Гак В. Г.* Порядок слов во французском языке: Очерки типологии порядка слов. М., 1986. С. 161.

⁹ *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М., 1957. С. 70.

¹⁰ *Шевякова В. Е.* Вариации порядка слов современного английского языка в аспекте функционального синтаксиса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1982. С. 19.

¹¹ *Шевякова В. Е.* Вариации порядка слов...: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981. С. 223.

СОКРАЩЕНИЯ

В — *Boye K.* Kallokain. Stockholm, 1992.

L — *Lagerkvist P.* Barabbas. Stockholm, 1950.

M — *Mankell H.* Hunden som sprang mot en stjärna. Stockholm, 1998.

O — *Olsson H.* Motorcykeln // *Andra tider.* Läsebok för folkhemmet. Stockholm, 1994.

Darja Udilova

FUNCTIONS OF RHEME IN THE BEGINNING OF A SENTENCE IN MODERN SWEDISH

The article proposes an approach to pick out four different functions of rheme in the very beginning of a sentence; they are emphasis, divided

rheme, facilitated construction and thematizing of a part of a compound rheme. The emphasis is the extra force that the speaker gives to a word placed in the beginning of the sentence which has the particular importance in an emotional speech or text. The divided rheme the speaker can use to stress both important parts of a compound rheme; in this case the rheme is divided into two parts and the first of them is moved to the beginning position in the sentence. The facilitated construction is used for making a complicated compound construction easier to understand, thereto the rheme is also divided into two parts and the first of them is moved to the very beginning of the sentence. If the speaker moves the second part of the divided rheme to the first position in the sentence then it becomes its theme, this process can be called thematizing.

Е. М. Чекалина

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАММАТИКИ И СЕМАНТИКИ РОДА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Кардинальная перестройка именного склонения в процессе выравнивания падежных флексий в шведском языке привела к исчезновению парадигматических различий между мужским и женским родом, в результате чего произошло их слияние в общий род¹. К концу среднешведского периода на унаследованную от старой системы принадлежность существительных к мужскому или женскому роду указывали только анафорические местоимения *han* и *hon*². Перестройка именной парадигматики повлекла за собой включение в систему местоимений 3-го лица указательного *den* для обозначения предметного общего рода. Утверждение *den* в новой для него анафорической функции имело длительную историю, которая увлекательно рассказана в книге выдающегося шведского филолога Э. Тегнера младшего «Om genus i svenskan»³. В диссертации Х. Давидсона этот процесс подробно описан с использованием статистических данных⁴. Оба исследования показывают, что взаимодействие грамматики и семантики рода в шведском языке происходило в сложном переплетении внутрисистемных изменений и внешних социокультурных факторов, включая деятельность языковедов и нормализаторов. По образному выражению Э. Тегнера, анафорическое местоимение *den* вначале было «аристократическим словом», служившим яркой стилистической приметой официально-деловых текстов, а вместе с тем и социальной принадлежности их создателей. Оно появилось в шведской канцелярской прозе конца

XV в. и стало широко употребительным в XVI–XVII вв. в письменной, а позднее и в устной речи принадлежавших к аристократическим кругам высших должностных лиц Швеции, включая представителей королевского двора. Об этом свидетельствуют, например, протоколы верхней палаты шведского риксдага середины XVII в., а также тексты, вышедшие из-под пера короля Густава Адольфа (1594–1632), где в половине случаев неодушевленные существительные общего рода замещались местоимением *den*. В завещании государственного канцлера Швеции Аксея Оксеншерны (1583–1654), собственноручно написанном им в 1650 г., *den* в анафорической функции встречается чаще, чем *han* и *hon*⁵. В связи с появлением большого количества новых реалий общественной жизни в XVII в. в шведский язык вошло много абстрактных существительных, которые сразу стали замещаться при анафоре местоимением *den*⁶. Появление новой функции *den* в официально-деловом стиле позволило Э. Тегнеру предположить, что его внешней причиной было датское влияние на шведскую канцелярскую прозу в условиях Кальмарской унии (1389–1521)⁷. Внутренний механизм этого процесса он объяснял переосмыслением местоименной энклитики accusativa мужского рода *'en*, по аналогии с энклитикой *'et* в среднем роде:

i neutrum: Jag tog det > vardagl. (обиходно-разг.): jag tog'et > åter vårdat (ставшее нормативным): jag tog det;

i maskulinum: Jag tog han (ack.) > vardagl. (обиходно-разг.): jag tog'en > åter vårdat i analogi med neutrum (ставшее нормативным по аналогии со средним родом): jag tog den⁸ (перевод в скобках мой. — Е. Ч.).

По контрасту с официально-деловыми текстами, которые испытывали сильнейшее влияние датского и нижненемецкого, в ученой прозе, а также в поэзии и драматургии — наиболее распространенных литературных жанрах XVII–XVIII вв. — *han* и *hon* при замещении неодушевленных существительных прочно удерживали свои позиции до середины XVIII столетия. Так, шведский поэт и просветитель XVII в. Георг Шернфельм (1598–1672) совсем не использовал *den* в анафорической функции. В произведениях выдающегося деятеля шведского Просвещения XVIII в. Улова фон Далина (1708–1763), по данным Э. Тегнера, *han* и *hon* встречаются при замещении неодушевленных существительных в 5 раз чаще, чем *den*, что в значительной мере может быть обусловлено широким

использованием метафоры. В научной прозе К. Линнея (1707–1778) *han* и *hon* употребляются при замещении неодушевленных существительных в 4 раза чаще, чем *den*⁹. Только во второй половине XVIII в. в густавианскую эпоху *den* окончательно и прочно утвердилось в письменной и устной речи близкой к аристократическим кругам культурной элиты. Как писал Э. Тегнер, не только король Густав III (1764–1792), но и шведские писатели и поэты того времени Ю. Чельгрэн (1751–1795), К. Г. Леопольд (1756–1829), А. М. Леннгрен (1754–1817), Т. Турильд (1759–1808) были приверженцами *den*: «de voro i det närmaste rena *den*-människor»¹⁰.

В то же время в диалектах еще долго использовались только *han* и *hon*. Свидетельством постепенного распатывания родовой системы здесь стала вариативность при выборе анафорического местоимения мужского или женского рода для неодушевленных существительных, в зависимости от их лексического значения. Это выразалось, в частности, в том, что абстрактные существительные женского рода в отличие от конкретных замещались местоимением *han*. Таким образом, в диалектах наблюдалась тенденция к семантизации грамматического рода по признаку одушевленности / неодушевленности. Показательна в этой связи эволюция категории рода в одном из местных диалектов северной Швеции во второй половине XX в. По данным, опубликованным в статье М. Теландер, независимо от возрастных различий говорящих, в нем наблюдалось распространение *han* на исконные неодушевленные существительные женского рода, а также его использование при замещении новых заимствованных слов общего рода, уже не отягощенных старой родовой принадлежностью (таких, например, как *bil*, *buss*, *moped*). Важную роль играл, видимо, и морфосемантический фактор наличия согласного в исходе основы. Конкурировавшее с *han* местоимение *den* при анафоре в первую очередь распространялось на предметные существительные женского рода¹¹.

В произведениях изящной словесности использование местоимений мужского и женского рода вместо неодушевленных существительных дольше всего удерживалось в поэзии, хотя и здесь имела место вариативность, обусловленная, однако, художественными задачами. Так, существительное *solen* исконно женского рода могло замещаться в поэтических произведениях местоимением *han*, а *tånen* исконно мужского рода, напротив, местоимением *hon*. Э. Тегнер приводит интересные примеры из стихотворений одного

из ранних представителей шведского романтизма Э. Ю. Стагнелиуса (1793–1823), написанных уже в начале XIX в., в которых луна выступает сестрой или невестой солнца и, следовательно, замещается местоимением *hon*¹². Как остроумно заметил У. Телеман, ночь теперь уже не обязательно должна была представлять только в образе мягкой привлекательной женщины; ее могли сравнивать и с жестоким, наводящим страх мужчиной¹³. Видимо, устойчивостью поэтической традиции можно объяснить аналогичное употребление *hon* о луне и у А. Стриндберга: *Hon kysser fjället på pannan*¹⁴.

К началу XVIII в. *den* использовалось в 80% случаев при замещении неодушевленных существительных общего рода в официально-деловых текстах и в 30–40% — в религиозной и светской прозе¹⁵. Однако его окончательное закрепление в качестве анафорического местоимения предметного общего рода произошло в шведском литературном языке только в XIX в. По подсчетам, сделанным Э. Тегнером на материале восьми крупнейших шведских газет конца XIX в., выходявших с 11 по 13 июня 1892 г., в них не встретилось ни одного употребления *han* и всего два употребления *hon* при замещении неодушевленных существительных¹⁶. По данным Х. Давидсона, в первой трети XX в. использование *den* в анафорической функции стало стопроцентным в официально-деловой и научной прозе и почти стопроцентным в других типах письменных текстов: 97% в романах, 96 — в учебной литературе и 87% в религиозных текстах¹⁷.

С 1894 г. *den* окончательно утвердилось в качестве местоимения предметного общего рода в шведских грамматиках¹⁸. Шведские нормализаторы окончательно признали *den* только к концу XIX в., после того как в узусе оно полностью вытеснило местоимения *han* и *hon* для неодушевленных существительных¹⁹. Итогом длительного процесса перестройки в системе анафорических местоимений стало полное отсутствие помет *m* и *f* при всех существительных, включая одушевленные, в восьмом издании Шведского академического словаря (SAOL) в 1923 г. Между тем всего четверть века назад в предыдущем седьмом издании 1900 г. при неодушевленных существительных общего рода впервые появилась помета *г* (*reale*), сопровождавшаяся, однако, указанием на старый грамматический род — мужской *m* или женский *f*, например: *mur m, vägg rf*.²⁰ В первом томе Шведского академического словаря (1898 г.) для исконных существительных также давались пометы

rn или *rf*, поскольку в словарных статьях приводились их употребления с XVI в., а для новых, в том числе заимствованных слов давалось только г.²¹ Принадлежность любого существительного к общему или среднему роду стала классифицирующим парадигматическим признаком, определяющим выбор словоизменительных морфем множественного числа и определенности (в обоих числах) существительных, свободностоящих неопределенного (*en / ett*) и определенного (*den / det*) артиклей, а также показателей согласования прилагательных и адъективных местоимений в единственном числе. Вместе с тем включение *den* в систему анафорических местоимений 3-го лица для обозначения предметного общего рода привело к превращению скрытого в лексическом значении слов противопоставления бинарных именных классов по признаку одушевленности / неодушевленности, характеризующего референты, в явную лексико-грамматическую категорию личности / неличности имени существительного, выражение которой осуществляется разноуровневыми средствами²². Так, Э. Тегнер первым обратил внимание на то, что предложным сочетаниям с местоимениями 3-го лица *till honom, av henne* и другим при соотнесенности как с абстрактными, так и с предметными существительными соответствуют не только аналогичные сочетания с *den / det*, но и особые дейктические наречно-предложные композиты с *här* и *där* (*härmed, härvid, däri, därav* и др.)²³.

В шведском языке фактически появилась новая семантическая категория, поскольку замещение местоимениями *han / hon* стало облигаторным признаком только при обозначении лиц, для которых пол представляет собой обязательный атрибут социальной характеристики. Местоименное замещение названий «безличных» живых существ происходит в современном шведском языке по предметному общему или среднему роду, за исключением особых случаев персонификации (см. об этом ниже): *getingen* 'оса', *flugan* 'муха' — *den*; *biet* 'пчела', *stoet* 'кобыла' — *det*²⁴. В диалектно окрашенной речи сохраняется замещение зоонимов по старой трехродовой системе: *en gås* 'гусь', *en mus* 'мышь' — *hon*; *en snok* 'уж', *en hök* 'ястреб' — *han*²⁵.

Средствами выражения новой лексико-грамматической категории стали не только анафорические местоимения 3-го лица, но и словоизменительные показатели синтаксического согласования по общему или среднему роду, которые используются при лекси-

чески избирательной частичной субстантивации прилагательных, обязательно сопровождаемой указанием на лицо или предмет. В этой связи становится понятным, что устойчивость среднего рода в шведской именной парадигматике связана с тем, что он не только сохранил, но и развил свои семантические функции в составе новой дихотомии с общим родом; см. также указание на вещественную семантику при субстантивации среднего рода, отмеченную Ю. К. Кузьменко при анализе процессов складывания двухродовой системы в западноютландских диалектах²⁶.

Согласовательная морфема среднего рода прилагательного при субстантивации выступает показателем собирательности и/или вещественности неодушевленного денотата *с конкретным значением*: Ta på dig *något gammalt* 'Надень что-нибудь старое'; Hon bjuder alltid på *hembakat* 'Она всегда угощает домашней выпечкой'²⁷; *Gult och blått* är vackert ihop. *Gult och blått* ser du överallt (Nalberg) 'Желтое и голубое красиво смотрятся вместе. Желтое и голубое ты видишь повсюду'²⁸. При указании на вещественность неодушевленного денотата *с абстрактным значением*, напротив, используется свободностоящий артикль *det* перед слабой формой прилагательного: Du ska inte ta så mycket av *det gula* 'Не бери так много желтого'; Hon verkar i *det tysta* 'Она действует в молчании'²⁹.

Средствами, маркирующими лицо, при неопределенной референции выступают нулевая согласовательная морфема исходного прилагательного, а также неопределенный артикль общего рода как показатель считаемости в единственном числе: *en sjuk* 'больной', *blind* 'слепой', *anhörig* 'близкий', *skattskyldig* 'налогоплательщик', *värnpliktig* 'военнообязанный', *bekant* 'знакомый', *borgerlig* 'правый' и др.; в большинстве случаев возможно также образование формы множественного числа по адъективному типу с помощью показателя *-a*: (*En*) *Skattskyldig* / *Skattskyldiga* som bara har folkpension påförs inte någon skatt³⁰. При обобщенной референции в формально-деловом стиле неопределенный артикль опускается: Uppgifterna får inte lämnas till *obehörig*³¹. При определенно-конкретной референции к лицу средствами субстантивации выступают свободностоящие артикли со слабой формой прилагательного — *den* для единственного и *de* для множественного числа: Om *en sjuk* och en frisk står i kö, äger *den sjuke* förtursrätt³²; *De blinda* bildar en förening³³. В единственном числе при отнесенности к лицу необходим также выбор показателя слабой формы прилагательного: *-a*

при указании на лицо женского пола; *-e* (старое окончание слабой формы мужского рода) при указании: 1) на лицо мужского пола: *Den vackre satt och stirrade ned i glaset igen*³⁴; 2) на обобщенное лицо без указания на пол: *Den händige behöver ingen hjälp*³⁵.

Вместе с тем слабая форма на *-e* единственно возможная в составе цельных словосочетаний с мужскими именами собственными и постпозитивными прилагательными в функции постоянных эпитетов: *Karl den store, Erik den helige*; при отнесенности к лицам женского пола облигаторной будет слабая форма на *-a*: *Katarina den stora, Maria den blodiga*. В таком употреблении окончания *-e / -a* приобретают статус устойчивых морфологических показателей семантического мужского и женского рода, близких к словообразовательным. Наряду с этим окончание *-e* лексически закреплено в составе устойчивых словосочетаний с порядковыми числительными *förste* и *andre*, которые используются при обозначении должностей и профессий, бывших прежде исключительно мужскими: *förste amanuens, arkivarie, bibliotekarie, byråsekreterare, gästdirigent, intendent, kammarskrivare, konsertmästare; andre ambassadörsekreterare, styrman, vice ordörande* и др. В современном шведском языке эти обозначения регулярно используются и применительно к женщинам: 1970 blev hon *förste intendent* för avdelningen³⁶. При обычном употреблении тех же порядковых числительных со свободностоящим артиклем и существительным, обозначающим лицо женского пола, они получают окончание *-a*: Hon var *den första bibliotekarie* som anställdes vid det nya huvudbiblioteket³⁷.

Устойчивость показателя мужского рода слабой формы *-e* в словоизменительной системе прилагательного, отмеченная Л. Ельмслевом в статье о категориях одушевленности / неодушевленности и личности / неличности в индоевропейских языках³⁸, — однако, факт, заслуживающий особого внимания, поскольку корреляция окончаний *-e / -a* в слабой форме прилагательных может использоваться для разграничения лексико-семантических вариантов существительного по признаку одушевленности / неодушевленности: *den uppmärksamme läsaren* ‘внимательный читатель’, но *den optiska läsaren* ‘оптический сканер’³⁹; *den nye mottagaren* ‘новый получатель (приёмщик)’, но *den nya mottagaren* ‘новый приемник’⁴⁰.

Таким образом, из региональных и / или стилистических вариантов показатели слабой формы прилагательного *-e / -a*, расширив свой семантический потенциал, превратились в корреляты с новы-

ми семантическими признаками. При этом каждый из них выполняет двойную смысловую нагрузку в двух пересекающихся лексико-грамматических категориях — одушевленности / неодушевленности и личности / неличности: *-e* маркирует одушевленность и семантический мужской род; *-a* маркирует неодушевленность и семантический женский род.

Важный фактор, способствовавший такой дифференциации, — это параллелизм между показателями *-e* / *-a* в слабой форме прилагательных и исходе основ существительных слабого склонения мужского и женского рода; ср.: *herre, make, herde, bonde, gubbe, granne, ha(n)ne, hare, orre, oxe*, но *människa, kvinna, maka, gumma, hona, hōna, kråka, gädda*, а также имена собственные *Helge — Helga, Tore — Tora* и др. Э. Андерсон называет влияние морфонологии исхода основ слабых существительных на семантизацию родовой дифференциации как по признакам мужского и женского рода, так и по признакам личности / неличности, проявляющимся не только в показателях слабых прилагательных, но и в анафоре при персонификации безличных существ, морфосемантическим фактором⁴¹; ср.: *en åsna* ‘осел’ — *hon*, но *en hare* ‘заяц’ — *han*. В то же время при анафорическом замещении зоонимов среднего рода (которых в шведском языке немного) действуют экстралингвистические факторы, обусловленные как половой принадлежностью референтов, так и культурно-фольклорной традицией; ср.: *ett lejon* ‘лев’ — *han*; *ett rådjur* ‘косуля’, *ett bi* ‘пчела’, *ett sto* ‘кобыла’ — *hon*⁴².

Вместе с тем расширение семантического потенциала старого показателя мужского рода *-e* в слабой форме прилагательных свидетельствует о том, что в современном шведском языке наблюдается тенденция к выражению специализированными грамматическими средствами, по аналогии с предметным общим родом в корреляции *den* / *det*, **одушевленного общего рода** в случаях, когда корреляция по признакам семантического мужского / женского рода нивелируется; Э. Андерсон использует для его обозначения лат. *genus commune* и, что еще более показательно, шведское название *semantiskt utrum*⁴³. Изначально для выражения семантического общего рода использовалось личное местоимение *han* как немаркированный член дихотомии мужской / женский род; это было обусловлено тем, что мужчины доминировали в общественной жизни Швеции. Устойчивая тенденция к использованию *han* в случаях обобщенной и неопределенной референции при передаче наци-

ональности, профессии и других обозначений социального статуса существительными, принадлежавшими к мужскому роду, сохранялась на протяжении всего XX в. В речевом узусе встречаются случаи распространения этой тенденции на существительные исконно женского рода, например, *barnmorska*⁴⁴ и даже *människa*⁴⁵.

Калька с английского в виде *han eller hon* была воспринята в шведской языковой ситуации как претенциозно вежливая и вместе с тем несколько ироничная по отношению к женщинам; Г. Видмарк объясняет это и неудобством использования слишком протяженной синтагмы⁴⁶. Думается, однако, что основная причина коренится глубже и имеет внутрисистемные основания, поскольку в шведской парадигматике имени в отличие от английской сохранилась выраженная морфологическими средствами дифференциация общего и среднего рода, обусловившая включение местоимений *den / det* в процессы семантизации родовых противопоставлений. С последней трети XX в. все заметнее стала проявляться тенденция к использованию *den* в обобщенно-личном значении; при этом коррелятом анафорического *den* может быть и неопределенно-личное местоимение *någon*: *Kunden måste bestämma sig för vilket betalningsätt den föredrar*; *Forskaren kan söka forskningsanslag för de idéer den har utvecklat*; *Om en sjuksköterska vill ha semester i juli, måste den anmäla det ett halvår i förväg. Om någon vill börja här så måste den genomgå en intervju och en rad test*⁴⁷.

Показательно, что при обобщенно-личном употреблении *den* образует особую форму генитива *dens*, по контрасту с предметно-притяжательным *dess*, на что давно обращали внимание авторы шведских грамматик: *Han följer dens order, som har befälet*⁴⁸; *I dens tjänst, som lovar mest (Snoilsky)*⁴⁹; *Böckerna är dens, som besökte oss i går*⁵⁰. Судя по данным Шведской академической грамматики, бывшее достаточно редким и стилистически маркированным, такое употребление в современном языке стало более распространенным: *Dens sorg som mist en älskad katt är ofta inte mindre djup än dens som mist en nära mänsklig vän*⁵¹; *Han såg på intet vis ut at vara förkrossad, tvärtom verkade han både stark och stolt, men tonfallet var dens som blivit förkrossad*⁵². Следует, разумеется, учитывать и то, что в этом случае *dens* выступает в детерминативной функции, близкой к указательности, в составе синтаксической модели с ограничительным придаточным относительным, давно устоявшейся в шведском языке: *Den som vill röka får göra det i korridoren*,

*Den som satt här nyss har visst glömt sin portfölj*⁵³. Важно, однако, что грамматический род местоимения *den* выступает здесь специализированным средством выражения обобщенного лица, в противоположность предметно-абстрактному *det*, выражающему «понятийный средний род»⁵⁴: *Det, som glänser, är inte alltid guld*⁵⁵. Кроме того, форма *dens* возможна и при анафоре, например, в составе лексикализованного парного сочетания: *När någon i fyllan och villan började berätta skvaller, att den och den hade ihop det med den och dens fru, blev hon arg och hutade åt honom*⁵⁶. Отнесенность к лицу мужского пола выявляется здесь лексическим контекстом. По данным, представленным в статье Т. Хультмана «*Barnet — han eller den*», те же тенденции распространяются и на «проблемное» существительное среднего рода *ett barn*⁵⁷. В целом в отношении анафорического замещения одушевленных существительных среднего рода наблюдается неустойчивость, о чем свидетельствует (хотя и в несколько утрированной форме) пример из статьи Э. Андерсона: *När är två hembiträden. Den / det / han som står till vänster arbetar hos oss*⁵⁸, с трудом переводимый на русский язык с его трехродовой системой (*ett hembiträde* «домашняя прислуга, домработница»).

Таким образом, перестройка именной парадигматики в шведском языке не разорвала связи между грамматикой и семантикой родовых групп. Напротив, вектор их взаимодействия, направленный на специализацию дихотомии личность / неличность, способствовал выделению *одушевленного общего рода* в особую семантическую категорию имен лица, использующую в плане выражения согласовательные показатели общего рода — как местоименные, так и адъективные.

¹ *Wessén E.* Svensk språkhistoria. I. Ljudlära och formlära: 3. uppl. Stockholm, 1951. S. 96.

² *Ibid.* S. 149–150; *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953. С. 200; *Pettersson G.* Svenska språket under sjuhundra år. En historia om svenskan och dess utforskande. Lund, 1996. S. 154–155.

³ *Tegnér E.* Om genus i svenskan: 3 uppl. Stockholm, 1962.

⁴ *Davidsson H.* Han hon den. Genusutvecklingen i svenskan under nysvensk tid. Lund, 1990.

⁵ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 143.

⁶ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan // *Folkmålsstudier*. Bd 26. Åbo, 1979. S. 43.

⁷ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 143, 165.

⁸ *Ibid.* S. 203.

- ⁹ Ibid. S. 7–8.
- ¹⁰ Ibid. S. 152.
- ¹¹ *Thelander M.* Grammatiskt genus i en nutida norrländsk talgemenskap (Burträsk i Norrland) // *Nysvenska Studier*. 1974. Bd 54. S. 96–129.
- ¹² *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 108–109.
- ¹³ *Teleman U.* Tradis och funkis. *Svensk språkvård och språkpolitik efter 1800*. Skrifter utgivna av svenska språknämnden 87. Första uppl., andra tryck. Köpenhamn, 2004. S. 142.
- ¹⁴ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 109.
- ¹⁵ *Teleman U.* Tradis och funkis. S. 140.
- ¹⁶ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 164.
- ¹⁷ *Pettersson G.* Svenska språket under sjuhundra år. S. 155.
- ¹⁸ *Teleman U.* Tradis och funkis. S. 144.
- ¹⁹ Ibid. S. 142.
- ²⁰ *Wessén E.* Språkriktighet och stil. Stockholm, 1957. S. 149. (Språknämndens skriftserie, 18.)
- ²¹ *Teleman U.* Tradis och funkis. S. 143.
- ²² *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 2002. С. 22–24.
- ²³ *Tegnér E.* Om genus i svenskan. S. 207; *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 43–44.
- ²⁴ *Teleman U.* Hur många genus finns det i svenskan? // *Grammatik på villovägar*. Arlöv, 1995. S. 111. (Skrifter utgivna av svenska språknämnden, 73.)
- ²⁵ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. Stockholm, 1999. S. 278.
- ²⁶ *Кузьменко Ю.К.* Формирование семантической родовой системы в западноюгославских диалектах // *Скандинавская филология = Scandinavica*. Вып. 6. СПб., 1999. С. 104–116.
- ²⁷ Svenska Akademiens grammatik. Bd 3. S. 54.
- ²⁸ *Чекалина Е.М.* Грамматика шведского языка. М., 1984. С. 28.
- ²⁹ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 224.
- ³⁰ *Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm, 1973. S. 71.
- ³¹ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 218.
- ³² Ibid. Bd 3. S. 54.
- ³³ *Widmark G.* Kongruensförändring i språkvärderingsperspektiv // *Svenska i harmoni*. Fyra uppsatser om kongruens. Uppsala, 1992. S. 38 (Ord och stil. No 23).
- ³⁴ *Thorell O.* Svensk grammatik. S. 71.
- ³⁵ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 224.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ *Språkriktighetsboken*. Stockholm, 2005. S. 93. (Skrifter utgivna av svenska språknämnden, 93.)
- ³⁸ *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // *Принципы типологического анализа языков различного строя*. М., 1972. С. 132.
- ³⁹ *Hellberg St.* Sanningen om svenskan. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg, 1984. S. 45; Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 229.
- ⁴⁰ *Språkriktighetsboken*. S. 95.
- ⁴¹ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 41.
- ⁴² Svenska Akademiens grammatik. B. 2. S. 277.

- ⁴³ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 36–37.
- ⁴⁴ *Teleman U.* Han, hon eller vem som helst // Språkvård. 1995. No 1. S. 3–9.
- ⁴⁵ *Himanen R.* Kvinnliga ombudsman och manliga sjuksköterskor. Titlar och yrkesbeteckningar i nusvensk dagspress. Uppsala, 1990. S. 78. (Ord och stil. No 21.)
- ⁴⁶ *Widmark G.* Kongruensförändring... S. 24.
- ⁴⁷ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 281.
- ⁴⁸ *Wellander E.* Riktig svenska. Stockholm, 1948. S. 252.
- ⁴⁹ *Beckman N.* Svensk språklära: 9. uppl. Stockholm, 1964. S. 85.
- ⁵⁰ *Маслова-Лашанская С. С.* Шведский язык. Ч. 1. Л., 1953. С. 177.
- ⁵¹ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 270.
- ⁵² Ibid. S. 281.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958. С. 281–284.
- ⁵⁵ *Beckman N.* Svensk språklära. S. 85.
- ⁵⁶ Svenska Akademiens grammatik. Bd 2. S. 282.
- ⁵⁷ *Hultman T.* *Barnet — han eller den.* Om genuskongruens vid ordet *barn* i gymnasisters språkbruk // Svenska i harmoni. Fyra uppsatser om kongruens. Uppsala, 1992. S. 75–150. (Ord och stil, 23.)
- ⁵⁸ *Andersson E.* Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan. S. 37.

Elena Chekalina

ON THE INTERPLAY BETWEEN GRAMMATICAL AND SEMANTIC
GENDER IN SWEDISH

The reduction of the tripartite grammatical gender system in Swedish to a dichotomy of neuter and common gender (as a result of the merging of the masculine and feminine) gave rise to the demonstrative *den* developing into an anaphoric 3rd person pronoun, which is a substitute for inanimate non-neutral substantives. Thus, a new semantic category "personality — non-personality" has emerged, which is manifested by the 3rd person H-/D-pronouns (*han, hon / den, det*) and by congruence markers for *utrum / neutrum* in adjectives. Furthermore, the functional expansion of the weak adjective ending *-e* (originally the weak masculine singular), as well as the use of *den* in case of semantic gender neutralisation, reveal a tendency to express personal (animate) *genus commune* — by analogy with and in contrast to non-personal (inanimate) common gender.

А. А. Юрьев

**ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА
ХЕНРИКА ИБСЕНА «БРАНД»
В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ
ВОЗЗРЕНИЙ СЁРЕНА КИРКЕГОРА**

Драматическая поэма «Бранд», опубликованная в Копенгагене в 1866 г., — первое произведение Ибсена, принесшее ему славу во всех странах Северной Европы. Одна из причин этого — соответствие содержания произведения той проблематике, которая была в высшей степени актуальна для скандинавской культуры 1860-х годов. Как раз в ту эпоху начинается интенсивное освоение идейного наследия Сёрена Киркегора (1813–1855), не получившего, как известно, при жизни широкого признания. О датском философе пишут обширные статьи, составляют первые биографические работы, переиздают его сочинения, а в развернувшейся тогда в датской печати полемике о «вере и знании» философия Киркегора активно используется большинством участников. В этих условиях «Бранд» воспринимается как произведение, непосредственно вдохновленное киркегоровскими идеями, а образ ибсеновского героя — как своеобразное художественное отражение личности покойного мыслителя. В самом драматурге начинают видеть «поэта Киркегора», причем в ряде случаев на этом основании автору «Бранда» отказывают в самостоятельности. Неудивительно, что Ибсен, всегда настаивавший на своей творческой независимости и отрицавший, как правило, чьи-либо влияния на свое творчество, неоднократно выражал протест против такого подхода к своей драматической поэме. Аргумент-

© А. А. Юрьев, 2009

тами служили ему два обстоятельства: одно из них — Ибсен якобы почти не читал Киркегора, другое — религиозные аспекты содержания «Бранда» принципиально не важны для понимания этого произведения, в то время как для Киркегора именно религия придает человеческому существованию предельно глубокий смысл и есть его наивысшая цель.

Что касается знакомства Ибсена с книгами датского философа, то прояснить вопрос, какие из них были им прочитаны, видимо, никогда вполне не удастся. Но то, что Ибсен все же читал Киркегора, — факт доказанный¹, хотя не первостепенно значимый. Драматург, в творчестве которого столь важна экзистенциально-персоналистская проблематика и который всегда был предельно чуток к духовной атмосфере своей эпохи, никак не мог избежать соприкосновения с идеями Киркегора. Вместе с тем декларируемая Ибсеном несущественность религиозной тематики в «Бранде» оспаривается собственным его высказыванием из найденного лишь в середине XX в. письма к немецкому переводчику драмы Альфреду фон Вольцогену².

Как бы ни относиться к противоречивым заявлениям драматурга, связи с киркегоровской проблематикой в «Бранде» очевидны. Совершенно невозможно отрицать, что призыв, с которым выступает Бранд, — призыв к выбору каждым человеком своего Я, жизненной позиции, превращающей индивида в личность, — соответствует пафосу экзистенциальной философии Киркегора. И важен, конечно, не столько смысл монологов героя, обращенных к другим персонажам, сколько то, что его позиция задает вектор драматического действия, определяет содержание происходящего — Бранд пользуется возникающими ситуациями, чтобы ставить других перед мучительно трудным выбором, требующим *жертвы* (девиз Бранда «*все или ничего*» предполагает именно готовность пожертвовать всем или ничем), и сам неоднократно оказывается перед таким выбором, проходя через испытания на верность своим принципам. Однако готовность к жертве, свидетельствующая об экзистенциальном выборе, может наполняться различными смыслами. У Киркегора выбор и жертва — обязательные признаки двух далеко не идентичных друг другу способов существования (или, согласно его терминологии, «стадий») — этического и религиозного, — радикально отличающихся от «эстетической стадии» с ее «игровой» жизненной стратегией и гедонистическими приоритетами. Учитывая, что Бранд —

священник, часто апеллирующий к библейским образам и вообще к религиозному опыту, можно предположить, что он — представитель именно религиозной стадии и, следовательно, не этика как таковая, а вера определяет его поступки. Однако при внимательном рассмотрении такая точка зрения оказывается уязвимой.

Уже в первом действии Бранд открыто заявляет, что не знает, христианин ли он. Это смелое и весьма странное для служителя церкви признание объяснимо не только тем, что ибсеновский герой исповедует Бога грозного, требовательного и безжалостного, скорее Бога Ветхого Завета, а не Бога евангельского — милосердного. Вступая в спор с художником Эйнарсом (который в начале драмы являет собой аналог киркегорского «эстетика»), Бранд обосновывает свои представления о Боге целью, к которой отчаянно стремится, — возможностью преобразить человечество, очистить его от пороков, воссоздать Адама, каким он был до грехопадения. При этом, как становится ясно далее, ибсеновский герой не полагается на благодать, избавляющую человека от власти первородного греха, а делает ставку целиком и полностью на *человеческую волю*, что делает его не религиозным подвижником, а скорее бессознательным богоборцем — прежде всего с христианской точки зрения, требующей не только милосердия и любви к ближнему, но также смирения перед волей Бога и признания искупительной жертвы Христа уникальной и *первостепенно* значимой для жаждущего спасения человека. Бранд же смело возлагает миссию спасителя на самого себя, а потому подлинно религиозное существование, обязывающее человека бороться со своей гордыней, едва ли может считаться его наивысшей целью. Все его представления о Боге оказываются *в подчинении* у провозглашаемого им максималистского этического императива «все или ничего», которому, как он считает, может служить лишь идея Бога грозного и требовательного, а не милосердного, не снисходительного к человеческой слабости. О том, что в своих поступках Бранд руководствуется именно таким представлением о связи между религией и этикой — представлением, ставящим превыше всего *этические* обязательства пастыря перед самим собой и перед паствой, — свидетельствует один из напряженнейших моментов драмы — сцена в третьем действии, где герой, ранее требовавший жертвенного выбора от других, сам оказывается перед мучительной для него дилеммой — выбором между спасением или неизбежной гибелью своего маленького больного сына. Бранд

должен либо навсегда покинуть свою паству, оставить приход, где суровый климат губителен для Альфа, либо, храня верность своему священническому призванию, пожертвовать ради него жизнью дорогого существа. Трагическая ирония, которой насыщена эта сцена, становится особенно выразительной, если учитывать скрытые в мотивации драматического действия киркегоровские аллюзии.

Нельзя не обратить внимания на то, что еще до возникновения этого выбора Бранд вспоминает об Исааке, которого по требованию Бога решил принести в жертву библейский Авраам. Бранд вполне допускает, что от него Бог потребует такой же жертвы, и тем самым косвенно соотносит себя с Авраамом. Однако есть ли у него для этого достаточные основания — судить не ему. Уже одно то, что по воле Бога Исаак *не был принесен в жертву*, в то время как Альф умирает вследствие принятого отцом решения, указывает на внушительную дистанцию между Брандом и смиренным библейским патриархом. В самом деле, требует ли от ибсеновского героя столь ужасной жертвы Бог? В драме нет тому никаких подтверждений, хотя Бранд пытается убедить себя и свою супругу Агнес в том, что Бог повелевает ему остаться и пожертвовать жизнью сына. Эта контрастная соотношенность Бранда с Авраамом — очень важный в тексте Ибсена сигнал, несомненно хорошо улавливаемый скандинавской аудиторией 1860-х годов. Читателю как будто предлагается вспомнить о книге Киркегора «Страх и трепет» (1843). В ней подробно анализируется ситуация библейского Авраама, который у датского мыслителя — истинный «рыцарь веры», высочайший образец подлинно религиозного существования. Согласно Киркегору, Авраам, в отношениях которого с Богом нет и не может быть никаких посредников, пребывает в полной внутренней изоляции от других людей, ибо «с человеческой точки зрения он безумен и не может сделаться понятным ни для кого»³. Поэтому Авраам *«не может говорить»*. Его жертва — не жертва трагического героя (например, еврипидовского Агамемнона или библейского Иефтая), приносимая божественной силе ради этического долга — во благо общества и государства — и потому понятная другим, но глубоко парадоксальное «движение веры», «сила абсурда», выходящее за пределы всеобщих требований этики «телеологическое устранение этического». «Трагический герой еще остается внутри этического. Он позволяет одному выражению этического

найти себе *τέλος* в другом, более высоком выражении этического, он сводит этическое отношение между отцом и сыном или отцом и дочерью к некоему чувству, которое обладает своей диалектикой в собственном отношении к идее нравственной жизни <...> С Авраамом дело обстоит совершенно иначе. Благодаря своему действию он перешагивает через все этическое и вне его он обретает более высокий *τέλος*, в отношении к которому он и устраняет этическое»⁴.

Бранд же в отличие от «рыцаря веры» Авраама всецело открыт и способен к самовыражению. Его жертва может шокировать, но в ней нет ничего непостижимого, парадоксального, ничего составляющего тайну для постороннего взгляда. Читателю вполне ясны ее *этические мотивы*, понятна и *логика* принятия Брандом ужасного решения.

Когда становится ясно, что Альфа может спасти лишь скорейший отъезд, герой порывается немедленно уехать. Останавливают его лишь слова Доктора, замечающего, что Бранд, всегда непреклонно призывавший других жертвовать «всем или ничем», оказывается, однако, снисходительным к себе. Пускай Доктор одобряет решение Бранда во что бы то ни стало сохранить жизнь собственному сыну, герой начинает сомневаться в правильности своего естественного порыва — ведь его отъезд окажется предательством этического императива, имеющего в его глазах *всеобщее* значение. Появление одного из прихожан, напоминающего Бранду о том, сколь многим обязаны ему местные жители, а также о призвании, которому, как учит сам Бранд, не вправе изменять ни один человек, оказывается новым толчком к пересмотру первоначально принятого героем решения. И наконец после слов безумной Герд о пустой церкви и о пасторе, улетевшем на спине коршуна, Бранд в отчаянии сообщает Агнес о своей готовности к жертве — ведь путь священника он избрал для себя прежде чем стал отцом. Тем самым Бранд «позволяет одному выражению этического найти себе *τέλος* в другом, более высоком выражении этического», т. е. поступает так, как поступает, по мысли Киркегора, не «рыцарь веры», а *трагический герой*. И даже то обстоятельство, что жертва Бранда связана с церковью, не выводит его решение за пределы *нравственной диалектики*. Это становится тем более ясно в свете следующего наблюдения Киркегора: «Рыцарь веры вовсе не сохраняет какого-то более высокого выражения всеобщего (скажем, этического), в

которое он мог бы ускользнуть. Если вообразить, что церковь потребовала бы подобной жертвы от одного из своих членов, мы получили бы тут только трагического героя. Идея церкви, по существу, качественно не отличается от идеи государства, коль скоро единственный индивид может войти в нее благодаря простому опосредованию <...> Подобный церковный герой выражает в своем деянии всеобщее, и в церкви не должно быть никого, включая его отца, мать и прочих, кто не понимал бы его»⁵. Несомненно Бранд испытывает боль, жертвуя дорогой ему жизнью единственного сына ради своего долга перед паствой, которую он взялся нравственно преобразить. Но он со всей своей болью *вполне понятен окружающим* (в том числе и матери Альфа — Агнес) и потому совсем не похож на «рыцаря веры», ибо последний, по словам Киркегора, «предоставлен самому себе в одиночестве», «ощущает боль оттого, что не может стать понятным для других» и вместе с тем (что не менее важно) «не чувствует никакого тщеславного желания указывать путь этим другим»⁶.

Итак, в контексте киркегоровских размышлений еще более очевидна правота драматурга, отрицавшего взгляд на Бранда как на религиозного героя и заявлявшего, что он «сумел бы построить такой же силлогизм, взяв скульптора или политического деятеля, как и священника»⁷. Однако это вовсе не значит, что религиозное существование до конца остается чуждым герою. Религиозная проблематика несомненно важна в содержании драмы, и Ибсен вовсе не кривил душой, поддерживая религиозную интерпретацию «Бранда» Вольцгоеном. Подтверждением тому служит завершение пути героя, а смысл развязки также может быть прояснен связью произведения с идеями Киркегора.

Финальная сцена «Бранда» по праву считается едва ли не самой сложной, «темной», загадочной и наиболее трудной для восприятия из всех сцен, когда-либо написанных Ибсеном. Глубоко верно утверждение, что здесь «пьеса обретает мистериальный характер», «свершается мистерия *полного* духовного преображения героя» и Бранд «радикально пересматривает свое жизненное *credo*»⁸. Однако как понимать это преображение? Остается ли Бранд и на этот раз в пределах, отведенных Киркегором «любимцу этики» — трагическому герою, или же ему удастся свершить тот иррациональный «скачок» (Springet), который, по мысли датского философа, переносит человека в неведомую ему прежде область, а в случае с Бран-

дом — открывает качественно новую для него «стадию жизненного пути» — подлинно религиозную?

События финала драмы разворачиваются уже вдали от людского мира — на горных вершинах, где Бранд оказывается поначалу в полном одиночестве — уже *побитый камнями* изменившей ему толпой, изможденный и *окровавленный*. Новозаветная аллюзия в этом случае очевидна, а то, что Бранд сам вспоминает о страданиях Христа, порождает острую авторскую иронию, не сближающую образ героя с евангельским образом Иисуса, а резко их друг другу противопоставляющую. Ведь страдания Христа, за которыми последовали смерть и воскресение, были обязательной частью целиком исполненной Богочеловеком миссии — освобождения человечества от абсолютной власти первородного греха, в то время как Бранд потерпел полное фиаско в деле преобразования человеческого рода. Поскольку Бранд уже близок к признанию своего поражения, но по-прежнему не желает смириться, он должен пройти через новые, еще более суровые испытания, на сей раз иронично соотнесенные драматургом с тремя искушениями Христа в пустыне (на эту скрытую евангельскую аллюзию намекает присутствие в списке действующих лиц персонажа, который далее в тексте драмы ни разу не упоминается и не появляется под определенным ему драматургом обозначением — «Fristeren i ødemarken», т. е. «Искуситель в пустыне»). Параллельно драматург выстраивает глубоко ироничную в отношении Бранда инверсию мысли Киркегора о том, что для «рыцаря веры» всегда «сохраняется возможность в раскаянии вернуться ко всеобщему», т. е. «само этическое является искушением, которое может удержать его от исполнения воли Божьей»⁹. В самом деле, если священным в глазах Бранда по-прежнему остается его максималистский этический императив, то серьезнейшим «искушением» может стать для него лишь присущее «рыцарю веры» *религиозное смирение*, к которому как раз и призывают одинокого и близкого к полному отчаянию героя-этика сначала Хор невидимых, а затем Видение Агнес — первые два воплощения «Искусителя в пустыне». Внушая Бранду, что он, сотворенный из плоти для земной жизни, никогда не будет сходен с Христом, Хор невидимых добивается от героя важного признания — он так и не смог преобразить человечество, не сумел одолеть «народного дракона», а теперь не в силах перенести своего разрыва с людьми. Не выдерживая испытания одиночеством, Бранд со слезами взывает к умершим Аль-

фу и Агнес, что уже подготавливает возможность его внутреннего преобразования. Явившееся перед ним Видение Агнес ставит героя перед следующим «искушением» — ему следует вернуться вниз, в мир людей, поверив в то, что Альф и Агнес живы, что все происшедшее с ним было «горячечным сном» («feberdrøm»). На первый взгляд, Видение Агнес следует воспринимать как некий злой фантом, если оно внушает Бранду лживую надежду. Однако предлагаемая Бранду чудесная возможность не покажется иллюзорной, если увидеть ее глазами киркегоровского «рыцаря веры», смиренно полагающегося на всемогущество Бога — Бога, способного «сделать бывшее небывшим». «Положим, — допускает автор “Страха и трепета”, — что Исаак был действительно принесен в жертву. Авраам верил. Он верил < . . . > в то, что здесь, в этом мире, он должен быть счастлив. Бог мог дать нового Исаака, вновь вернуть к жизни принесенного в жертву. Он верил силой абсурда; ибо все человеческие расчеты давно уже кончились»¹⁰.

Лишенный всякой опоры в человеческом мире, Бранд уже готов поверить в чудо «силой абсурда». Но для того чтобы вера его оказалась подлинной, он должен проявить смирение и отречься, как требует от него Видение Агнес, от своей заповеди «все или ничего». Но на такое самоотречение герой оказывается пока неспособен. Если ему предоставляется возможность начать все сначала, то он намерен целиком повторить пройденный им путь — со всеми пережитыми им страданиями. Стремясь доказать себе и миру, что «единичная воля многое осиливает» («stort en enkelts vilje mægter») и «один может даровать свет многим» («én kan give lys til mange»), герой по-прежнему имеет в виду собственную миссию, а не миссию Христа. Видение Агнес пытается преобразить его отчаяние в смиренную веру, когда человеческое Я, по мысли Киркегора, «находит в себе храбрость утратить себя, чтобы заново обрести». Бранд же, напротив, «отказывается начать с утраты себя, но желает быть собою»¹¹. Его отчаяние — это то «отчаяние-вызов», которое подробно проанализировано Киркегором в работе «Болезнь к смерти» (1849). Готовность ибсеновского героя заново пройти через все пережитые им страдания предельно точно соответствует состоянию, описанному датским философом: «Отчаявшийся, который желает быть собою, поневоле терпит всякое мучительное состояние, неотделимое от своего конкретного Я. Он даже со всею страстью бросается в это мучение, которое в конце концов становится

демонической яростью. И если бы теперь Бог в небе со всеми своими ангелами предложил ему избавить его от мучений, он отказался бы: слишком поздно!»¹².

И если воля Бранда возрастает до такого «демонического отчаяния», то ему предлагается пройти через третье искушение — уже радикально отличающееся по своему смыслу от первых двух. «Искуситель в пустыне» предстает на этот раз в облике безумной Герд, ставящей Бранда выше самого Христа и готовой молиться ему как истинному спасителю человечества — ведь именно он, как ей мнится, а вовсе не Христос, претерпел крестные муки. Это чудовищное превознесение Бранда, которому предшествует замечание Герд, что он хромотает на одну ногу (отчетливый фольклорный мотив, связанный с представлениями о нечистой силе), внушает ужас герою, лишь теперь вполне осознающему богоборческую суть своих максималистских устремлений. Прежде он мнил себя орудием Господа, теперь же называет себя «ничтожнейшим червем в перегное» («ringest kryb i muldet»). Отчаяние Бранда достигает того предела, за которым открывается возможность духовного преображения, раскаяния, спасения — как будто в параллель утверждению Киркегора из «Болезни к смерти»: «Для того чтобы было раскаяние, вначале надо отчаяться, плодотворно отчаяться до самого конца, и тогда из глубин как раз могла бы вынырнуть духовная жизнь»¹³.

Только в финальной сцене (видимо, не случайно написанной размером католической мессы¹⁴) герой впервые обращается ко Христу с мольбой не о поддержке в разрешении нравственных коллизий, а о спасении в религиозном смысле («lad mig nu af frelsensklædet, / med den sande bods-vin vædet, / fange blot en fattig flig!»). Поэтому представляется вполне убедительным определение ибсеновского «Бранда» как «драмы о моральных проблемах в религиозной перспективе»¹⁵. Связи пьесы с идеями Киркегора в полной мере подтверждают верность такого подхода.

¹ См.: *Beyer H.* Søren Kierkegaards betydning for norsk aandsliv // *Edda: Nordisk tidsskrift for litteraturforskning*. Kristiania, 1923. Bd 19. S. 52.

² См.: *Ibsen H.* Samlede verker: Hundreårsutgave. Oslo, 1952. Bd 19. S. 249. (Подробно об этом письме и связанных с ним обстоятельствах см.: *Thorn F.* Lov og Evangelium: Tanker om Henrik Ibsens «Brand». Oslo, 1981. S. 97–99.) Далее оригинальный текст «Бранда» цитируется по указанному собранию сочинений (Bd 5. S. 175–497).

³ *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993. С. 72.

⁴ Там же. С. 57, 104.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ *Ибсен Г.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1958. С. 684.

⁸ *Ерошкина Е. В., Хализев В. Е.* Финал «Бранда»: (К столетию со дня смерти Генрика Ибсена) // Известия РАН. Сер. лит-ры и яз. М., 2006. Т. 65, № 5. С. 38, 40.

⁹ *Кьеркегор С.* Страх и трепет. С. 58, 74.

¹⁰ Там же. С. 36–37.

¹¹ Там же. С. 298.

¹² Там же. С. 302.

¹³ Там же. С. 292.

¹⁴ Подробнее см.: *Lie H. Åse Hiorth Lervik:* Ibsens verskunst i «Brand» // *Edda: Nordisk tidsskrift for litteraturforskning.* Oslo, 1972. Hft 5. S. 262–263; *Ystad V.* «– livets endeløse gåde»: Ibsens digt og drama. Oslo, 1996. S. 131–132.

¹⁵ *Haakonsen D.* Henrik Ibsens “Brand” // *Edda: Nordisk tidsskrift for litteraturforskning.* Oslo, 1941. S. 352.

Andrey Yuriev

HENRIK IBSEN'S DRAMATIC POEM «BRAND»
IN THE LIGHT OF SØREN KIERKEGAARD'S RELIGIOUS
AND PHILOSOPHICAL VIEWS

As is known, Ibsen rejected any influence of Kierkegaard on his dramatic poem *Brand* (1866). However Kierkegaardian echoes are numerous in the play, and the book *Fear and Tremble* (1843) is essential for understanding the meaning of its dramatic action. The notion of a tragic hero as opposed to a “knight of faith” provides a deeper apprehension of the character of Brand who remains within the boundaries of ethics for a long time. Nevertheless the hero’s religious transformation in the final scene resembles a “leap of faith” in Kierkegaardian terms, and the work may be treated as “a drama about moral problems in a religious perspective” (D. Haakonsen).

А. А. Яковлева

О НИДЕРЛАНДСКИХ ГЛАГОЛАХ *KENNEN* И *WETEN*

Семантический компонент «знание» входит в состав значения большого числа слов¹, так что лингвисты, предлагающие различные семантические классификации глаголов (Э. В. Кузнецова, Н. Ю. Шведова, В. Levin), традиционно выделяют глаголы знания в отдельный тематический класс, иногда в составе ментальных глаголов, в который, кроме глаголов знания, входят и глаголы мнения². Знание лингвисты считают неопределяемым понятием, относя его к числу семантических примитивов³.

Разные языки по-разному концептуализуют факт владения информацией. В русском языке это глагол *знать*, а в нидерландском это два глагола *kennen* и *weten* (ср. нем. *kennen* и *wissen*; англ. *to know*), причем *kennen* соответствует русскому «быть знакомым» и употребляется в предложении с прямым дополнением, а *weten* — «знать о чем-либо» и обычно употребляется с придаточным изъяснительным. Тот факт, что даже студент-первокурсник способен без особого объяснения «почувствовать» разницу между двумя глаголами знания, говорит о том, что ее можно и нужно сформулировать, предоставив каждому из глаголов свою «формулу значения». Такой подход к семантике языковых единиц отвечает задачам современной лингвистики и представляется чрезвычайно интересным.

Семантическое расстояние даже между относительно близкими синонимами обычно достаточно велико. Следовательно, разли-

чие наборов значений между нидерландскими глаголами *kennen* и *weten* должно объясняться различием самого исходного значения или так называемой когнитивной структуры (Кибрик, Langacker) каждого из этих глаголов, т. е., по терминологии А. Вежбицкой, эти глаголы очевидно по-разному *концептуализируют* ситуацию⁴.

Представители московской семантической школы (И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, Г. И. Кустова, Е. В. Падучева, Р. И. Розина) обосновали переход от толкования слова самого по себе к толкованию сентенциональной формы с переменными по актантам, что позволяет предсказывать и объяснять те или иные аспекты непосредственно наблюдаемого поведения слова.

Знание — это трансцендентно возникающее состояние субъекта⁵ неясно даже, чем каузируемое, подтверждением чему может быть наличие примеров с полным отсутствием каузации: (1) *We keken elkaar aan en wisten dat het voorbij was* (Н90) *букв.* ‘Мы посмотрели друг на друга и знали, что всё позади’.

При переводе предложения (1) на русский язык необходимо использовать как минимум обстоятельство времени, напр.: *Мы посмотрели друг на друга и в эту секунду знали, что всё позади.* Однако нидерландский язык, как видно из примера, допускает отсутствие какой-либо обстоятельственной каузации: (2) *Na afloop van het stuk wist ik dat het geen zin had om van hem weg te gaan* (Н96) ‘После окончания спектакля я знала, что уходить от него нет никакого смысла’; (3) *Penelope glimlachte, wist dat de man die ze in haar armen hield werkelijk Odysseus was* (Н149) ‘Пенелопа улыбалась, она знала, что мужчиной, которого она держала в объятиях, действительно был Одиссей’.

По выражению Г. И. Кустовой: «Хотя отношения типа *знать* “физически” ни в чем не выражаются, они имеют и первопричину, и различные результативные проявления»⁶. Очевидно, что именно по этой причине невозможно задать вопрос: *Waarom weet je dat?* ‘Почему ты это знаешь?’, при совершенно обычных: *Waarom vind/denk je dat?* ‘Почему ты так считаешь?’. Ср.: *Hoe weet je dat?* ‘Откуда ты это знаешь?’.

1. Субъект. Обратимся к определению типа предиката в предложениях с глаголами знания. В отличие от физических предикатов, описывающих внешний мир, предикаты внутреннего мира человека не приводят к изменению мира, а меняют информационное состояние самого человека, отличаясь как своими аспектуальными

ми свойствами, так и качеством актантов (пропозициональные)⁷. В лингвистике такие предикаты относят к классу *экспериментальных*, а роль субъекта таких предикатов называют «Экспериментер» (или «Датив»; В. J. Blake, W. L. Chafe, W. Croft, Ch. J. Fillmore, А. Е. Кибрик, Г. И. Кустова). Такие семантические роли как Агенса и Пациенса — временные и альтернативные, а Экспериментер — роль постоянная и абсолютная.

Итак, в предложениях с нидерландскими глаголами знания *kennen* и *weten* в качестве актанта «субъект» выступает Экспериментер — мыслящий человек: (4) *En wat ik hier hou, zit in een grote doos en de meisjes weten dat na mijn dood die doos ook naar het museum moet* (H138) ‘А то, что я держу здесь, хранится в большой коробке, и девочки знают, что после моей смерти ее тоже надо передать в музей’; (5) *Ik vroeg haar: heeft u mijn vader gekend toen hij jong was?* (L65) ‘Я спросила ее: вы знали моего отца, когда он был молод?’

Механизмы образования производных значений и вообще механизмы «переноса» для физических и экспериментальных глаголов работают по-разному. То, что чувствует человек, никто, кроме него, чувствовать не может. Однако следующие примеры демонстрируют, что наличие при обоих нидерландских глаголах знания неодушевленного субъекта, т. е. случаи переносного употребления обоих из рассматриваемых глаголов возможны: (6) *De klas wist niets van de oorlog*. ‘Класс ничего не знал о войне’; (7) *Deze zaal kende de spreker heel goed* ‘Этот зал знал выступающего очень хорошо’; (8) *Terwijl de naam van de stad nog naresoneerde in de rustzaal, die nooit iets anders dan absolute zwijgzaamheid binnen haar muren had gekend, kwam het Lotte een ogenblik voor alsof Keulen een verdoemde stad was waar je beter niet vandaan kon komen, . . .* (L13) ‘В то время, как название города еще продолжало эхом отзываться в помещении для отдыха, никогда не знавшего внутри своих стен ничего, кроме абсолютного молчания, Лоте на какой-то момент показалось, будто Кёльн был обреченным городом, откуда лучше не быть родом . . .’

В примерах (6) и (7) мы имеем дело не с переносом значения в традиционном понимании — метафорой, а со смежностью — метонимией: обозначение группы людей перенесено на название помещения, в котором они находятся, в то время как (8) представляется, на первый взгляд, случаем именно метафорического переноса, что, однако, противоречит утверждению Г. И. Кустовой о том, что у по-

добных предикатов не может быть переносных (метафорических) значений в традиционном понимании: «...к ним неприменима сама идея переноса, поскольку при переносе происходит сравнение исходного денотата и нового, а у них нет никакого определенного исходного денотата»⁸. В действительности противоречие нельзя назвать неразрешимым.

Во-первых, подобный перенос возможен лишь для одного из нидерландских глаголов знания — *kennen*.

Во-вторых, в (8) под *помещение знало тишину* следует понимать как *люди в помещении никогда не слышали ничего, кроме тишины*, т. е. при ближайшем рассмотрении в (8) мы, как в (6) и (7), имеем дело с метонимией — название группы людей перенесено на название помещения. В то же время справедливо говорить о том, что в результате метафорического переноса (*знать тишину* — *слышать тишину*) глагола *kennen* может происходить мена таксономической категории по схеме: «глагол знания → глагол восприятия», т. е. в классе экспериенциальных глаголов.

Итак, главный принцип переноса экспериенциальных предикатов, в том числе и нидерландских глаголов знания *kennen* и *weten* за пределы внутренней сферы человека — принцип метонимический. Метафорический перенос возможен лишь в классе экспериенциальных глаголов, причем характерен только для одного из глаголов — *kennen*.

2. **Объект.** Как и в случае с субъектом, объект в ситуации с глаголами знания может быть одушевленным (*знать кого-либо*) или неодушевленным (*знать что-либо*).

Анализ нидерландских текстов показал, что с одушевленным объектом сочетается только *kennen*: (9) Ik ken **die mensen**, het zijn nationaal-socialisten, hun dochter is een bruine zuster! (L310) ‘Я знаю этих людей, это национал-социалисты, их дочь — коричневая сестра’⁹!

С неодушевленным объектом могут сочетаться оба рассматриваемых глагола: (10) Het was een van de eerste **dingen** die ik over Herman wist: dat hij zijn vrouw had verloren bij een auto-ongeluk, en dat hun zoontje het had overleefd (H55) ‘Это было одной из первых вещей, которые я знала о Хермане: что он потерял жену в автокатастрофе, и что их сынишка выжил’; (11) Hoewel, ik ken niet meteen een **rijmwoord** op Parker (H32) ‘Хотя, рифму к Паркер я не сразу знаю (могу подобрать)’.

Следует отметить ориентированность *weten* на содержательную, информативную составляющую знания в отличие от *kennen*, способного сочетаться с неинформативными, конкретными объектами, т. е. такими объектами, содержание которых нельзя раскрыть. В связи с последним утверждением необходимо сказать о том, что с придаточным изъяснительным также сочетается только *weten*: (12) *Je weet toch, zei ik dan, dat je pas na je dood erkenning zult krijgen die je verdient* (Н14) ‘Ты же знаешь, сказала я тогда, что ты только после смерти получишь то признание, которого ты заслуживаешь’.

Таким образом, *kennen* сочетается с одушевленным или конкретным объектом, в то время как *weten* — с неодушевленным информативно-содержательным объектом, обычно выраженным придаточным изъяснительным.

Кроме рассмотренных выше Субъекта и Объекта, в ситуации с глаголами знания инкорпорированы еще два актанта — Источник и Инструмент, имеющие в исходной диатезе ранг «За кадром»¹⁰, в котором участник не имеет соответствующего синтаксического актанта.

Рассмотрим случаи, когда данные актанты экскорпорируются, входя в перспективу и приобретая переменную роль и синтаксическую форму.

3. **Источник.** (13) *Hij wist dat van onze gemeenschappelijke vrienden* ‘Он знал об этом от наших общих друзей’; (14) *Tomas heeft een nieuwe vriendin, die Herman alleen maar van de foto’s, gedichten en onze herinneringen zal kennen* (Н118) ‘У Томаса новая девушка, которая будет знать Хермана только по фотографиям, стихотворениям и нашим воспоминаниям’.

Нельзя не отметить разницу в возможно разном семантическом заполнении актанта источник для двух нидерландских глаголов знания: для *kennen* это наглядные источники, воспринимаемые целиком, как одно впечатление, как опыт; для *weten* — это информативные, текстовые источники, которыми, как в (13) могут являться и другие люди.

4. **Инструмент.** Примечательно, что содержание актанта Инструмент в случае с глаголами знания не сразу очевидно, в отличие от, например слышать (уши), говорить (голос) и других: (15) *De man die opgebaard lag en van wie ik met mijn verstand wist dat het Herman was, zag er als zeventig uit* (Н79) ‘Лежавший в гробу

мужчина, которого мое сознание воспринимало как Хермана, выглядел семидесятилетним стариком»; (16) *Met mijn vingers kende ik het stuk beter dan alle meisjes die voor mij aan de beurt waren* 'Мои пальцы знали пьесу лучше, чем все девочки, сыгравшие до меня'.

Примеры (15) и (16) показывают, что у двух глаголов говорения Инструмент, эскорпорируясь, получает разное наполнение: *weten* — сознание, мозг, а с *kennen* Инструментом могут быть органы чувств, например тактильные ощущения, как в (16) или глаза.

Следует отметить, что в ситуации, когда нет внешнего Источника, Инструмент служит своего рода «внутренним» источником, «источником познания», что лишний раз свидетельствует о недискретности экспериенциального состояния, выражающего отношение человека к ситуации окружающего мира.

В результате анализа актантной структуры нидерландских глаголов знания *kennen* и *weten*, можно сделать вывод о том, что для

Актант	weten	weten / kennen	kennen
Субъект одушевленный	–	+	–
Субъект неодушевленный	–	+	+
		Метонимический перенос (без мена таксономической категории глагола)	Метафорический перенос — мена таксономической категории внутри класса экспериенциальных глаголов: глагол знания → глагол восприятия
Объект одушевленный	–	–	+
Объект неодушевленный	–	+	–
	Придаточное изъяснительное	Информативное существительное ↔ конкретное существительное	
Источник (инкорп.)	–	+	–
		Текстовый ↔ наглядный	
Инструмент (инкорп.)	+	–	+
	Сознание, мозг		Органы чувств

рассматриваемых глаголов характерны различия в семантическом заполнении каждого их четырех актантов: Субъекта, Объекта, Источника и Инструмента, что свидетельствует о принципиальных различиях в когнитивной структуре этих глаголов (см. сводную таблицу). Глагол *weten* проявил себя как «чистый» экспериенциальный глагол, обозначающий текстовое, детализированное интеллектуальное знание, в отличие от *kennen*, проявившего себя как глагол чувственного знания, близкий к тематическому классу глаголов восприятия (например, *vidеть, осязать*).

¹ Апресян Ю. Д. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 5–26.

² Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 42.

³ Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. Sydney, 1980.

⁴ Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford; New York, 1996. P. 55.

⁵ Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение. М., 1998. С. 6–17.

⁶ Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 258.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Там же. С. 211.

⁹ Так, по цвету униформы, которая была коричневой, называли людей, вступивших в ряды национал-социалистической партии во время оккупации Нидерландов.

¹⁰ Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 57.

СОКРАЩЕНИЯ

H — *Hemmerchts K. Taal zonder mij*. Amsterdam; Antwerpen, 2000.

L — *De Loo T. De tweeling*. Amsterdam; Antwerpen, 2004.

Alexandra Yakovleva

ABOUT THE DUTCH VERBS *KENNEN* AND *WETEN*

There are two verbs of knowledge in the Dutch — *weten* and *kennen*. The modern linguistics tries to explain difference aspects of the visual behavior of words by description of their cognitive structures. Analysis of the actant structure of the Dutch verbs of knowledge makes it possible to predict their distributive restriction and the list of the most word meanings.

Карл фон Руланд

**ВОСПОМИНАНИЯ О ПЛЕНЕ В РОССИИ
И ВОЙНАХ КАРЛА XII (1709–1714)**

**Предисловие, перевод с шведского
и примечания Ю. Н. Беспятых**

Ровно 300 лет тому назад состоялась Полтавская битва, определившая победный для России исход Северной, или, как ее называют в зарубежной историографии, Великой Северной войны 1700–1721 гг. и надолго приведшая в нашу страну множество шведских офицеров и солдат. Беззавишю 27 июня¹ из-под стен Полтавы армию Карла XII вскоре настигла на Днепре у местечка Переволочна конница светлейшего князя А. Д. Меншикова и князя М. М. Голицына. 30 июня шведское командование подписало капитуляцию, и лучшая тогда в Европе армия перестала существовать — свыше 16 тысяч человек оказались в плену.

Довольно многие участники русского похода оставили свои дневники, записки, воспоминания об армейском быте, о пережитых сражениях, в том числе Полтавском, и о пребывании в русском плену до заключения мирного договора между Россией и Швецией (1721). Наша отечественная историография до сих пор учитывает в своем обиходе лишь малую толику чрезвычайно содержательных, часто уникальных сведений, оставленных такими шведскими авторами².

Одно из сочинений принадлежит майору Карлу фон Руланду (1684–1761). «Воспоминания о плене в России и войнах Карла XII» он написал спустя многие годы после Северной войны — по предположению их публикатора С. Э. Бринга, в начале 1740-х годов. На языке оригинала (шведском) издан не подлинник, судьба которого неизвестна, а список неясного происхождения, отложившийся в стокгольмской Королевской библиотеке³.

© Ю.Н. Беспятых, предисловие, перевод и примечания, 2009

Драгун К. Руланд в лейтенантском чине воевал под началом короля с 1704 г. О последующих двенадцати годах его жизни сказано сообщу, опираясь на текст самого мемуариста.

В трагическом для шведов сражении 27 июня он охранял лежавшего на носилках раненного государя и потом близ Переволочны разделил судьбу всей его армии. Группа офицеров, в которой находился К. Руланд, была отправлена сначала в Чернигов, а затем в Москву, по которой 21 декабря 1709 г. царь Петр триумфально провел поверженное войско⁴.

Вскоре тысячи шведских офицеров были расселены по разным местностям европейской и азиатской России. К. Руланду выпал древний, известный с XIII в. город Галич. Прожив там три года, швед выпросил у местного воеводы двухмесячный отпуск в Москву, откуда посредством остроумных уловок бежал в Архангельск и затем после долгих месяцев плавания — через Ливорно, Геную, Марсель, Гамбург — высадился в Штральзунде и вновь стал служить в драгунском полку. Затем было тяжелое ранение, опять плавание — через Любек, Гамбург, Амстердам — с целью добраться до Гётеборга, и опять плен, теперь уже датский. Попытка бегства и на сей раз оказалась удачной — в ноябре 1716 г. скитаниям пришел конец; К. Руланд сошел на берег в Стокгольме. Возведенный шведским монархом Фредриком I в дворянское достоинство (1720), он со следующего года продолжил военную службу, уже в мирных условиях⁵.

Приблизительно третья (последняя) часть текста, посвященно-го пребыванию будущего мемуариста в России и бегству через Архангельск, опубликована на русском языке⁶. Здесь же я помещаю фрагмент воспоминаний о жизни в Галиче, освещающих интереснейшие подробности быта и нравов провинциального города, условия, в которых жили пленные офицеры, и их взаимоотношения с представителями местной администрации. Особую ценность мемуарам придает то обстоятельство, что К. Руланд, как это повсеместно следует из его текста, овладел разговорным русским языком и без затруднений общался с нашими соотечественниками. Это позволило ему сообщить своим читателям интересные сведения, которые в противном случае были бы для нас безвозвратно утрачены. Сведения эти не удастся проверить по русским источникам, поскольку таковые неизвестны. Однако очевидно, что изложенное шведом невозможно было и выдумать.

В квадратные скобки помещены слова, отсутствующие в оригинале, но необходимые для правильного понимания смысла. В круглые скобки — написанные автором латиницей слова, обозначающие российские реалии.

... Когда пришло время (после того как в приказе (precasen) завершили распределение), большинство из нас рассеяли по всей России. Меня вместе с офицерами общим числом 100 человек — капитанами, лейтенантами, корнетами, священником и несколькими адъютантами отправили в город под названием Галич (Galitz) в 110 милях⁷ от Москвы под надзор тамошнего воеводы (wojwod) по имени Алексей Яковлевич (Alexie Jacloritz), [под началом] у которого были другие разные малые воеводы в иных городах этого дистрикта⁸. То был довольно-таки алчный человек, изобретавший всяческие поводы обобрать нас, а в особенности тех, кто, как ему удавалось разузнать через своих многочисленных слуг и рабов, еще что-то имел. Мне он различными способами старался досаждал квартирой, ибо как только я занимал маленькое жилье в одном месте, мне приходилось иногда через восемь, иногда через 14 дней, а порой спустя два месяца переезжать на другое, и это причиняло мне порядочные неудобства, тем более что, как говорит пословица, дом меняют не чаще, чем теряют корову. И я дал воеводе золотой дукат с условием, что буду спокойно жить у одного писца (skrifware) в его собственном доме; тот был рад принять меня, если я на свои средства велю выложить в горнице (gordniska) изразцовую печь. (То была холодная, или летняя комната, отделенная от его с женой комнаты.) Воевода пообещал, заверив, что не станет меня тревожить, но держал обещание не долее, чем до следующей зимы, когда я хорошо все там обустроил. Дело в том, что в Галич приехал один стольник (stolnick) со своей женой и многочисленными нагруженными багажом санями. Он был назначен туда царем (zahap⁹) для присмотра за воеводой. Поскольку стольник несколько заранее прислал воеводе известие о своем приезде, дабы тот позаботился о квартире, воевода и указал ему на мою как на самое лучшее и удобное в городе жилье, и, таким образом, стольник в 9 часов утра прибыл на двор со всеми своими нагруженными багажом санями, а воевода тем временем через урядника (uradnik) (это такой офицер, который обучает новонабранных рекрут перед отправкой в армию, их в городе тогда было 300) приказал мне освободить мою квартиру для стольника. Но я ответил, что не сделаю этого, так как сам на нее потратился, однако о дукате умолчал. Получив мой ответ, воевода еще раз прислал [урядника] передать, что если я не подчинюсь добром, то он знает хороший способ выставить меня худом. На это я передал ему ответ, что ему придется потрудиться сделать

то, чего он не может приказать, тем более что добром переезжать я не намерен. С тем урядник опять отправился к воеводе. Хорошо осознавая, что за этим должно последовать нечто особенное, я послал к нескольким жившим по соседству офицерам с просьбой тотчас же прийти ко мне, что они и сделали. Я коротко изложил им суть дела, и они пообещали поддержку.

Тем временем стольник и его жена сидели в большой комнате хозяина; войдя туда, я рассказал стольнику о постоянных придирках ко мне воеводы; потом мы поговорили о другом и [вскоре] сделались с ним добрыми друзьями и почти так же — с его женой.

Около полудня урядник привел 300 новобранцев при двух мушкетах и выстроил на улице перед окнами. Тогда я открыл все мои окна, мы встали в них и смотрели на солдат в ожидании, что предпримет урядник. Стольник с женой порядочно напугались, так как были уверены, что произойдет стычка, но я заверил их, что если такое и случится, то ни им и никому из их людей и багажу не будет причинено ни малейшего вреда, и затем велел закрыть ворота. Урядник угрожал штурмовать дом, а я, показывая наши дубинки, приглашал его расстараться. Все это без кровопролития продолжалось приблизительно до наступления сумерек. Тогда урядник отправился к воеводе и доложил ему, что мы намерены драться. Воевода тотчас вместе с урядником прислал еще дьяка (diak) с предложением переехать на другую квартиру, которую воевода определенно и не хотел, и не мог обеспечить, тем более что во всем городе не было столь удобного и без курных помещений дома, как это устроенное мною жилье. Но воевода прислал ко мне из приказа самого старшего писца с запряженной в сани лошадью; писец предложил последовать за ним в замок¹⁰ к воеводе, что я и сделал, но прежде попросил своих товарищей до моего возвращения ни в коем случае не уступать комнату, так как может статься, что воевода посадит меня под арест. Они мне это твердо пообещали.

Войдя в большой зал, где воевода обычно давал аудиенцию, я увидел там много старых бояр (bojareg), дворян (dwornikar), писарей (pissars) и т. д. Воевода ненадолго повернулся к окну, затем, крестясь, к богам¹¹ и, поворотясь ко мне, сказал: “Я слышал, ты хочешь драться”. Я ответил, что никого еще не побил, но тот, кто попробует побить меня, получит тренку. Однако всему городу известно, что я вообще никого не обижаю. На этот мой ответ некото-

рые из присутствующих (не знаю, кто именно) сказали: “смирный человек” (smirna jolowick). Затем воевода спросил, почему я так строитив и не хочу подчиниться его приказу. Я ответил, что буду подчиняться всем его справедливым приказам, но не стану этого делать, когда он поступает со мной столь несправедливо. Поскольку он знал, что за упомянутый дукат обещал не беспокоить меня более переездами, а также что я с помощью хозяина улучшил горницу (gornitzen) и выложил изразцовую печь, причем на собственные средства, то он спросил, во сколько это обошлось. Я ответил: в пять рублей; это было, впрочем, суммой минимальной. Он вытащил кошелек и велел самому старшему писцу отсчитать мне пять рублей. Затем осведомился, хочу ли я теперь уступить хорошую квартиру. “Да, — сказал я, — но не прежде, чем ты дашь мне другую”. “Где ты хотел бы поселиться?” — спросил он. Тогда я предложил [дом] горожанина у реки, в котором, как мне было известно, имелась горница, но холодная, вообще без печи, ибо я никогда не чувствовал себя хорошо в их больших комнатах с бесчисленными тараканами (turkaner). Едва я назвал упомянутую квартиру, как воевода тотчас послал двух денщиков с приказом известить горожанина, что я буду жить у него.

Прощаясь с воеводой, я попросил двое саней для перевозки имущества на новую квартиру, вернулся к моим товарищам и рассказал о происшедшем. Поскольку мое возвращение затянулось до позднего вечера, они было уже подумали, будто я арестован, и созвали еще нескольких товарищей, намереваясь не уступать, пока меня не выпустят. Но теперь они разошлись по своим квартирам, а я велел двум моим слугам сразу отнести пожитки в сани и покинул комнату со всей вежливостью по отношению к дьяку, [стольнику] и его жене, которые казались весьма ко мне расположенными.

Когда я подошел к отведенному мне дому, его хозяин запер ворота и не пожелал открыть, невзирая на мой стук. Мне пришлось велеть рубить их, ведь уже наступала ночь. Войдя во двор, я хотел зайти в дом, но дверь в сени оказалась запертой. На мой стук не открыли, хотя никто еще не спал. Тогда я приказал рубить дверь. Войдя в сени, обнаружил запертыми двери и в горницу, и в комнату, где находились хозяин, его жена и слуги. Постучав в дверь, я крикнул хозяина, но, не получив ответа, пригрозил изрубить ее. Только тогда вышел хозяин с ключом от горницы, расположенной напротив комнаты, и мои вещи были перенесены.

Наутро хозяин посетил воеводу с жалобой на то, что я учинил насилие над домом, и воевода послал за мной. Когда я вошел, он, как и прежде, повернулся к своим богам и пожаловался, что у него со мной хлопот больше, чем со всем воеводством (wojwodskap). Он спросил меня, зачем я учинил столь большое насилие над домом. В ответ я спросил, посылал ли он хозяину известие о том, что я буду стоять у него на квартире. “Да”, — сказал он. “Прекрасно, — сказал я. — Вот я и воздал тебе таким манером честь, ибо явилось бы оскорблением твоей власти, если бы такой мужик осмелился не повиноваться начальству, такому высокому господину, как ты, и воспротивиться твоему приказу. Ведь он, услышав от твоих денщиков (denchikar) о твоем приказе мне перейти к нему на квартиру, тут же запер ворота и двери и не открывал на мой вежливый стук и на голос. Что же мне оставалось делать?” После этого воевода приказал привести хозяина и дать ему батогов (rodogg), а мы с воеводой на короткое время сделались добрыми друзьями, и он иногда по вечерам, завершив свои дела, посылал за мной и угощал медом и водкой (miöd och bränwin). Однако дружба продолжалась недолго.

Когда я жил у этого человека¹², у самого дома через город протекал ручей, впадающий в довольно большое и богатое рыбой озеро¹³, которое недавно покрылось льдом — только у берега, но на довольно большом протяжении, причем таким крепким, что рыбаки могли тянуть зимний невод.

Дабы как-то развеять скуку, некоторые офицеры, в юности научившиеся кататься на коньках, велели изготовить себе по паре, и я в том числе. Мы катались, и вышло так, что я убежал дальше по более чистому льду, не зная, что он установился только прошлой ночью, и посередине озера провалился в воду. Мои товарищи это, конечно, увидели, но так как никто из них не отважился приблизиться ко мне настолько, чтобы помочь, я долго пробыл в воде, лишь держась за лед руками, пока господин лейтенант Пинелло¹⁴ не подошел достаточно близко, что я смог попросить его сбегать к рыбакам за длинным шестом, каким пользуются при зимней ловле рыбы неводом. Он потихоньку подвигал шест ко мне, чтобы я смог ухватиться за его конец зубами. Так и было сделано, и я выбрался на лед.

Эту квартиру я занимал недолго, пришлось перебраться в пустой маленький дом вместе с лейтенантом по фамилии Ваккхольс.

За время, что я там жил, мы с двадцатью офицерами сговорились о тайном побеге и для этого купить себе летом по лошади. Постепенно запасались провиантом, пряча его в кустах за городом; туда же один из участников нашего заговора положил несколько тонких рубашек. Но прежде чем дошло до самого дела, весь план узнал один бывший среди нас адъютант, которого кто-то, не знаю, кто именно, ввел в компанию за превосходное знание [русского] языка. Как раз когда должно было осуществиться предпринятое, он нас предал, донеся воеводе, и в подтверждение своих слов, взяв с собой несколько денщиков (*denschikar*) воеводы, пошел к тому месту за городом, где хранились все наши запасы, и все это было доставлено господину. Адъютант назвал всех участников заговора, и все мы были приведены в приказ. К несчастью, вышло так, что когда русские пришли к одному корнету, денщики, производя тщательный обыск, в кровати под соломой обнаружили два ружья. Поскольку предатель, без сомнения, знал об имевшихся у корнета ружьях, у него и искали тщательней.

Придя в приказ, мы заняли внутреннюю комнату, где обычно сидит за решением важных дел воевода, но корнету пришлось довольствоваться обществом других, русских, узников во внешней комнате. Мы таким образом провели взаперти несколько дней, утверждая через дьяка (контора которого находилась в комнате, где содержали русских арестантов), что воевода запер нас безвинно. Он же как найденным в лесу, так и оружием у корнета хотел доказать, что мы, к его великому несчастью, намеревались бежать. Желая услышать правду из собственных уст корнета, воевода решил на русский манер выпороть его кнутом (*knut*). Об этом я узнал от караульного солдата, которому время от времени давал несколько копеек (*сорекег*). Но корнет, узнав про это, совсем упал духом и дал понять, что ему придется во всем сознаться, а это было для нас худо. Поэтому я вышел (а нам было строго запрещено с ним разговаривать) и уверил его, что до этого ни в коем случае не дойдет, хотя его и приведут на конюшню, расположенную прямо под нашими окнами. Наконец с наступлением утра, назначенного воеводой для этого позорного дела, я карандашом написал записку капитану барону Кройтцу с просьбой спешно собрать несколько наших товарищей, и когда воевода будет на конюшне со своими подручными и корнетом, внезапно ворваться в дверь.

Все так и произошло. Они как раз собирались раздевать корне-

та. Воевода чрезвычайно перепугался, и не только такому быстрому и неожиданному нападению, но также нашим вопросам: каковы, по его мнению, будут последствия распоряжения о наказании кнутом шведского офицера. Не будет ли это стоить воеводе жизни, если такое дойдет до царя (zaren), а кроме того, не прикажет ли король Карл в ответ на это отвратительное злодеяние забить до смерти всех [пленных] русских генералов в Швеции. И что офицер, подвергшийся столь позорному наказанию, уже никогда более не будет принят в обществе честных людей. На это воевода ответил, что если кто-то из русских получает кнута, он остается таким же честным, как прежде, и т. д. Воевода был рад, что легко отделался, и пошел домой, отпустив все же корнета под арест вместе с нами и пригласив наших офицеров с собой в замок, где начались переговоры о нашем освобождении, но никакого соглашения достичь не удалось. И нам пришлось просидеть взаперти еще несколько недель, несмотря на то, что воеводе хотелось освободить комнату. Но и понятно было, что прежде он желал бы получить в подарок серебро или золото, а мы и не помышляли этого делать, тем более что были очень бедны, так как не получали никаких средств ни от русских, ни из Швеции. Нам даже не было дозволено вести какую-либо переписку, благодаря которой тот или иной мог бы получать деньги из дома от своих родственников. И многие уже были вынуждены продать свою одежду, а для прикрытия наготы имели одну только овчинную шубу.

Наконец воевода объявил, что если все поручатся за каждого и каждый за всех, он нас выпустит. Но поскольку подобное нам не приличествовало, решили, что [каждые] пять и пять человек поручатся друг за друга, и если убежит один, остальные за него страдают. Вся наша компания так и поступила, кроме меня, и поэтому никто не пожелал за меня ручаться, предполагая, что в конце концов я принесу им беду, хотя у меня никогда и в мыслях не было причинить кому-либо из наших малейший вред или несчастье.

Вот так все мы вышли. Затем воевода через урядника строго приказал всем, у кого были лошади, продать их. Одни последовали приказу, а другие нет, и тогда он велел передать, что у тех, кто не избавится от лошадей, он их отнимет даром. Поэтому офицерам пришлось продать их за полцены, но я все же остался единственным, сохранившим лошадь, я оставил ее у жившего по соседству с моей квартирой кожевника по имени Макар Никифорович (Макар

Mikiwołowitz). Мы с кожевником были добрыми друзьями, тем более что порой я у него, а порой он у меня занимал деньги, нужные для покупки сырых кож...¹⁵

¹ Важно не упускать из виду, что Швеция жила по старому стилю (юлианскому календарю), но в 1700 г. король Карл XII повелел исключить добавочный день високосного года (29 февраля), и шведский календарь стал опережать юлианский на один день. Так продолжалось до 1712 г., когда за 29 февраля последовало 30 и королевство вернулось к прежнему календарю (Sveriges historia från äldsta tid till våra dagar. Stockholm, 1881. D. IV. S. 542, fn. 1). Поэтому шведские источники и литература датой баталии при Полтаве называют 28 июня.

² См. обзор источников и литературы в кн.: *Беспятых Ю. Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 6–9, 31–33.

³ *Roland C., von. Minnen från fångenskapen i Ryssland och Karl XII:s krig / Utgifna af S. E. Bring. Stockholm, 1914.*

⁴ См. описание этого торжества в «Записках князя Бориса Ивановича Куракина: 1709–1727» (Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 214–215), а также в дневнике иностранного дипломата: *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом / Пер. с датского Ю. Н. Щербачева // *Лавры Полтавы / Составление, послесловие, указатель имен, глоссарий В. П. Наумова. М., 2001. С. 104–109, 111.* Ю. Юль поместил свое свидетельство под 1 января 1710 г. (по григорианскому календарю).

⁵ О дальнейшей судьбе К. фон Руланда см.: *Bring S. E. Majoren och riddaren Carl von Rolands biographie // Roland C., von. Minnen... S. V–VII.*

⁶ Похождения шведского офицера в России (1714 год) / Вступ. статья, перевод с шведского и примечания Ю. Н. Беспятых // *Lettre internationale = Всемирное слово: Международный журнал. 2002. № 15. С. 82–89.*

⁷ Очевидная ошибка или опечатка: речь идет о Галиче, ныне находящемся в Костромской области и отстоящем от Москвы на 473 км к северо-востоку. Шведская (ок. 10 км), немецкая (ок. 7,5 км), русская (ок. 7,5 км) мили в пересчете дают гораздо большие числа.

⁸ Галичского уезда. — См.: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. Приложения. Схемы уездов России конца XVII — начала XVIII в. С. 250.

⁹ Скорее всего, это случай неверного чтения; как правило, К. фон Руланд вполне точно передает латиницей русские слова.

¹⁰ В тексте: slottet; имеется в виду крепость.

¹¹ К иконам.

¹² «В рукописи [далее] явно пропущена одна или несколько фраз». — Подстрочное примечание С. Э. Бринга (*Roland C., von. Minnen... S. 13, fn.**).

¹³ Галичское озеро (площадь 75,4 кв. км, длина 17 км).

¹⁴ Сведения об этом и о других упоминающихся ниже соотечественниках К. фон Руланда см.: *Berg S. E. Anmärkningar // Roland C., von. Minnen... S. 120. № 27, 28, 30.*

¹⁵ *Roland C., von. Minnen... S. 9–16.*

KARL VON ROLAND. MEMOIRS OF BEING A PRISONER OF WAR IN
RUSSIA AND OF KARL'S XII WARS (1709–1714)

A part of the memoirs of the Swedish officer who was taken prisoner after the Battle of Poltava (1709) is published here in Russian translation. His memoirs contain unique account of life and customs in a provincial town of Galich. The life of prisoners and their relations with the local administration and residents are described. The publication contains Introduction with K. von Roland's short biography; the essential comments are supplemented.

В. П. Берков

**НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ
М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО**

Для большинства людей, общавшихся с М. М. Стеблин-Каменским, он, естественно, был прежде всего выдающимся ученым, который внес огромный вклад в филологическую науку — и в языкознание, и в литературоведение.

О его работах уже сказано и немало — и его коллегами, и его учениками. Однако о Михаиле Ивановиче как человеке написано совсем немного, и для тех, кто не был близко знаком с ним, возможно, будет небезынтересно познакомиться с некоторыми сторонами его личности.

Человеческая память, как всем прекрасно известно, весьма несовершенна и причудливо избирательна. О ней М. И. как-то сказал, что она похожа на скверно и своенравно работающий фотоаппарат, который время от времени сам по себе делает снимок, далеко не всегда важный — и притом неточный, пропуская гораздо более значительные сюжеты и моменты. Автор этой заметки знал М. И. тридцать пять лет, но тем не менее берет на себя смелость попытаться привести лишь некоторые из запомнившихся ему эпизодов.

Таким образом, у этой заметки весьма скромная цель: рассказать только о некоторых человеческих штрихах личности М. И., которые, возможно, неизвестны читателям этих строк. Тем более, что людей, лично знавших М. И., становится все меньше (он умер в 1981 г.) и скоро совсем не останется.

Как все выдающиеся люди, М. И. был, кроме своего дара ученого, щедро наделен природой разными талантами.

Так, он был великолепным оратором. Он обладал редким даром очень доходчиво, но никогда не впадая в упрощения, излагать весьма сложные проблемы. А связано это было с тем, что он мало как кто другой мог быстро оценить суть теории, мгновенно отшелушить терминологические красоты и показать ее истинную сущность. Студенты не раз изумлялись: как это, оказывается, все просто!

Говоря об его таланте университетского профессора, следует назвать одно из его последних публичных выступлений. Этот блестящий доклад состоялся осенью 1979 г. и был посвящен 800-летию со дня рождения Снорри Стурлусона (М. И. называл его самым выдающимся из всех когда-либо живших исландцев).

Кстати, М. И., читая лекции студентам или аспирантам, обычно стоял у доски и держал в руках листок или два. Излишне говорить, что он никогда не зачитывал их, он просто время от времени бросал на них беглый взгляд, чтобы убедиться, что ничего не упустил.

Стоит упомянуть, что в первые годы существования скандинавского отделения на филфаке М. И., помимо чтения лекций (все эти курсы он разработал сам, и впоследствии они были изданы в виде книг), вел и практические занятия по норвежскому языку. И здесь он отходил от шаблонных методов преподавания. Так, вместо не запоминаемых студентами банальных предложений типа «в саду растут высокие деревья» он предложил нам, студентам первого семестра, перевести на норвежский язык фразу «большой идиот играет с маленьким зверем».

Хотелось бы начать с некоторых черт М. И., характеризующих его не как кабинетного ученого, погруженного в филологические размышления, а как веселого и остроумного человека. М. И. был щедро наделен природным чувством юмора, был мастером экспромта. Вот несколько запомнившихся случаев.

Как-то в начале 60-х годов мы с М. И. и моей ныне покойной женой решили совершить путешествие на машине по Прибалтике. Конечной целью была Калининградская область: хотелось посмотреть, какой когда-то была Восточная Пруссия. Путь наш лежал через Латвию и затем по Куршской косе. Из проезда по Латвии запомнилось, что, обратив внимание на какой-то убогий домишко, М. И. сказал:

— А вот дом бедного латышского сапожника.

Таких домишек оказалось, естественно, немало, что последовательно отмечалось М. И. Под конец он резюмировал:

— Как много в Латвии бедных сапожников!

Когда мы добрались до косы, выяснилось, что гостиниц на ней нет, и единственное место, где теоретически можно остановиться, это бывшая дача Томаса Манна (местные жители называли ее без затей «Томас Манас»). Правда нас предупредили, что туда могут и не пустить. Чтобы все же переночевать в «Томасе Манасе», я предложил М. И. испробовать проверенный мной однажды способ (ему научил меня один факультетский коллега) — с достоинством произнести: — Я профессор из Ленинграда. — И с небрежным кивком через плечо в нашу сторону добавить: — А эти люди со мной.

М. И. это явно было не по душе, но более чем реальная перспектива ночевать в машине (а было довольно прохладно) сыграла свою роль, и он согласился. Как ни странно, сработало. Однако выяснилось, что надо перенести со второго этажа две кровати. М. И. с таким демократическим энтузиазмом участвовал в перемещении кроватей, что на лицах служительниц Томаса Манаса явно читалось сомнение, действительно ли этот шустрый человек — профессор из Ленинграда.

Место для машины было довольно далеко от самой дачи, и мы с женой отправились перегонять ее туда. Когда мы минут через двадцать вернулись, М. И. сказал: — Пока вы там ходили, я сочинил роман. А сюжет у него следующий.

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает, хотя бы на время, бросить все это и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою заветную мечту — написать роман. И вот он приезжает в небольшую литовскую рыбацкую деревню (естественно, на Куршской косе). Там он встречает очаровательную молодую рыбачку и сообщает ей, что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет. А сюжет таков.

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает, хотя бы на время, бросить все это и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою заветную мечту — написать роман. И вот он приезжает в небольшую литовскую рыбацкую деревню, где встречает очаровательную

молодую рыбачку и сообщает ей, что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет. А сюжет таков.

Немолодой профессор... и т. д.

Во время поездки выяснилось, что М. И. коллекционировал города, в которых побывал. Названия он аккуратно заносил в специальную записную книжечку. Нередко возникала проблема: считать ли этот населенный пункт городом? Чаще всего дискуссии кончались тем, что этот пункт удаивался почетного статуса города. Насколько помнится, к тому времени число занесенных городов перевалило за двести.

На обратном пути (мы ехали вдвоем: моя жена улетела из Калининграда на похороны) особых событий не было, упомяну лишь два мелких эпизода.

Чтобы не запутаться в расчетах, мы выделили особый кошелек — «кассу» (я был кассиром), куда клали равные суммы. Каждый раз, когда нам надо было выложить деньги, М. И. спрашивал меня по-литовски: — Касса дирабс? (Касса работает?) с вариантами типа: — Ну, как наша касса еще дирбас? — и т. п.

В одном сельском литовском ресторане, где меню было напечатано только по-литовски, мы оказались в затруднении. Однако было решено обойтись без помощи официантки-переводчицы. Хотя М. И., насколько мне известно, никогда литовским специально не занимался, он превосходно справился с задачей, привлекая для расшифровки множество языков, включая, помнится, санскрит. Слушать его трактовки было истинным удовольствием. Правда, официантка не была в восторге от нашего чуть ли не часового изучения меню. (Нам, надо сказать, так и не удалось сообразить, что такое «цепелинай», кроме того, что это множественное число от «цепелинас»; мы, конечно, их и заказали; оказалось, что это что-то вроде больших клецок.)

Вот еще несколько примеров его экспромтов.

Довольно давно в Москве (кажется, в Институте языкознания) проводилась научная конференция на тему «Грамматикализация и лексикализация». Разумеется, ничего нового никто не сказал и ни в чем не убедил своих противников, да, собственно говоря, на это и расчета не было: главное, что состоялась глубокомысленная конференция по актуальной научной проблеме. М. И. с докладом не выступал (ему давным-давно все было ясно). Время заседания он использовал довольно необычно. Дело в том, что его многочис-

ленные (лингвистические) поклонницы перед заседанием надарили ему ворох сборников, в которых были их статьи (лестно ведь подарить свое произведение самому Михаилу Ивановичу Стеблин-Каменскому). Сидя в первом ряду, М. И. бегло пролистывал эту продукцию и, изредка обнаружив если и не жемчужное зерно, то хотя бы что-то стоящее, с треском выдирали заинтересовавшие его страницы, а сам сборник небрежно кидал под стул. От этого треска докладчики и сидящие в президиуме пугливо вздрагивали. О реакции авторов можно только догадываться. К концу заседания под стулом образовалась внушительная гора сборников.

Казалось, М. И. совершенно не прислушивался к тому, что говорилось с кафедры. Выяснилось, что это не так. Он обладал редким даром, занимаясь каким-то делом, следить за происходящим вокруг. Уже к концу заседания он попросил слова и с убийственной иронией описал всю дискуссию в виде балета. Насколько помнится, там был кордебалет, где две группы балерин — сторонницы лексикализации в белом, а сторонницы грамматикализации в черном (или наоборот, не помню) танцевали на разных эмитических уровнях. Кончалось все *pas de deux* грамматикализации и лексикализации.

Докладчики и президиум, конечно, не подали виду, что обиделись. А, может быть, и впрямь приняли сценарий этого балета за невинную шутку.

Около 1960 года М. И. наконец получил высочайшее разрешение поехать в Исландию. Поездка была безо всякого преувеличения триумфальной: его хорошо знали заочно по его работам и очень высоко ценили. Но это — особый разговор, а сейчас речь идет об экспромтах и юморе М. И.

В Исландии один из излюбленных жанров — рассказы о привидениях. Рассказы эти бывают самые разные, от весьма прозаических до совершенно фантастических. Трудно сказать, верят ли в привидения современные исландцы. М. И. утверждал, что не верят, но считается хорошим тоном делать вид, что верят: это соответствует национальным традициям.

Раз в одном обществе, естественно, заговорили о привидениях. М. И. тут же рассказал свою историю. Он поведал М. И., вовсе не профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский, а привидение. Самого М. И., как и следовало ожидать, не выпустили из Ленинграда (по более поздней версии М. И., он умер в Ленинграде). Он брался доказать это. Когда его не видели, он снимал свою голову

и брал ее под мышку. Однажды он в таком виде прошеествовал по пустынному ночному Рейкьявику до своей гостиницы на окраине. Много лет спустя исландцы с восторгом пересказывали в деталях запомнившуюся им «сагу о привидении» М. И.

Выступая оппонентом по одной фонологической диссертации, где, в частности, на основании сравнения древнего состояния одного языка и его современного, делались выводы о его фонемном составе в средние века, М. И., отвлекшись от текста своего официального отзыва, сказал:

— Вполне возможно, что это и так. Возьмем, однако, другой случай. Я живу примерно в пяти километрах от университета. От меня туда ходит троллейбус. Я вышел из дому за полтора часа до заседания ученого совета. Расчет времени, затраченного на путь, должен показать, что я ехал на троллейбусе. На деле же я встретил знакомого, заболтался с ним, а потом, спохватившись, взял такси. Так что скорость моего передвижения по городу была совсем не такая, как можно предполагать, исходя из средней скорости троллейбуса. — Так же обстоит дело с развитием языка: оно не идет равномерно.

Когда в члены-корреспонденты АН СССР одновременно выдвинули М. И. и В. Н. Ярцеву (тогда уже, кажется, директора Института языкознания в Москве), М. И. снял свою кандидатуру. Он объяснял это так (я запомнил дословно): — Выберут Викторию Николаевну, наступит благоденствие для всей нашей лингвистической науки. А если выберут меня, станут спрашивать: «Чем подлец взял?» (Конечно М. И. прекрасно знал цену и себе, и своим конкурентам, но не хотел участием в недостойном фарсе как бы объективного избрания, где все заранее было задано, придавать ему видимость легитимности и отшучивался.)

На юбилее Т. И. Поздранковой, любимой всеми филологами старшей преподавательницы английского языка, был предложен конкурс на самый короткий тост в честь юбиляра. Его выиграл М. И., провозгласив: «Будьте!».

В 1973 г. у М. И. случился инфаркт. В это время он увлеченно работал над статьей, которую потом считал одной из своих лучших. Рассказывал он об этом так: — Я работаю, а тут, видите ли, инфаркт. Но я уже не могу остановиться. Меня кладут в карету скорой помощи, а я пишу. Укладывают в палату, а я все пишу. Писал, пока не закончил.

Этот последний эпизод дает повод перейти от юмора М. И. к более серьезным чертам его личности.

Как работал М. И.?

Мало кому довелось видеть сам процесс его работы, разве что членам его семьи. Поэтому то, что излагается дальше, основывается на его рассказах. Когда он задумывал новую работу, он досконально знакомился с литературой вопроса. (Читал он, сидя в своей любимой качалке.) Прочитанные работы он кратко конспектировал в больших толстых тетрадах, на полях которых записывал свое мнение. Запомнилось несколько таких маргиналий. По поводу одной толстой немецкой книги М. И. коротко написал: «Туманно!». О другой он отозвался значительно проще: «Чушь!». А еще об одной: «Ну, как он не понимает такой простой вещи. . .?!».

Важным этапом его научной работы были прогулки — обычно двухчасовые — во вторую половину дня, когда он обдумывал работу и прочитанное (при этом он замечал, как меняются деревья, и любовался белками). Как правило, он садился писать работу, когда она была полностью продумана, и оставалось лишь записать ее и отредактировать. Ср. выше его рассказ о работе, которую он писал со свежим инфарктом.

Читая специальную литературу, М. И. ничего не принимал на веру. Он должен был все продумать сам. Один коллега назвал его (заочно, разумеется) «конструктивным нигилистом». А в сущности, это был очень высокий комплимент. Нигилистом быть не фокус, а вот противопоставить расхожему мнению свое, глубоко продуманное, дано единицам — таким людям, как М. И.

Важной чертой его научных занятий была поразительная способность одновременно работать в нескольких различных областях филологии. Примеров можно привести множество, так что можно ограничиться несколькими первыми его книгами. В 1953 г. вышла его «История скандинавских языков». (Книгу эту М. И. не любил, в частности, потому, что она была испорчена открывающей предисловие редакционной вставкой: «Основополагающие труды И. В. Сталина по языкознанию впервые поставили науку об истории языка на твердую марксистскую почву. Уже само сталинское определение языка как общественного явления. . .».) В 1955 г. вышел его учебник «Древнеисландский язык» (по его второму изданию студенты занимаются до сих пор). В 1956 г. под его редакцией, с его предисловием и комментариями был издан том переводов «Исланд-

ские саги» почти на 800 (!) страниц. Годом позже, в 1957 г., была опубликована его «Грамматика норвежского языка» (с интереснейшими очерками по общей теории грамматики) и т. д. Оценивая это, надо учитывать, сколько времени в советское время занимала подготовка книги к печати. К тому же у М. И. все время была полная профессорская нагрузка в университете.

Тут, видимо, надо сказать, что М. И. в силу ряда обстоятельств начал публиковаться довольно поздно: первая его печатная работа увидела свет в 1946 г., когда автору была уже 43 года. Некоторые ученые к этому возрасту снижают свою продуктивность. У М. И. дело обстояло совсем наоборот: с годами поток его — серьезнейших — публикаций только возрастал. Характерен даже тот факт, что ему действительно стало плохо (через два дня он скончался), когда он увлеченно работал над изданием «Саги о Сверрире».

К своим аспирантам он относился бережно и вместе с тем требовательно. Существенно, что он всегда читал аспирантские работы очень быстро, доброжелательно и строго. Замечания, как правило, были немногочисленными, но меткими и только по существу.

Как-то он произнес знаменательную фразу: «Я люблю своих учеников».

Он рассказывал, что однажды проводил экзамен двух кандидатов в аспирантуру на одно место. Про первого он сказал, что тот врет, но врет интересно, с оригинальными, хотя порой и вздорными мыслями. Второй отвечал правильно, все добросовестно выучил, но без какого-либо своего мнения о материале. «Я взял конечно первого», — сказал М. И.

Много лет М. И. заведовал кафедрой. Благодаря ему все эти годы на кафедре была на редкость благожелательная обстановка. Ни склок, ни интриг. Периодически М. И. приглашал всю кафедру в гости. На одной из таких встреч произошел несколько неприятный инцидент. Один из членов кафедры, искренне желая сделать МИ приятное, сказал, что кафедра скандинавской филологии — викингский корабль, а М. И. его кормчий. М. И. это неожиданно рассердило. «Я не начальник, — сказал он, — мы все вместе делаем одно общее дело». И привел цитату из одной саги, где герой говорит: «Мы все равны». Возникшую неловкость удалось преодолеть лишь тем, что сразу было рассказано, как некоторые ГДР-овские немцы, читавшие по-русски, перевели «великий кормчий» (о Мао) как «der große Ernährer», дословно «великий кормилец», спутав русские сло-

ва корма и кормить. М. И. это очень позабавило, и инцидент был исчерпан.

Вообще М. И. терпеть не мог лести или даже то, что могло показаться лестью. На одной конференции скандинавистов в Кярику (Эстония) один московский профессор произнес тост в честь МИ: «За патриарха нашей скандинавистики!». Забавно, что на этот тост мгновенно и идентично — «от патриарха и слышу» — прореагировали три человека (один шепотом, другой вполголоса, а М. И. вслух).

На одной из скандинавистских конференций одна средних лет дама, поговорив с М. И., поспешно откланялась, мотивируя это тем, что ей необходимо позвонить сыну в Москву. М. И. сказал: «Надо же, а я думал, что она девица».

М. И. редко ввел разговоры на общеполитические темы, хотя сказать ему, естественно, было что. Запомнилась одна его притча. В некоем государстве человек, чтобы не подвергнуться репрессиям, остаться в живых, должен был представить справку о том, что он лично задушил пятерых своих сограждан.

Выше рассказывалось о некоторых чертах личности М. И. Стоит упомянуть еще несколько, так сказать, более земных.

М. И. невероятно много читал, причем не только литературу по специальности. Можно было поражаться его безупречному вкусу. Возвращая мне «Мастера и Маргариту» (естественно, журнальный вариант, чудом попавший ко мне), М. И. произнес только одно слово: «Гениально!» Зато о данном ему довольно посредственном норвежском романе — а он старался читать как можно больше на всех скандинавских языках — он столь же лаконично отозвался: «Баракло!»

В первые послевоенные годы М. И. регулярно ходил на филармонические концерты. Там он встречал многих коллег по филфаку.

М. И. был страстный — и удачливый — грибник. Как-то раз, когда мы оба одновременно закончили занятия в час дня (тогда «пары» действительно были парами: 9–10.50, 11–12.50 и т. д.), М. И. совершенно неожиданно предложил: «А давай-те ка съездим прямо из университета за грибами!» (я был на машине), что и было сделано. Вообще-то мы ездили с ним за грибами не раз и не два.

Успевал он и смотреть новые фильмы.

Непостижимо, как у него на все это хватало времени.

М. И. отнюдь не чурался застолий, охотно принимал в них участие. Но надо отметить, что он никогда не стремился завладеть

разговором, стать центром всеобщего внимания, не витийствовал. Конечно когда он говорил, все к нему прислушивались, потому что он никогда не произносил тривиальностей и был неизменно остроумен. Но это было естественной его чертой, и он никогда не стремился блеснуть умом, у него это получалось органически.

Еще несколько черт характера М. И.

Он был очень щедрым человеком, который неизменно делился своими огромными знаниями и своими идеями. Он был щедрым и в чисто житейском плане. Упомянем лишь два примера.

Отправляясь с кем-либо на машине в дальнюю поездку, он неизменно брал с собой огромную коробку шоколадных конфет и периодически предлагал всем: «Не угодно ли конфетку?»

На одной из скандинавистских конференций с ее участников при регистрации по приезду неожиданно взяли очень много денег (за разные экскурсии, за многодневное бронирование номеров и т. п.), так что мы фактически все, включая М. И., оказались почти без средств. (Например, мы с А. С. Либерманом завтракали одной бутылкой кефира на двоих, благо хлеб на столе был бесплатный.) В один из дней М. И. где-то разжился десяткой (тогда это были деньги), на которую он для нас купил бутылку хорошего коньяка.

Он никогда не жаловался — ни на несправедливости, ни на здоровье. Он все сносил достойно.

М. И. принадлежал к уже вымирающему (скорее, увы, вымершему) поколению ярких российских профессоров, которые были и великолепными специалистами, шедшими своим собственным путем и ничего не принимавшими на веру, прекрасными учителями (т. е. не только преподавателями) и были в курсе всего нового в литературе и искусстве. Вместе с тем он был также очень земным человеком, что, хочется надеяться, показывает эта заметка.

Сведения об авторах

Алёшин Алексей Сергеевич — аспирант кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: лексикология и фразеология современного шведского языка, лингвокультурология. alexis001@mail.ru

Беспятых Юрий Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН. Научные интересы: источниковедение истории России, российско-западноевропейские связи в XVIII в. Автор 10 монографий, перевел 6 монографий с иностранных языков, ответственный редактор 25 монографий и сборников статей. ybespyatykh@yandex.ru

Воробьёва Евгения Валентиновна — аспирант, ассистент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: лексическая семантика, аспектология и компонентный анализ лексики норвежского языка. voroba@mail.ru

Григорьева Юлиана Михайловна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. Область научных интересов: история шведского языка, теоретическая грамматика, типология синтаксиса. juliana_grigorieva@hotmail.com

Гурова Елена Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры скандинавской филологии факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: словообразование, стилистика датского языка. elenagour@mail.ru

Диева Анастасия Алексеевна — преподаватель кафедры германской и кельтской филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: неопределенные местоимения в датском и русском языках. anastdansk@yandex.ru

Ермакова Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Научные интересы: норвежская литература XX в., древнескандинавская литература, фольклористика. olga.ermakova@list.ru

Жаров Борис Сергеевич — кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Научные интересы: датский язык во всех аспектах, скандинавская филология, культура Скандинавии. Автор «Датского произношения» (1969), «Краткого справочника по грамматике датского языка» (2008) и др., многих статей и переводов. bzharov@gmail.com

Капралова Наталия Николаевна — аспирант кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: норвежская литература. nnk.llees@yahoo.com

Коровин Андрей Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы Московского государственного педагогического университета. Научные интересы: литература Дании и Исландии, история и теория романтизма, малые прозаические жанры. Автор учебника «Западно-европейский и американский романтизм» (2002, в соавторстве). avkorovin@mtu-net.ru

Костанда Ольга Валентиновна — ассистент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: лексикология современного шведского языка. olgakostanda@mail.ru

Краснова Елена Всеволодовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Научные интересы: датская лексикология, словообразование, теория перевода. Важнейшие публикации: Датско-русский словарь (Копенгаген, 2005, в соавторстве). ekrasnova@gmail.com

Крылова Эльвира Борисовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Научные интересы: лексическая семантика, синтаксическая семантика, прагматика, средства выражения пропозициональной установки говорящего в датском языке. elvira_krylova@yahoo.dk

Кузьменко Юрий Константинович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, в 1994–2007 профессор Гумбольдтского университета (Берлин, Германия). Область научных интересов: история германских языков, рунология, языковые контакты в Скандинавии. Опубликовал книги: Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991; Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Berlin, 2008 и много статей. jurij.kusmenko@rz.hu-berlin.de

Ливанова Александра Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: лексикология, грамматика, фонетика, диалектология норвежского языка, теория перевода. Автор серии пособий «Давайте говорить по-норвежски», многих статей, соавтор «Большого норвежско-русского словаря». alex_livanova@yahoo.com

Лисовская Полина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: шведская художественная литература второй половины XX в. Автор статей о А. Стриндберге, П. К. Йерсильде, П. У. Энквисте и др. lisichka2001@yahoo.com

Ломагина Анастасия Всеволодовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой финского и скандинавских языков Российского

государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург. Научные интересы: литература Скандинавии, развитие ценностных и художественных ориентиров в литературах XIX–XX в. lvomagin2@gmail.com

Михайлова Ирина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: нидерландский язык и литература. Автор монографии «Язык нидерландской поэзии и проблемы поэтического перевода» (СПб., 2007), многих статей и переводов с нидерландского языка. michail@nevsky.net

Мокин Игорь Викторович — аспирант кафедры германской и кельтской филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: лексикология и словообразование шведского языка. igor.mkn@gmail.com

Пресс Наталия Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Область научных интересов: шведская художественная литература XX в. tusya_in_rock@hotmail.com

Савицкая Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: лексикология и словообразование шведского языка, проблемы перевода. Автор статей по шведскому словообразованию, лексике современного шведского языка и культуре Швеции. anna_savitskaja@mail.ru

Салтыков Андрей Александрович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий секцией датского языка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Область научных интересов: история датской литературы, датский язык. andrsalt@hotmail.com

Толстая Наталия Никитична — кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: лингвистический анализ перевода русской поэзии и прозы на шведский язык. Автор «Учебника шведского языка» (в соавторстве, 4 издания) и статей. Редактор и автор комментариев переводов Э. Сёдергран и К. М. Бельмана. natalyatolstaya1@rambler.ru

Удилова Дарья Александровна — аспирант кафедры германской и кельтской филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: актуальное членение предложения и порядок слов в предложении в современном шведском языке. daria_solsken@mail.ru

Чекалина Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: теоретическая грамматика, лексикология и история скандинавских языков; сопоставительная типология германских языков; контрастивный анализ скандинавских и русского языков. Автор «Грамматики шведского языка» (1984) и многих статей. etch1@yandex.ru

Юрьев Андрей Алексеевич — кандидат искусствоведения, профессор кафедры зарубежного искусства Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. Основная область исследовательских интересов: творчество Х. Ибсена. Автор ряда работ, опубликованных в России и за рубе-

жом, в частности комментированного издания драм Х. Ибсена «Кесарь и Галилеянин» и «Росмерсхольм» (в серии «Литературные памятники», 2006).
ars-andreev@yandex.ru

Яковлева Александра Алексеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: лексикология, грамматика нидерландского языка. yakosasha@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жаров Б. С.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Наши юбиляры	3
Библиография работ В. П. Беркова	10
Библиография работ И. П. Куприяновой	13
<i>Алёшин А. С.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие фигуру человека	16
<i>Воробьёва Е. В.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Отглагольные существительные с семантикой однократности в норвежском языке	24
<i>Григорьева Ю. М.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича). Особенности синтаксиса шведского библейского языка	33
<i>Гурова Е. А.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). О некоторых словообразовательных моделях датских оценочных существительных и их коннотационном потенциале	41
<i>Диева А. А.</i> (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). К вопросу о грамматическом статусе датского неопределенного местоимения <i>nogle</i> ..	51
<i>Ермакова О. С.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). О новонорвежском как языке художественной литературы. Мотивация писателей	59
<i>Жаров Б. С.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Судьбы датского языка в Исландии ..	64
<i>Капралова Н. Н.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Постнигилистический человек Ницше в творчестве Кнута Гамсуна рубежа XIX–XX вв.	72
<i>Коровин А. В.</i> (Моск. гос. пед. ун-т). Особенности психологизма в новеллах Хермана Банга	82
<i>Костанда О. В.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Назывные и экспрессивнообразные метафоры в современном шведском языке	93
<i>Краснова Е. В.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Датские препозитивные морфемы греко-латинского происхождения	103
<i>Крылова Э. Б.</i> (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). Статус модальных частиц датского языка и порядок их следования в предложении ..	112
<i>Кузьменко Ю. К.</i> (Ин-т лингв. иссл. РАН). Борьярмолет, саамшведский пиджин начала XVIII в.	122
<i>Ливанова А. Н.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Временной тест Филлмора применительно к норвежским глаголам маршрута	133
<i>Лисовская П. А.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Мотив «пророка и толпы» в романах П. У. Энквиста	142

<i>Ломагина А. В.</i> (Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена). От исторического факта к мифу. Реконструкция истории убийства Эрика V Глишпинга в балладах и литературе XIX и XX вв.	152
<i>Михайлова И. М.</i> (С.-Петербург. гос. ун-н). О трех переводах стихотворения Мартинуса Нейхофа «Ребенок и я»	162
<i>Мокин И. В.</i> (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). Продуктивные полуаффиксы в современном шведском языке	173
<i>Пресс Н. А.</i> (С.-Петербург. политехн. ун-т). Роман Агнеты Плейель «Зима в Стокгольме»	180
<i>Савицкая А. В.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т). Новая шведская лексика: начало XXI в.	188
<i>Салтыков А. А.</i> (С.-Петербург. гос. ун-т телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича). «Мифы» Й. В. Йенсена — новый жанр малой прозы в датской литературе?	197
<i>Толстая Н. Н.</i> (С.-Петербург. гос. ун-н). Гостям из Швеции о Ленинграде—Санкт-Петербурге.	204
<i>Удилова Д. А.</i> (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). Функции вынесения ремы в начальную позицию высказывания в современном шведском языке	210
<i>Чекалина Е. М.</i> (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). О взаимодействии грамматики и семантики рода в шведском языке	218
<i>Юрьев А. А.</i> (С.-Петербург. гос. академия театр. искусства). Драматическая поэма Хенрика Ибсена «Бранд» в свете религиозно-философских воззрений Сёрена Киркегора	230
<i>Яковлева А. А.</i> (С.-Петербург. гос. ун-н). О нидерландских глаголах <i>ketten</i> и <i>weten</i>	240
<i>Карл фон Руланд.</i> Воспоминания о плене в России и войнах Карла XII (1709–1714). Предисловие, перевод с шведского и примечания Ю. Н. Беспятых (С.-Петербург. Ин-т истории РАН)	247
<i>Берков В. П.</i> (С.-Петербург. гос. ун-н). Несколько штрихов к портрету М. И. Стеблин-Каменского	257
Сведения об авторах	267

Научное издание

Скандинавская филология

Scandinavica

Вып. 10

Межвузовский сборник

Редактор *Л. А. Карпова*
Художественный редактор *Е. А. Соловьева*
Художественное оформление *С. В. Лебединского*
Верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 29.06.2009. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,04. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство СПбГУ.

199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41